

С.Ю. Нечаев

В

РУССКИЕ
ЛАТИНСКОЙ
АМЕРИКЕ

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Annotation

Наши соотечественники эмигрировали в Латинскую Америку по разным причинам — экономическим, политическим, идеологическим. Большинство из них приняли обычаи нового дома, но при этом не утратили своих. Вы узнаете об участии русских солдат и офицеров в войне между Боливией и Парагваем и о русских казаках, которые подняли сельское хозяйство Аргентины на небывало высокий уровень; о русских художниках-эмигрантах, чьи полотна по праву вошли в золотой фонд культуры стран Латинской Америки. Вам будет небезынтересно узнать и новые детали операции НКВД по ликвидации Л. Троцкого в Мексике.

С. Ю. Нечаев

Русские в Латинской Америке

Глава первая

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЭТАПЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЛАТИНСКУЮ АМЕРИКУ

Русская эмиграция (отлат. *emigro* — «выселяюсь») в Латинскую Америку, то есть добровольное переселение по экономическим, политическим и личным обстоятельствам, началась с конца XIX века. С тех пор в регион, к которому принято относить американские страны, расположенные южнее США, в которых преобладают испанский и португальский языки, прибыло несколько волн эмигрантов.

Первыми переселенцами из России были русские немцы с Волги, которые после введения в 1874 году в России всеобщей воинской повинности решили переселиться в Аргентину, привлеченные ее новым иммиграционным законом от 1876 года (тогда в Аргентине еще не было всеобщей воинской повинности, введенной в начале XX века). В результате к 1910 году в одной лишь Аргентине проживало около 45 000 русских немцев.

Приблизительно с 1890 года в Латинскую Америку стали переселяться евреи из западных областей Российской империи. Это была как бы вторая волна эмигрантов из России. В результате к 1914 году в той же Аргентине проживало около 100 000 евреев из России.

Помимо немцев и евреев, к началу 80-х годов XIX века в Латинской Америке (в основном в Аргентине и отчасти в Уругвае) осело довольно много славян, преимущественно сербов и черногорцев. Тогда же в регион начали прибывать и болгары. Все они, исповедуя православие, естественно, обращали взоры к России — мощной покровительнице всего славянского мира. При этом отсутствие православных храмов долгое время ущемляло интересы славян в странах, где господствовало католичество.

Начало русской эмиграции в страны Латинской Америки также относится к последней четверти XIX века. По своему характеру это была экономическая эмиграция и состояла она преимущественно из крестьян, прибывших сюда в поисках свободной земли. Среди выходцев из России, помимо русских, были также белорусы, украинцы и представители других народов, многие из которых относили себя к русским. Обольщенные щедрыми посулами вербовщиков и перспективами долгожданного избавления от нищеты у себя на родине, эти люди в поисках земли и хлеба все увеличивавшимися потоками прибывали в Аргентину, Бразилию и Уругвай. Но щедрые обещания, как это обычно и бывает, обернулись суровой действительностью: русским эмигрантам пришлось осваиваться в тяжелых экономических и природных условиях, поднимать «дикие» земли без какой-либо материальной поддержки от пригласившего их государства. Далеко не все выдержали эти трудности. Многие вскоре ни с чем вернулись на родину, но, так или иначе, число переселенцев из России в страны Латинской Америки продолжало возрастать.

*** * ***

Основным местом сосредоточения эмигрантов из России в Латинской Америке стала Аргентина.

Официальные дипломатические отношения между Россией и Аргентиной были установлены с назначением в 1885 году чрезвычайным посланником при Аргентинской республике русского дипломата Александра Семеновича Ионина (1837–1900). Этот человек родился в Москве в дворянской семье. В 1854 году он окончил курс в Лазаревском институте восточных языков, затем стал воспитанником Отделения восточных языков при МИДе. В августе 1856 года он был определен на службу при русской миссии в Константинополе, а в апреле 1857 года назначен драгоманом (то есть переводчиком) русского консульства в Сараево.

С 1878 по 1883 год А. С. Ионин был министром-резидентом в Черногории и фактически управлял этой страной. Ему очень нравилось, что Черногория не имеет ни малейшего сходства с буржуазной Западной Европой.

Писатель К. Ф. Головин, работавший под псевдонимом Орловский, характеризовал А. С. Ионина следующим образом:

«Славян он любил искренно, но не делал себе на их счет никаких иллюзий. Нельзя было артистической натуре Ионина, отворачивавшейся от всего заурядного и мещанского, не полюбить такой самобытный народец, как черногорцы».

С 1883 по 1892 год А. С. Ионин был российским посланником в Бразилии. Он участвовал в установлении дипломатических отношений между Россией и Аргентиной (1885 г.), Уругваем (1887 г.) и Мексикой (1890 г.). А еще А. С. Ионин проехал вдоль всего восточного побережья Южной Америки, много путешествовал по материку, и все это легло в основу его четырехтомной книги «По Южной Америке», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1892–1902 годах.

Совершенно справедливо считается, что именно благодаря активности А. С. Ионина в Аргентине укоренилось православие.

Дело в том, что 1 октября 1887 года местные православные, среди которых оказалось и несколько русских, обратились к императору Александру III с ходатайством об открытии православной церкви в Буэнос-Айресе. В дело включились А. С. Ионин и обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев. В результате первая православная церковь в Южной Америке была открыта в Буэнос-Айресе 14 июня 1888 года, а уже в первый день нового, 1889 года в ней была отслужена первая в Южном полушарии православная литургия. Сразу же было совершено несколько крещений, а затем и бракосочетаний. Однако следует отметить, что вид этой церкви, располагавшейся в частном доме в двух тесных комнатах, поначалу абсолютно не соответствовал величию русского православия и самой Российской империи.

* * *

Настоящая православная церковь в Буэнос-Айресе была построена при активнейшем содействии Константина Гавриловича Изразцова (1865–1953). Произошло это в 1901 году на средства, собранные им в Аргентине и в России, в том числе на пожертвования императора Николая II. Церковь была построена на очень красивом месте, в историческом центре города.

С первых же лет своего существования эта церковь стала играть консолидирующую роль в формировании русской диаспоры в Аргентине.

Ее первым настоятелем стал молодой и энергичный К. Г. Изразцов, а его миссионерская деятельность стала едва ли не определяющей как в русско-аргентинских отношениях конца XIX — начала XX века, так и в судьбах всей русской эмиграции в Латинской Америке.

Сын бедного священника Тверской епархии из села Задорья, К. Г. Изразцов по окончании семинарии был послан учиться за казенный счет в Санкт-Петербургскую Духовную академию. В ней за отличие в учении он был удостоен степени кандидата богословия с правом получения степени магистра. После недолгой преподавательской работы по ходатайству МИДа молодой Константин Изразцов был определен псаломщиком^[1] в церковь при русской миссии в Гааге (Голландия), где за усердие он был рукоположен в сан диакона^[2]. А 15 апреля 1891 года он был назначен настоятелем Русской православной церкви в Буэнос-Айресе с возведением 20 апреля того же года в сан священника.

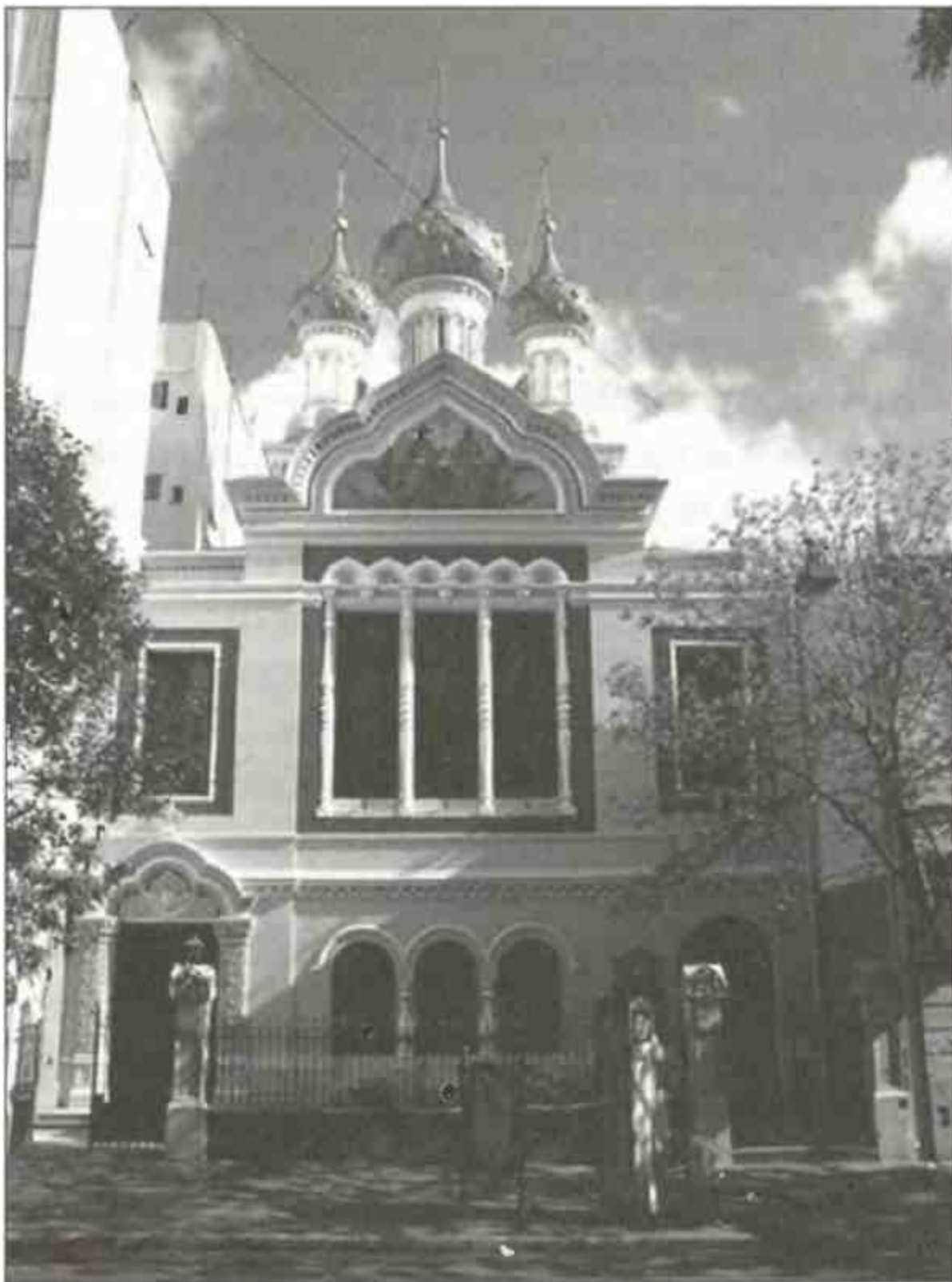
Прибыв в Аргентину, отец Константин нашел церковь заброшенной и лишенной всего самого необходимого, и тогда он дал обещание приложить все усилия к тому, чтобы привести ее в должный порядок и поднять ее престиж. По его мнению, это должен был быть настоящий храм, русское святилище, которое могло бы поднять православие в Аргентине на подобающую ему высоту. Это было особенно важно в связи с тем, что именно в те годы в Аргентину устремился целый поток переселенцев из России, в частности евреев. А для простых аргентинцев же они были «ruso» (русские). Вскоре еврейская колония в Буэнос-Айресе так разрослась, что аргентинцы стали спрашивать отца Константина, где находится его синагога. Будучи истинным ревнителем русского православия, отец Константин прекрасно понимал, что только создание русского православного храма позволит аргентинцам разобраться, кто на самом деле есть кто.

А тем временем колония православных в Буэнос-Айресе разрасталась. В 90-х годах XIX века Аргентина превратилась в одну из ведущих переселенческих стран, и отец Константин стал говорить о необходимости учреждения постоянно действующей русской миссии в Буэнос-Айресе со своим отдельным представителем, так как посланник в Аргентине в то время был одновременно и посланником в Бразилии, и он как мог разрывался между этими двумя странами. В результате назначенный в 1895 году на место А. С. Ионина новый русский посланник Михаил Николаевич Гирс (1856–1932) решил перенести свою резиденцию из Рио-де-Жанейро в Буэнос-Айрес.

М. Н. Гирс был сыном министра иностранных дел при императоре Александре III, и в МИДе он работал с 1878 года. Это был опытный и весьма уважаемый человек, и он горячо поддержал проект отца Константина по созданию русского храма в Буэнос-Айресе, о чем свидетельствуют его донесения министру иностранных дел князю А. Б. Лобанову-Ростовскому.

А тем временем отец Константин открыл при своей церкви церковно-приходскую школу. В конце 1894 года он высказался в «Церковных ведомостях» о необходимости поддержать строительство храма и вскоре уладил юридическую сторону вопроса. Для этой цели был приобретен участок земли. Будучи в 1897 году в России в отпуске, отец Константин призвал к общенародному сбору средств для построения храма в далекой Аргентине: он распространял воззвания, произносил проповеди в различных городах, лично собирал пожертвования.

Новый государь Николай II, вступивший на престол в мае 1896 года, не только лично принял отца Константина, не только расспросил его о положении дел в Аргентине, но и пожертвовал на богоугодное дело из своих средств 5000 рублей. На церковь пожертвовали и вдовствующая императрица Мария Федоровна (мать Николая II), и ряд других особ императорской фамилии. Среди крупных жертвователей значились имена настоятеля Андреевского собора в Кронштадте отца Иоанна Кронштадтского, писателя Д. Ф. Самарина и многих других известных людей.

Свято-Троицкий собор в Буэнос-Айресе

В результате 6 декабря 1898 года, в праздник Святителя Николая Чудотворца, в присутствии дипломатического корпуса и представителя президента Аргентины православный храм в Буэнос-Айресе был заложен, а 23 сентября 1901 года Свято-Троицкий храм был торжественно освящен при большом стечении народа, в присутствии президента Аргентины Хулио Рока, ряда министров и высшей

администрации Буэнос-Айреса.

Храм был воздвигнут на красивом месте в центре города. Особенно поразила всех его внутренняя красота и убранство. Храм был построен в стиле московских церквей XVII века в два этажа (внизу находилась приходская школа). Его расписывали многие известные художники, а знаменитая фирма купцов Кузнецовых, бывшая тогда крупнейшим поставщиком фарфора, фаянса, майолики и других видов изделий на мировом рынке, изготовила уникальный фарфоровый иконостас. Афонские старцы пожертвовали святые мощи. Проект же храма был выполнен академиком архитектуры при Святейшем синоде М. Т. Преображенским, а работами руководил, причем совершенно бесплатно, крупнейший аргентинский архитектор того времени Александр Кристоферсон, племянник бывшего русского Генерального консула в Буэнос-Айресе.

С этого момента роль православного храма в Буэнос-Айресе стала особенно значимой. Дело в том, что преемник М. Н. Гирса Алексей Николаевич Шпейер возвратил резиденцию в Рио-де-Жанейро, и теперь только Православная церковь представляла интересы России в Аргентине, а также оказывала всевозможную помощь православным подданным Российской империи.

* * *

После 1905 года начался массовый выезд из России в страны Латинской Америки, причем не только евреев, но и русских, украинцев и представителей других народов. В результате в 1906–1913 годах так называемая русская эмиграция только в Аргентину выросла в три раза по сравнению с предшествующим двадцатилетием и составила 120 000 человек, заняв третье место в иммиграционном потоке из Европы после итальянцев и испанцев.

В конечном итоге в начале XX века Аргентина превратилась во вторую после США заокеанскую страну, куда направлялся основной поток эмиграции из России. Это были не только крестьяне, как раньше, но также рабочие и торговцы. Находили здесь убежище и политэмигранты, в том числе потемкинцы. Страдая от незнания языка и отсутствия помощи со стороны официальных лиц, толпы русских в Буэнос-Айресе вынуждены были ночевать в парках и пустых трамвайных вагонах. И если бы не Свято-Троицкий храм, русским пришлось бы очень тяжело и многие умирали бы с голоду буквально на улицах.

Отец Константин (Изразцов) фактически представлял русскую официальную власть в Буэнос-Айресе. Единственный в католической стране женатый священник — он был женат на Елене Иосифовне Бухэй (1859–1955), — отец Константин создал при храме ячейку действительно русской колонии: открыл торговую лавку и приют для нуждающихся, вел сборы средств в пользу бедствующих, помогал желавшим вернуться в Россию, организовал бесплатную библиотеку и культурно-просветительский кружок для русских рабочих, любительский хор и драматическую труппу, которые не раз выступали публично и с большим успехом.

В годы Первой мировой войны Русская православная церковь (РПЦ) стояла на страже интересов Российской империи, посильно помогая далекой родине, содействуя возвращению в Россию эмигрантов, пожелавших с оружием в руках защищать родную землю.

Февральская революция и последующие события испортили отношения православной общины Буэнос-Айреса с новыми хозяевами в Петрограде. Уже в апреле 1917 года отец Константин был отстранен Временным правительством от занимаемой должности секретаря дипломатического отдела российской миссии в Буэнос-Айресе. Октябрьская революция, Гражданская война и развал религиозной жизни в Советской России не могли не сказаться на положении РПЦ в Аргентине — она перешла в подчинение Архиерейскому синоду Русской православной церкви заграницей (РПЦЗ).

* * *

В результате Гражданской войны в России в страны Латинской Америки хлынул поток белоэмигрантов. Эта новая волна эмиграции началась с 1918 года и состояла из людей, бежавших от большевистского террора. Особенно много «белых русских» приехало в Аргентину и Бразилию в 1920 году и чуть позднее, после эвакуации из Крыма. Это были люди самых разных социальных и профессиональных слоев свергнутого царского режима: студенты, писатели, ученые, купцы, помещики, духовенство и, главным образом, офицеры и солдаты побежденной Белой армии. На военных и торговых судах, а также и на маленьких лодках разной национальной принадлежности они переплыли Черное море до Стамбула и доехали до Галлиполи (Турция). Оттуда потоки беженцев направились в самые разные страны мира, в том числе и в Латинскую Америку.

Если дореволюционную эмиграцию из России можно было с полным правом назвать экономической, то послереволюционная была чисто политической (идейной). В первом случае безработных людей гнали из страны нужда и надежда улучшить свое материальное положение, во втором — победа большевиков заставила уцелевших буквально искать спасения за границей. Естественно, судьбы и тех и других сложились неодинаково.

В Бразилии иммиграция поощрялась местным правительством, и штат Сан-Паулу предоставлял льготы на проезд, но это распространялось в основном на людей, привыкших к тяжелым полевым работам. В результате многим бежавшим из России приходилось скрывать свои знания и культуру для того, чтобы воспользоваться предоставленной возможностью. По официальным данным, с 1911 по 1920 год из России в Бразилию эмигрировало 37 600 человек.

В Аргентине белоэмигранты концентрировались в основном в столице, где им легче всего было устроиться в соответствии с их знаниями и профессиональной подготовкой. Это были люди, придерживавшиеся монархических взглядов: бывшие царские генералы и полковники, морские офицеры всех рангов, представители православного духовенства, купцы, помещики, интеллигенция. Весь цвет русского эмигрантского общества группировался вокруг Свято-Троицкого храма, возглавлявшегося отцом Константином и ставшего после 1917 года центром политической жизни русских в Буэнос-Айресе.

Особенно много было беженцев, первоначально осевших в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, а потом вынужденных покинуть эту страну. Исследователь данного вопроса В. И. Косик пишет:

«Недостаток рабочих мест и стабильного, достаточного заработка в среде беженцев, не имевших ничего предложить, кроме своих рук, явились причиной создания в 1924 году „Русского колонизационного бюро“. Оно ставило своей целью содействовать переезду беженцев в Южную Америку, где они могли бы организовать фермерские поселения на собственной земле. Подобные проекты получили довольно широкое распространение и в других странах Европы, где осели беженцы. Начало рассеивания беженцев не могло не взволновать руководство эмиграции. Оно провело даже специальное исследование, на основании которого были сделаны такие выводы: переселение в Америку, как частичная мера, может быть выходом для некоторых групп беженцев и вследствие этого нуждается в поддержке; ограниченность переселенческих проектов не вызывает опасений потери больших русских сил, необходимых для будущего России; организация переселения требует участия русских представительств в Южной Америке; необходимо прекращение вербовки до получения широкой информации об условиях жизни будущих переселенцев.

На бумаге выходило гладко, но действительность была иной. Сами дипломаты не могли препятствовать организации и выезду соотечественников, денег же на отплытие в Южную Америку у

представительств не было. Сбывались худшие опасения русских дипломатов — об использовании переселенцев как бесправных рабов. Один из очевидцев писал в марте 1926 года из Буэнос-Айреса, предупреждая русскую дипломатию, что земли, предлагаемые разными спекулянтами, стремящимися „нагреть руки“ на „белых рабах“, никуда не годны. Это делается „для разряжения Европы от „русского засилья“ или попросту с целью уничтожения истинно русских людей, ибо едва ли те, что будут переселены сюда... вернутся когда-либо на Родину“. Но русские дипломаты были бессильны. Готовились и отправлялись группы (в основном из казаков) в Аргентину, Бразилию, Перу и т. д. Конечно, некоторые группы приживались в новых условиях, но были и такие, которых постигла судьба, похожая на судьбу группы генерала Павлюченко. Она состояла из сотни казаков, решивших отправиться в Перу. Вербовка была проведена братьями Королевичами. Желая привлечь на свою сторону Штрэндмана как возможного союзника и обезопасить свое „дело“ от каких-либо затруднений, один из братьев в письме к русскому дипломату, датированном 1930 годом, характеризовал Перу как страну, весьма благоприятную во всех отношениях для переселенцев. Но реальность являлась совсем иной. Полученная земля была малоплодородной, условия жизни и работы — более чем отвратительными, заработок приходилось отдавать Королевичам за проезд до Лимы. Когда же казаки решили „рассчитаться“ с вербовщиками за обман и найти какую-либо работу в перуанской столице, Павлюченко обвинил их в большевизме. После содержания в тюрьме казаки были интернированы на один из небольших островов. Большинство из них там и умерли, оставив после себя потомство с медным оттенком кожи и русскими именами».

* * *

Возвращаясь к Свято-Троицкому храму в Буэнос-Айресе, возглавлявшемуся отцом Константином, надо сказать, что в 20-е годы его приход стал исключительно русским. Вокруг него сплотилась настоящая белая колония. Отец Константин создал «Общество взаимопомощи» для русских эмигрантов, принимал самое активное участие во всех культурно-просветительских и политических акциях белой эмиграции, финансировал все эмигрантские объединения и организации в начале их деятельности.

В 1926 году отец Константин стал протопресвитером[3] и администратором русских православных церквей в Латинской Америке. Теперь он заботился о всех своих соотечественниках, очутившихся в сопредельных с Аргентиной государствах. Его усилиями было открыто шестнадцать церквей в Латинской Америке (в Аргентине, Бразилии, Чили, Парагвае, Уругвае).

Что же касается Буэнос-Айреса, то, кроме главного храма на виа Бразилиа, в аргентинской столице было создано еще несколько приходов: кафедральный собор в северной части города (на сооружение его иконостаса внесли пожертвования члены семьи Саввы Ивановича Мамонтова, крупного русского промышленника и мецената[4]), церковь в районе Кильмес (зоне проживания казаков), церковь в городе Темперлей, еще одна церковь Всех Святых Земли Русской в Каселаре и, наконец, церковь преподобного Сергия Радонежского в Вилья-Бальестерс. При приходах были созданы школы, библиотеки, издательства и дома для престарелых.

Свято-Троицкая церковь в Чили

По некоторым данным, в 20-х годах в Южную Америку прибыло около 3000 русских эмигрантов.

Трудно установить, сколько из них попало в Аргентину, но можно предполагать, на основании некоторых свидетельств, что не более тысячи. К. К. Парчевский в своей книге «В Парагвай и Аргентину» утверждает, что в 30-х годах в Буэнос-Айресе жило около 500 эмигрантов из России.

В начале 30-х годов в Парагвай прибыло несколько сотен русских военных (бывших белогвардейцев), и они стали сотрудничать с парагвайской армией во время войны с Боливией (об этом подробно будет рассказано ниже).

В Бразилии эмигранты из России концентрировались в основном в Сан-Паулу. Там они поначалу пользовались местной сирийской православной церковью, где службу для русских совершал отец Христофор, но уже в 1931 году по инициативе отца Константина (Изразцова) была построена собственная церковь — Свято-Троицкий храм в местечке Вила-Алпина^[5]. В 1935 году, после приезда отца Феодосия^[6], была основана Православная Епархия со штаб-квартирой на улице Тамандаре, где был построен Свято-Николаевский собор. Было также построено еще несколько православных храмов в Сан-Паулу и в других регионах Бразилии (в городах Рио-де-Жанейро, Порту-Алегри, Гойания и Санта-Роза).

* * *

Нападение Германии на СССР пошатнуло непримиримую позицию части белоэмигрантов по отношению к советской власти. Русская колония в Латинской Америке разделилась на три группы. В первую группу входили те, кто поддержал Гитлера, надеясь, что он поможет избавить Россию от коммунистов. Во вторую группу вошли те, кто стоял за победу Красной армии с тем, чтобы после разгрома

фашистов обратить победоносные войска против большевизма в СССР. Третья группа, разросшаяся к концу войны, заявила о необходимости встать на сторону СССР. Многие представители этой группы встали на патриотические позиции и поддержали борьбу советского народа и Красной армии против фашистских захватчиков.

Вообще надо сказать, что после нападения Германии на СССР среди русской белой эмиграции в Латинской Америке начали нарастать просоветские настроения. Однако церковный приход в Буэнос-Айресе остался непримиримым врагом всего «красного». Весьма любопытен, например, такой эпизод. В начале войны генерал А.В. фон Шварц, бывший военный генерал-губернатор Одессы, прибывший в Аргентину в 1923 году и работавший профессором фортификации в Escuela Superior de Guerra (Высшей военной школе), потребовал, чтобы отец Константин отслужил молебен о победе русского оружия, но тот отказался, заявив, что служить молебен о даровании победы большевикам, разрушившим храмы, нельзя. В конечном итоге группировка во главе с генералом А.В. фон Шварцем порвала с церковью отца Константина.

В ходе Второй мировой войны И. В. Сталин под давлением союзников начал разыгрывать «религиозную карту», пойдя на восстановление патриаршества[7]. Это способствовало тому, что часть эмиграции «порозовела». В частности, стараниями бывшего председателя Славянского Союза Павла Петровича Шостаковского[8] (бывшего офицера Семеновского полка, в Аргентине работавшего представителем «ФИАТа» в Буэнос-Айресе) удалось открыть в Буэнос-Айресе небольшую церковь, подчиненную уже Московской Патриархии.

Однако мудрый отец Константин не доверял переменам в сталинском СССР, считая их вынужденной уступкой советской власти религиозным чувствам верующих на время войны с Германией, а Московскую Патриархию — «дочерним ведомством НКВД». Остаток своей жизни он посвятил организации вызовов в Латинскую Америку перемещенным лицам по линии американского Красного Креста.

* * *

После Второй мировой войны начался еще один великий исход, на этот раз именно в страны Латинской Америки. Первая страна, пригласившая к себе русских белых эмигрантов после войны, была Аргентина. Президент Республики генерал Хуан Доминго Перон лично издал приказ в 1948 году о приеме 10 000 русских, независимо от их возраста и семейного положения.

Среди прибывших в Латинскую Америку в 1948–1951 годы были не только эмигранты, проживавшие до войны в странах Западной Европы, но также и значительное число бывших советских военнопленных в Германии, не пожелавших вернуться в продолжавшую находиться под властью коммунистов Россию. Вся проблема состояла в том, что в 1945 году победивший Советский Союз распространил свой контроль над многими странами Западной Европы. Русским, проживавшим в изгнании в этих странах, пришлось снова бежать. К ним присоединились и русские, угнанные на работу в Германию, попавшие в плен к немцам или дезертировавшие из Красной армии. Эти люди опасались осуждения сталинским режимом за «сотрудничество с врагом».

Таким образом, пошедший после 1945 года в Латинскую Америку эмигрантский поток состоял в основном из среды так называемых перемещенных лиц (Displaced Persons — DP), не пожелавших возвращаться в СССР. Поначалу их устроили в Австрии, в лагерях для беженцев под ответственностью UNRRA (United Nations Relief and Rehabilitation Administration), а впоследствии под эгидой IRO (International Refugee Organization). Позже они были направлены в разные страны, в том числе в Бразилию. По прибытии в Бразилию их приютили в специально построенных общежитиях «Илья-дас-Флорес» в Рио-де-Жанейро и

«Кампу-Лимпу-Паулиста» в Сан-Паулу. Это большое иммигрантское движение продолжалось до начала 50-х годов.

Конечно же, после 1945 года русская колония в Латинской Америке существенно пополнилась. Среди ее представителей было немало известных фамилий: потомки и родственники великого русского дипломата Александра Михайловича Горчакова, генерала от инфантерии Михаила Васильевича Алексеева, известного фабриканта и мецената Саввы Ивановича Морозова, князей Волконских и др.

По данным бразильского правительства, в период с 1919 по 1947 год в страну въехало 123 727 русских. За 1947–1951 годы в Бразилию приехало еще более 6500 человек. Подобные цифры кажутся невероятными, и, возможно, тут имеет место ошибка, связанная с понятием «русский». Вполне можно допустить, что большая часть так называемых «русских» состояла из украинцев, армян, литовцев, латышей и т. д.

После 1949 года в ту же Бразилию прибыло еще около 25 000 русских из Китая. Причиной этого стала Китайская революция 1949 года, вызвавшая массовую эмиграцию русских беженцев из этой страны. Большинство из них были детьми русских эмигрантов, прибывших в Китай после 1917 года. Бразилия великодушно приняла эту новую группу иммигрантов. Некоторые из них не ужились в Бразилии и, воспользовавшись гостеприимством, переехали в другие страны, главным образом в США, Канаду и Австралию.

Русские иммигранты сосредоточились в больших городах, таких как Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро и Порту-Алегри. В штатах Парана, Мату-Гроссу и Гойас основались «староверы».

6 января 1953 года скончался отец Константин (Изразцов), спасший после Второй мировой войны от ГУЛАГа не одну тысячу бывших советских граждан. Он был погребен около Свято-Троицкого храма в Буэнос-Айресе. Через два года здесь обрела упокоение и супруга отца Константина — Елена Иосифовна Бухэй. У их могильной плиты можно увидеть надпись: «Сия гробница была сделана по особому разрешению президента республики Аргентины генерала Хуана Доминго Перона».

После отца Константина место главы Русской православной церкви в Аргентине занял протоиерей Федор Форманчук. Он скончался 22 мая 1977 года, и его место настоятеля Свято-Троицкого храма занял отец Валентин (Ивашевич). В том же году отец Валентин был избран Президентом Русской православной ассоциации в Аргентине.

Среди священнослужителей можно отметить также отца Владимира (Скалона), проживавшего в Аргентине. Он был клириком [\[9\]](#) Воскресенского кафедрального собора в Буэнос-Айресе, потом заместителем председателя Епархиального совета Аргентинской епархии РПЦЗ и заместителем настоятеля Воскресенского кафедрального собора в Буэнос-Айресе.

* * *

В 1969 году в Буэнос-Айрес прибыл архиепископ Леонтий (Василий Константинович Филиппович), перемещенный сюда из Сан-Паулу.

Этот человек родился в 1907 году (по другим сведениям, в 1904 г.). В 1927 году он принял монашеский постриг, потом был приходским священником в Покровской церкви в Киеве, а в 1932 году его арестовали и посадили в Лукьяновскую тюрьму. Затем его отправили на принудительные работы в Житомирскую область. Свободу он получил лишь с приходом немецких войск в Житомир. После этого он находился на оккупированных территориях, был епископом Бердичевским, потом — Житомирским. По окончании войны он уехал за границу: в Польшу, потом в Австрию. С 1946 года он возглавлял Парагвайскую

кафедру РПЦЗ, а в 1953 году был назначен в новообразованную Чилийско-Перуанскую епархию. Уже будучи архиепископом Сантьягским и Чилийским, он в 1967 году был переведен в Сан-Паулу, а оттуда — в Аргентину, где в то время находилась самая многочисленная в Латинской Америке русская колония.

Как ни странно, но именно это и создавало серьезные проблемы, так как среди соотечественников в Аргентине находились люди совершенно различных политических и религиозных взглядов. Немало было людей, настроенных просоветски или проамерикански, а также вообще далеких от церковной жизни. Издатель выходившей в Буэнос-Айресе газеты «Русское слово» Н. И. Сахновский^[10] описывает жизнь архиепископа Леонтия в тот период следующим образом:

«Тяжело сложились обстоятельства жизни епископа, а затем архиепископа Леонтия в Южной Америке. Его искренние недоумения, слишком прямые высказывания, трудность освоиться с образом мышления многих лиц приводили к взаимному непониманию и недоверию, а это, в свою очередь, не могло не отражаться на положении владыки.

Раз установившееся мнение меняется с трудом. Многие годы пришлось владыке Леонтию бороться со всякими трудностями в Чили, где он сумел создать то, чего не смогли сделать многие другие, имевшие гораздо большие возможности. Но во время гонений и мук, которые ему пришлось претерпеть в совдепии, он находил опору и сочувствие в среде верующих. Там было все ясно: были мы и они. В Чили было трудно, бедно, но было и верное стадо, укреплявшее своим постоянным участием дух жертвенности доброго пастыря. Самое же тяжелое началось только в декабре 1969 года, когда владыка был назначен на аргентинскую кафедру. Ни ангельское долготерпение, ни незлобивость и любовь, с которыми владыка прибыл в Буэнос-Айрес, не смогли перебороть ни перед чем не останавливающихся людей. Владыка возлагал много надежд на предстоящий тогда Собор епископов и готовил к нему доклад. Сердечное заболевание требовало отдыха и лечения, но приступ не прекращался. Владыке стало лучше, когда совершенно неожиданно для всех любивших его, 2 июля 1971 года, владыку нашли скончавшимся в его опочивальне».

* * *

Последняя волна эмиграции в Латинскую Америку совпала с Перестройкой. Эта волна носила скрытый, завуалированный характер. Так называемые «новые русские» составили в ней крайне незначительный процент. Подавляющее же большинство прибывало в Аргентину, Бразилию и другие страны в надежде просто заработать, а при благоприятном «раскладе» — остаться тут на постоянное место жительства.

Русское кладбище в Сантьяго (Чили)

При этом не одно десятилетие существовала и существует и прямо противоположная тенденция. Еще в пору хрущевской оттепели 60-х годов многие русские эмигранты и их потомки, рожденные в Латинской Америке, приняли советское гражданство и возвратились на историческую родину. В Москве, например, число русских репатриантов из одной Аргентины, по некоторым данным, насчитывает около 6000 человек.

* * *

Латинская Америка — континент не маленький, и русские живут там не компактно. Однако православная церковь и любовь к русской культуре объединяют их в единое целое. Русским языком владеют все, почти все воцерковлены, существуют русские издания, в том числе и периодические. Дети посещают субботние школы при храмах, иногда находящиеся за двести и более километров от дома. Там преподаются Закон Божий, русская история, русский язык, русская литература и т. д.

Долгое время православные общины в Латинской Америке были расколоты на две части: просоветскую и монархическую, и они были непримиримо настроены по отношению друг к другу. Лишь в конце 90-х годов удалось убедить их, что родина у них одна — Россия, и делить в новой России нечего. В частности, в 1996 году в российском посольстве в Аргентине был организован прием по случаю Рождества Христова, на который впервые вместе пришли представители обеих частей местной православной общины.

Православные храмы всегда играли в жизни русских эмигрантов огромную роль. Борман А. А., сын умершей в США известной деятельницы кадетской партии Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс, по этому поводу пишет:

«Для русской эмиграции от большевиков церковь превратилась в часть России, в какой-то степени она заменила Россию... Придя в церковь, помолившись и очистив душу, они после службы обменивались новостями, воспоминаниями, а окружающее звучание русского языка помогало и на чужбине чувствовать себя русскими».

* * *

В настоящее время приходы Русской православной церкви (РПЦ) в государствах Латинской Америки объединяет Аргентинская и Южноамериканская епархия [\[11\]](#), в Русской православной церкви заграницей (РПЦЗ) — Буэнос-Айресская и Южноамериканская епархия. Первая была создана в 1946 году, вторая — в 1948 году.

Правящим архиереем Аргентинской и Южноамериканской епархии является архиепископ Платон (Владимир Петрович Удовенко).

Этот человек родился в 1940 году в поселке Успенка Ворошиловградской области. С 1958 года он учился в Киевской духовной семинарии, потом служил в Советской армии. В 1969 году он окончил Ленинградскую духовную академию и стал кандидатом богословия. В 1971 году он был пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона, затем — во иеромонаха. В 1972 году он был возведен в сан архимандрита и направлен на священнослужение в Аргентинскую епархию; с декабря 1973 года — епископ Аргентинский и Южноамериканский. В 1977 году он был возведен в сан архиепископа и назначен Патриаршим экзархом [\[12\]](#) в Центральной и Южной Америке. С 1980 по 1993 год он служил в России, а 1 ноября 1993 года вновь оказался на Аргентинской и Южноамериканской кафедре. В 2004 году он был возведен в сан митрополита.

Главой Буэнос-Айресской и Южноамериканской епархии РПЦЗ до 1983 года был архиепископ Афанасий (Антон Викентьевич Мартос), приехавший в Аргентину в 1956 году. Он скончался в Буэнос-Айресе от сердечного приступа и был похоронен на братском кладбище за собором Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (штат Нью-Йорк, США).

После него во главе епархии стояли епископы Иннокентий (Петров) (1902–1987) и Иоанн (Иван Савич Легкий) (1907–1995).

До последнего времени кафедру возглавлял епископ Буэнос-Айресский и всея Аргентины Александр (Александр Васильевич Милеант), родившийся в Одессе в 1938 году. Он скончался на 68-м году жизни, 12 сентября 2005 года.

После кончины епископа Александра кафедра вдовствует.

Благовещенский собор в Буэнос-Айресе

К настоящему времени в Аргентине действует еще несколько православных епархий и юрисдикций. Это Аргентинская митрополия Антиохийского патриархата (митрополит Силуан) и Буэнос-Айресская и Южноамериканская митрополия Константинопольского патриархата (митрополит Тарасий). Кроме того, в стране действуют приходы Сербской православной церкви и Румынской православной церкви.

Положение Православия в Аргентине сейчас не самое простое. Общая проблема для многих — острая нехватка духовенства (из-за общей нищеты, усугубившейся после дефолта 2002 года, мало какие приходы могут позволить себе содержать священника). По этой причине служащим отцам приходится постоянно разъезжать на дальние расстояния по приходам и одновременно работать на какой-либо светской работе для обеспечения своих семей. Из-за этого многие православные лишь раз в год получают возможность исповедоваться и причаститься.

Главными православными храмами в Аргентине являются:

Благовещенский кафедральный собор в Буэнос-Айресе (РПЦ)

Адрес: Bulnes 1745, Buenos Aires, Argentina.

Храм Всех Святых в земле Российской просиявших в Буэнос-Айресе (РПЦ)

Адрес: Estados Unidos 3686, 1824 Lanus Oeste, Buenos Aires, Argentina.

Свято-Троицкий собор в Буэнос-Айресе (РПЦЗ)

Адрес: Calle Brasil 315, Buenos Aires 1154, Argentina.

Воскресенский собор в Буэнос-Айресе (РПЦЗ)

Адрес: Nunez 3541, Buenos Aires 1430, Cap. Fed., Argentina.

Воскресенский собор в Буэнос-Айресе

Храм Святой Троицы в г. Обера (РПЦ)

Адрес: Taruma 43, Obera (prov. Misiones), Argentina.

Храм преподобного Иова Почаевского в г. Сан-Мартин (РПЦ)

Адрес: F. Ballester 679, San Martin, (prov. Buenos Aires), Argentina.

Предположительно в конце 2009 года РПЦЗ планирует открыть **храм Святых Царственных Страстотерпцев** в курортном районе аргентинского города **Мар-дель-Плата** (сейчас здесь проживает около 1500 русскоязычных граждан).

Главными православными храмами в Бразилии являются:

Храм Святой мученицы Зинаиды в Рио-де-Жанейро (РПЦ)

Адрес: Rua Monte Alegre 210, Santa Tereza cep. 20240-190 Rio de Janeiro, Brazil.

Храм Святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова в г. Кампинья-даш-Мишионес (РПЦ)

Адрес: Linha Paca Sul Campinias dos Misiones RS 989975000, Brazil.

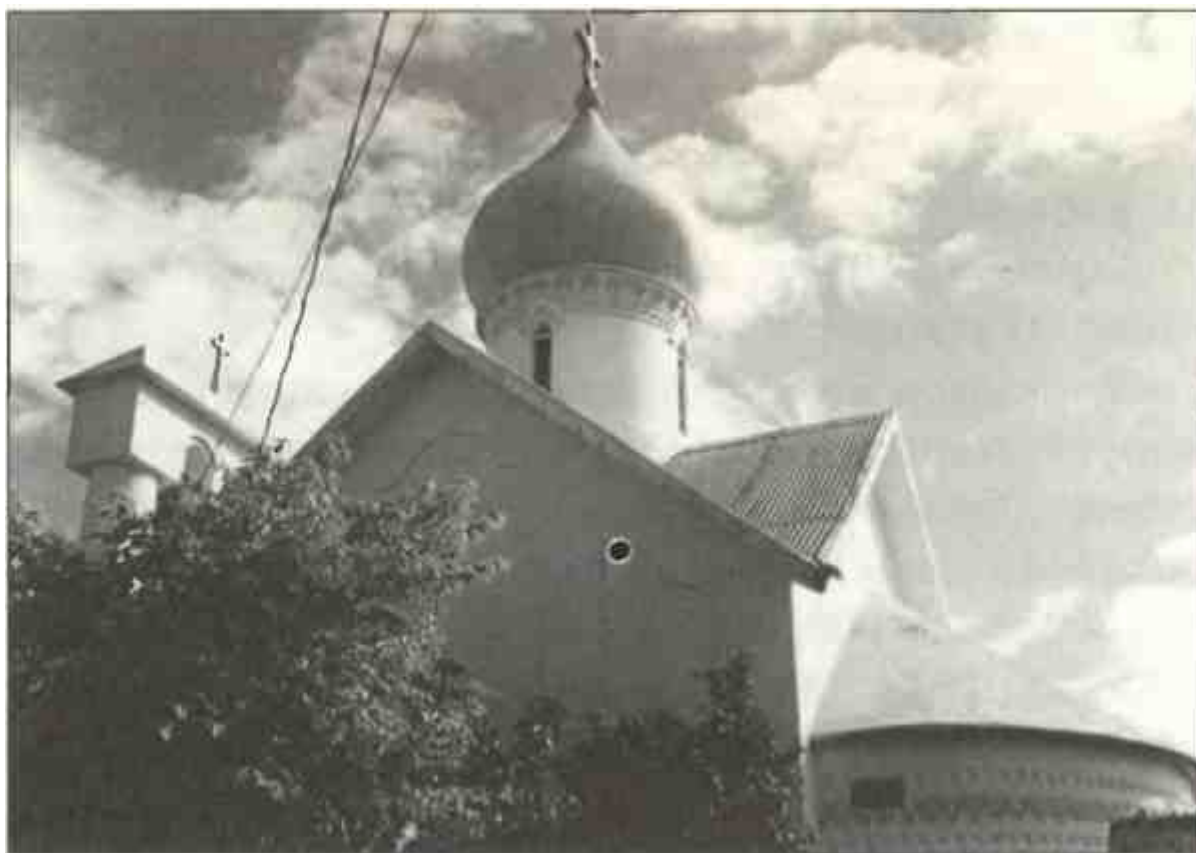
Храм Святых апостолов Петра и Павла в г. Санта-Роса (РПЦ)

Адрес: Rua R. Barbosa, 175-Ox. Postal, 374 Santa Rosa, Brazil.

Храм преподобного Сергия Радонежского в г. Порту-Алегри (РПЦ)

Адрес: Igreja Sao Sergio de Radonej, Passo D'areid Av. General Lucie Esteves, 215, Porto Alegre 91-030-310 Brazil.

Единственный православный храм в Рио-де-Жанейро находится в центре города. Недавно он обрел второе рождение (в нем закончились восстановительно-ремонтные работы).

Храм Святой мученицы Зинаиды в Рио-де-Жанейро (Бразилия)

Храм Святой мученицы Зинаиды был построен в 1937 году в стиле псковских храмов конца XIII — начала XIV века. Планы строительства были сделаны инженером Константином Дмитриевичем Трофимовым (он был настоятелем храма до 1950 г.). Контроль за строительством осуществлял Глеб Константинович Сахаров, который жил и много работал в Бразилии. Будучи успешным архитектором, он мог позволить себе пожертвовать крупную сумму на строительство небольшой церкви. По окончании строительства образовался довольно многочисленный приход. Первым настоятелем церкви стал священник Георгий Гордов. Первоначально она носила имя Святого Николая, однако, когда умерла жена Г. К. Сахарова по имени Зинаида, он обратился к общине с просьбой переименовать церковь в ее честь.

Долгие годы (с 1937 по 1976 г.) церковь Святой мученицы Зинаиды находилась под юрисдикцией РПЦЗ, однако в конце 90-х годов русская община выразила желание вернуться под покровительство

Московского Патриархата. После этого на заседании Священного синода от 16 февраля 1999 года было принято решение принять приход Святой мученицы Зинаиды в Рио-де-Жанейро в юрисдикцию РПЦ в состав Аргентинской и Южноамериканской епархии.

Храм Пресвятой Троицы в Ла-Пасе (РПЦ)

Адрес: Embassy in La-Paz, Bolivia, La Paz, Calacoto, Avenida Arequipa, № 8129.

В Боливии православных христиан всегда было мало (в настоящее время численность православных христиан в стране оценивается в 4400 человек), однако и здесь есть православный храм. Он находится в крупнейшем городе страны Ла-Пасе. Проект храма был подготовлен архитектором Ларисой Кусаблик, постоянно живущей в стране. Иконостас для храма был изготовлен в Сергиевом Посаде. Храм построен на территории посольства России, однако стоит так, что в него можно войти и с улицы. В настоящее время в Боливии идет подготовка к строительству второго православного храма — теперь уже в городе Санта-Крус.

В Венесуэле вплоть до середины XX столетия организованной колонии русских не существовало. В настоящее время русская диаспора в стране насчитывает приблизительно 5000 человек.

Ядром русской эмиграции в Венесуэле стала Православная церковь. Произошло это после того, как на венесуэльскую землю прибыл протоиерей Иоанн Бауманис. В 1955 году он стал настоятелем храма Святого Николая Чудотворца в Каракасе (юрисдикция РПЦЗ). С 1964 года он был членом епархиального совета, а с 1982 года — заместителем председателя епархиального совета Венесуэльской епархии РПЦЗ. При его активном участии были основаны православные приходы не только в Каракасе, но и в Валенсии, Баркисименто, Маракае и Барселоне.

Первый же православный храм в Венесуэле — храм Знамения Божьей Матери в Валенсии — был построен в 1950 году по инициативе В. Н. Ордовского-Танаевского, отца Ростислава Ордоевского-Танаевского (основателя известных в России сетей ресторанов «Ростик'с», «Friday's», «Планета суши» и др.), и по проекту архитектора В. Э. Шеффера.

В Перу (в Лиме) находится Свято-Троицкая церковь — единственный православный храм в этой стране.

Здесь небольшая русская колония образовалась в 1950 году, и главным общим делом русских эмигрантов, как и в других странах Латинской Америки, стало строительство православной церкви. Руководил строительством и сбором средств князь Алексей Николаевич Чегодаев.

Православная церковь в Каракасе (Венесуэла)

Свято-Троицкая церковь в Лиме была освящена 16 октября 1955 года епископом РПЦЗ Леонтием, возглавлявшим Чилийско-Перуанскую епархию. С первого дня и вплоть до своей кончины службы здесь вел иеромонах Серафим (Фетисов) (1908–1998).

В конце 50-х годов православный приход в Перу сменил свое подчинение. В результате конфликта с Синодом РПЦЗ настоятель Свято-Троицкой церкви обратился к руководству Американской православной церкви (АПЦ) с просьбой о принятии прихода под ее юрисдикцию. В результате перуанский приход был принят в АПЦ и находился там до конца 90-х годов.

В 1998 году, после смерти отца Серафима, церковная община обратилась к Константинопольскому Патриархату с просьбой принять ее под свою юрисдикцию. Сегодня эту церковь уже нельзя назвать русской. Большинство прихожан составляют греки и арабы, а службу ведет на испанском языке прибывший из Бразилии архимандрит Хосе де Оливера.

Есть православные храмы и в Парагвае: это церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Асунсьоне и церковь Святого Николая в Энкарнасьоне.

Помимо этого, в Латинской Америке есть еще несколько православных храмов: это, в частности, Покровский храм в Панаме, храм Покрова Божией Матери в Мексике, храм Святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова в г. Санта-Роса (Чили) и др.

В октябре 2008 года было объявлено, что скоро появится русский храм РПЦ в Эквадоре.

* * *

По разным данным, численность русской диаспоры в странах Латинской Америки не так уж и велика и составляет сейчас около 150 000 человек. Все эти люди сосредоточены главным образом в странах Южной Америки — в Аргентине и Бразилии (около 110 000 человек), в Парагвае (около 10 000 человек), а также в

Уругвае, Чили и Венесуэле.

В целом столь небольшая численность выходцев из России в Латинской Америке объясняется ее удаленностью от Европы, от таких крупных центров русской эмиграции, как Франция или Сербия. Важную роль в этом сыграли и большие дорожные расходы, которые не все смогли себе позволить, специфический климат и экзотические болезни, не сравнимый с европейским уровень экономического, социального и культурного развития, незнание испанского языка. Немаловажным фактором является и то, что многие эмигранты мечтали рано или поздно вернуться на родину (крушение большевистского режима казалось им лишь делом времени), а посему они предпочитали обосновываться в странах, расположенных в непосредственной близости от России.

Что касается адаптации русских эмигрантов в Латинской Америке, то и тут имела место своя специфика. Казалось бы, на чужбине русские люди должны были объединиться. По религиозному принципу, по языковому... Хотя бы для того, чтобы выжить. Однако подлинного объединения русской эмиграции, по примеру тех же немцев или евреев, в странах Латинской Америки так и не получилось. Этому есть несколько причин, как объективных, так и субъективных. Прежде всего, эмигранты перенесли с собой в Латинскую Америку свои извечные политические распри: «упертые» монархисты терпеть не могли, например, кадетов, стоявших за конституционно-парламентарную монархию и демократические свободы, а вместе они «дружно» конфликтовали с теми, кто приехал после Второй мировой войны и уже прекрасно понимал, что такое сталинский Советский Союз. Даже в лоно православной церкви, как мы уже говорили, проникли семена раздора и нетерпимости.

Т. Ю. Нечаева в статье «Адаптация русских эмигрантов в Латинской Америке» констатирует:

«Все это вносило сумятицу в умы русских людей и способствовало их разобщению. А ведь именно церковь могла бы стать силой, объединяющей всех выходцев из России. Психотерапевтическая помощь христианской религии была особенно необходима для большей части русских эмигрантов — усталых, разочаровавшихся, растерянных, не нашедших себе применения в Европе людей, прибывших сюда без гроша в кармане, но с огромным грузом смутных воспоминаний о России. Для многих из них (главным образом для белой эмиграции) Латинская Америка была уже не первым местом, где они пытались начать новую жизнь.

Таким образом, политические и моральные анахронизмы, по сути, сводили на нет такие объединяющие факторы, как единство языка, культуры, национального характера, религии и прочие. К тому же не нашлось лидера, вокруг которого могла бы сплотиться колония. В результате русская диаспора не представляет собой подлинной общности ни в политическом, ни в религиозном, ни в культурном, ни в социальном отношении».

Пожалуй, единственными исключениями в этом плане стала русская община в Парагвае, объединенная тяжелой войной в составе парагвайской армии против Боливии в 1932–1935 годах, а также монархистская диаспора в Аргентине, включающая в себя несколько сот потомков бывших белых (у них есть своя церковь, свой дом престарелых, свои школы и даже газета «Наша страна» — единственное в регионе издание на русском языке).

Разобщенные русские люди в Латинской Америке довольно быстро ассимилировались.

В настоящее время наибольшее в Латинской Америке количество выходцев из России проживает в Аргентине. По некоторым неофициальным данным, их около 300 000 человек. Но из них лишь около 100 000 человек в той или иной степени владеют русским языком. В остальных странах региона таких людей и того меньше: например, в Боливии количество владеющих русским языком ориентировочно составляет около 3000 человек (это иммигранты из России, а также представители общины староверов,

проживающие в основном в департаменте Санта-Крус). В Перу, по оценочным данным, в той или иной степени владеют русским языком примерно 10 000 человек, в Уругвае и Эквадоре — по 3000 человек и т. д.

Третье поколение эмигрантов уже практически не говорит на русском языке.

Т. Ю. Нечаева по этому поводу пишет:

«Потребности выживания вынуждали иммигрантов говорить по-испански, перенимать общепринятый тип одежды, обычаи, образ жизни. Обязательное обучение в муниципальных школах только ускоряло этот процесс. Приехав в Латинскую Америку, русские столкнулись со сложной дилеммой: как совместить необходимость и желание интегрироваться в социальном и культурном отношении в местное общество с возможной потерей своей самобытности.

Первое поколение иммигрантов говорило только на русском языке, но тем не менее их культурная ассимиляция началась сразу же после прибытия в Латинскую Америку, хотя, несомненно, этот процесс был сложным и длительным. Этому поколению было особенно трудно. Они были чужими, их можно было легко обмануть, запугать, присвоить себе результаты их труда. Они были „людьми второго сорта“, их считали нахлебниками, хотя они и зарабатывали на жизнь тяжелым трудом. Русским было еще тяжелее, чем другим иммигрантам: у них не было помощи извне, связей с родственниками в России, они не могли надеяться, что заработают много денег и возвратятся на родину. Они просто были вынуждены приспосабливаться к жизни в новых условиях.

Иммигранты первого поколения, прожившие в Латинской Америке большую часть жизни (многие здесь же обзавелись семьями), не отождествляют себя с местным населением; напротив, считают себя истинными русскими — мыслят и чувствуют российскими масштабами, посещают русскую православную церковь, российские выставки, общаются с русскими друзьями, бережно сохраняют все, что связывает их с родиной, готовят блюда национальной русской кухни, поют русские песни, стараются с детьми говорить только на русском языке.

Второе поколение — дети иммигрантов, рожденные или выросшие в Латинской Америке, провели детство и юность как бы между двумя мирами: русским — дома и латиноамериканским — в школе, вузах, на работе, в других общественных местах. Неизбежное отторжение от культуры, традиций и языка исторической родины, приобщение к новой культурной среде шло у них гораздо быстрее. Отсутствие книг на русском языке и широкой разговорной практики ускоряло этот процесс. Они старались повсюду пользоваться испанским, отказывались от обычаев и традиций, вступали в смешанные браки.

Для этого поколения характерен возросший социальный статус, улучшенные жилищные условия. Проблема материального выживания уже не стояла перед ними в столь острой форме, как перед их родителями, они смогли воспользоваться плодами относительного экономического благополучия и возросшей приспособляемости к местной жизни. Кстати, уже второе поколение стало „терять“ русский литературный язык. В общении между собой они, а их дети еще чаще, стали употреблять переиначенные на русский лад испанские слова. Образовался своеобразный жаргонный язык.

Третье поколение — внуки иммигрантов, в большинстве своем занятые в „беловоротничковых“ профессиях и принадлежащие к среднему классу (среди русских много преподавателей, инженеров, врачей, адвокатов), имеют уже довольно отдаленное отношение к русскому культурному наследию. Они воспитывались в значительной степени латинизированными родителями, имели гораздо меньше русских среди одноклассников, друзей, соседей. Третье поколение иммигрантов ощущает себя аргентинцами, бразильцами, чилийцами и т. д.; практически все говорят только на испанском языке, детям стремятся дать университетское образование и еще чаще, чем их родители, вступают в смешанные браки».

Именно эти люди, то есть представители третьего поколения, и определяют сейчас лицо русских

колоний в странах Латинской Америки. Конечно же, они не пьют русский квас и не поют, собираясь вместе с друзьями, эмигрантские песни. Да и было бы странно требовать от них этого...

Пожалуй, единственным исключением из этого правила являются старообрядцы. В той же Аргентине есть несколько старообрядческих поселений, среди которых следует отметить колонию русских старообрядцев в Чоэле-Чоэле, по среднему течению реки Рио-Негро, в одноименной провинции на юге страны — Патагонии.

Благодаря своим традиционным качествам (трудолюбию, духовной крепости, взаимопомощи и т. д.), а также высокому образовательному уровню старообрядцы добились больших успехов. В старообрядческих общинах много детей: в среднем — восемь, но встречаются семьи, в которых двенадцать, пятнадцать и более детей. Удивительно, но в таких семьях лучше сохраняются традиционные жизненные ценности и установки, передаваемые из поколения в поколение. Происходит это потому, что детей воспитывают не только мать с отцом, но и братья с сестрами, и вообще вся община.

Глава вторая

КОМАНДАНТЕ ХУАН БЕЛАЙЕФФ

До 70-х годов XIX века Парагвай был одной из самых передовых стран Латинской Америки. В 1842 году (на двадцать три года раньше, чем в США) здесь было отменено рабство, в 1848 году индейцы получили равные права с потомками белых переселенцев — креолами. Здесь активно строились железные дороги, появился телеграф. Парагвай обладал одной из лучших армий на континенте. Но в 1864 году началась так называемая Парагвайская война, длившаяся шесть лет. В ходе этой войны три крупнейшие страны Латинской Америки — Бразилия, Аргентина и Уругвай — объединились в «Тройственный альянс» и обрушили все свои силы на Парагвай. В результате они в буквальном смысле стерли в порошок парагвайскую нацию. Эта война стала для Парагвая подлинной национальной катастрофой: государство потеряло почти четыре пятых своего населения, включая почти всех мужчин, а также более 150 000 кв. км территории. В своем развитии Парагвай был отброшен почти на сто лет назад. Это в высшей степени ужасное и несправедливое положение сохранялось вплоть до 20-х годов XX века, то есть до прибытия новых колонистов из Европы, среди которых оказалось немало выходцев из России. Как ни странно, но именно русским эмигрантам судьба уготовила выдающуюся роль в истории Парагвая.

* * *

Одним из первых в Парагвай прибыл генерал Иван Тимофеевич Беляев.

Этот удивительный человек родился 19 апреля 1875 года в Санкт-Петербурге, в казармах лейб-гвардии Измайловского полка.

Его отец — Тимофей Михайлович Беляев (1843–1915) — закончил 1-й кадетский корпус, был произведен в подпоручики и зачислен в Михайловскую артиллерийскую академию. Однако уже через год он отчислился из Академии по собственному желанию, чтобы принять участие в подавлении польского мятежа. В 1866–1877 годах Т. М. Беляев служил во 2-й Лейб-гвардейской артиллерийской бригаде. В 1877 году он был произведен в полковники и назначен начальником 1-го отделения Главного артиллерийского управления. Получив в 1890 году чин генерала, он поочередно командовал 17-й и 23-й артиллерийскими бригадами, 11-й пехотной дивизией, 2-м Кавказским армейским корпусом. В 1903 году он был назначен комендантом Кронштадтской крепости и состоял в этой должности вплоть до 1907 года. После этого Т. М. Беляев вышел в запас и поступил на гражданскую службу. В 1911 году он был возвращен на военную службу, но через три года вновь стал штатским человеком. Выйдя окончательно в отставку, Т. М. Беляев стал членом Русского собрания (РС) — монархической и националистической организации, созданной в Санкт-Петербурге в октябре — ноябре 1900 года и объединявшей представителей русской интеллигенции, чиновников, духовенства и помещиков столицы.

В ноябре 1911 года Т. М. Беляев занял должность заместителя председателя РС, но уже в марте следующего года по болезни он отказался от этой должности и выбыл из состава Совета РС.

Умер Тимофей Михайлович Беляев 7 октября 1915 года.

Первой женой Т. М. Беляева была Мария Ивановна Эллиот (1845–1875), дед которой — Леонтий Федорович Трефурт (1772–1848) — служил адъютантом у А. В. Суворова и принимал участие в знаменитом Итальянском походе. Другой ее дед — А. И. Эллиот — был потомком старинного шотландского рода, приехавшим в Россию по приглашению Екатерины II для воссоздания российского флота (он отличился в

сражениях при Чесме и Наварине).

После смерти первой жены Т. М. Беляев женился вторично — на этот раз на Марине Николаевне Сентюриной. Она умерла в 1934 году в Париже, а во время Первой мировой войны была председателем Дамского комитета при РС по оказанию помощи больным и раненым воинам.

Сыновья Т. М. Беляева пошли по стопам отца, став артиллеристами: Михаил и Иван стали генерал-лейтенантами, а Николай и Тимофей — полковниками. Интересно отметить, что дочь Т. М. Беляева была второй женой профессора-юриста Александра Львовича Блока, мачехой знаменитого поэта Александра Блока.

С раннего детства Иван Беляев был предоставлен самому себе. Его мать — Мария Ивановна Эллиот — умерла через пять дней после его рождения, и отец вскоре женился вторично. К сожалению, мачеха не сумела найти общий язык с детьми Т. М. Беляева от первого брака. В результате родителей Ивану заменили книги. Проводя долгие часы в домашней библиотеке, мальчик зачитывался романами Майна Рида и Фенимора Купера, подолгу рассматривал географические карты и атласы.

В эти годы произошло его первое «знакомство» с Парагваем. Оно состоялось на чердаке усадьбы, где в архивах прадеда — адъютанта генералиссимуса А. В. Суворова — он нашел старинную карту столицы Парагвая — Асунсьона. Эта экзотическая страна поразила юное воображение. Мальчик буквально влюбился в смелый и мужественный народ, который до последней капли крови сражался с захватчиками (Аргентиной, Бразилией и Уругваем в 1864–1870 гг.), был очарован трагичностью судьбы, на столетие задержавшей развитие страны.

В кадетском корпусе у Ивана Беляева почти не оставалось свободного времени: все время было поделено между военными дисциплинами и страстью, захватившей его всерьез. Он с трудом выкраивал часы для занятий с дальним родственником — академиком Сергеем Федоровичем Ольденбургом — по географии и антропологии, штудировал книги об индейцах, выписанные из университетской и академической библиотек, изучал испанский язык. Это был сознательный шаг, сделав который человек обретает возможность сам влиять на свою судьбу.

Усиленная работа дала свои результаты. И. Т. Беляев был принят в Императорское Географическое общество по рекомендации профессоров Н. А. Богуславского и И. В. Мушкетова. Лекции Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского, пример Николая Николаевича Миклухо-Маклая вдохновляли и звали навстречу новым открытиям. После окончания военного училища начались проблемы: сказалось перенапряжение в годы учебы, стали беспокоить боли в сердце. В результате И. Т. Беляев получил отпуск и поехал на Кавказ для поправки здоровья. Но интерес к научным изысканиям не оставлял его в покое. На Кавказе И. Т. Беляевым была написана брошюра «На земле хевсуров»^[13], ставшая его первым научным трудом.

В 1906 году И. Т. Беляев вернулся в Санкт-Петербург. В это время произошли два события, нарушившие относительно спокойный ход его жизни: неожиданная кончина молодой жены и поражение России в войне с Японией. В минуты отчаяния в голову стали приходить мысли об эмиграции в любимый Парагвай — военным инструктором. Но чувство долга удержало его на Родине.

В 1913 году И. Т. Беляев вновь женился (на Александре Александровне Захаровой), и это вернуло надежду на семейное счастье, но поставило крест на военной карьере в полку. Купеческое происхождение жены вынудило Ивана Тимофеевича покинуть гвардию, где строго блюлись законы «чистоты дворянской крови».

Накануне Первой мировой войны И. Т. Беляев поступил на службу в 1-й Кавказский стрелково-артиллерийский дивизион.

* * *

Надо сказать, что Иван Тимофеевич был классическим монархистом. Он был искренне убежден в особой исторической миссии России, которая не предполагала принятие ценностей демократического Запада. События Русско-японской войны лишь утвердили его в этом мнении, вызвав возмущение «провокационным» и «антирусским в своей основе» поведением европейских держав и США.

Судьба И. Т. Беляева на фронтах Первой мировой войны не особо отличалась от судеб большинства кадровых верных присяге офицеров старой русской армии. За бои в Карпатах в 1915 году он был представлен к ордену Святого Георгия «за спасение батареи и личное руководство атакой». Летом 1916 года, командуя дивизионом тяжелых гаубиц, он участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве — наступательной операции Юго-Западного фронта русской армии под командованием генерала А. А. Брусилова, в ходе которой было нанесено серьезное поражение австро-венгерской армии и заняты Галиция и Буковина.

В 1917 году И. Т. Беляев, произведенный в генерал-майоры, остро переживал моральное разложение армии, стоявшей, по его мнению, уже на пороге победы, но «погубившей ее митингами и анархией». Отношение Ивана Тимофеевича к Временному правительству было крайне негативным, а его деятельность он считал однозначно губительной для армии и государства.

В марте 1917 года на псковском вокзале в ответ на требование какого-то унтера с взводом солдат снять погоны И. Т. Беляев ответил: «Дорогой мой! Я не только погоны и лампасы, я и штаны снимаю, если вы повернете со мною на врага. А на „внутреннего врага“, против своих не ходил и не пойду, так вы уж меня увольте!»

В мае 1918 года И. Т. Беляев оказался на Дону. Генерал И. П. Романовский предложил ему должность начальника артиллерии. Командующий А. И. Деникин (Л. Г. Корнилов к тому времени был уже убит) поддержал его. П. Н. Врангель отзывался об И. Т. Беляеве как о человеке «прекрасной души», «храбром и добросовестном офицере», хотя и отмечал, что тот не всегда разделял и поддерживал взгляды своего начальства.

У А. И. Деникина Иван Тимофеевич некоторое время исполнял обязанности заведующего снабжением армии. Однако вскоре он был отозван с этого поста самим командующим. Произошло это из-за того, что И. Т. Беляев выступал против реквизиции продовольствия у крестьян и предлагал создать специальные охранные роты, которые препятствовали бы грабежам.

Все чаще и чаще И. Т. Беляев задумывался над тем, что цель не оправдывает средства, что избранные белыми методы не приближают, а, напротив, отдалают освобождение России. Он с горечью наблюдал, как падает моральный дух, как мельчают люди, соблазненные дурным примером своего начальства. И нет ничего удивительно в том, что самостоятельно мыслящий офицер, не умевший ладить с начальством, долго не удержался на высоких должностях.

В ноябре 1919 года командующим Добровольческой армией стал генерал А. П. Кутепов. При нем И. Т. Беляев получил должность инспектора артиллерии армии и полную свободу действий в управлении всем ее артиллерийским хозяйством. Летом 1919 года Добровольческая армия овладела Харьковом, и командующий приказал Ивану Тимофеевичу наладить работу по выпуску оружия для фронта на остановившемся с начала войны харьковском паровозостроительном заводе.

Пик успеха белых на Южном фронте, пришедший на лето — осень 1919 года, оказался лишь прелюдией грядущей катастрофы. И. Т. Беляев прекрасно понимал вред репрессивной политики в отношении собственного народа и добился от А. П. Кутепова принятия срочных мер по укреплению дисциплины в армии, предусматривающей введение смертной казни за убийства и грабежи мирного населения. Однако принятие этих мер уже явно запоздало.

В ноябре 1919 года артиллерия И. Т. Беляева прикрывала отход из Харькова корпусов В. З. Май-Маевского. За Новороссийском для него началась совсем другая жизнь — жизнь эмигранта.

* * *

В 1921 году И. Т. Беляев вместе с остатками разгромленной врангелевской армии вынужден был покинуть Россию. Минувя Константинополь, в 1923 году он вместе с супругой оказался в Буэнос-Айресе.

Жизнь Ивана Тимофеевича в Аргентине сложилась бы очень тяжело, если бы не неожиданный визит и покровительство баронессы Жессе де Лева, покойный муж которой был в свое время хорошим знакомым его отца. С ее помощью И. Т. Беляеву удалось найти работу. Он стал преподавателем немецкого и французского языков в одном из колледжей. Иван Тимофеевич, не теряя времени, совершенствовался в испанском языке, изучение которого, как мы уже говорили, начал в юности. Через некоторое время на страницах газеты «Эль Либераль» появилось несколько рассказов о русской революции, впервые подписанных «Хуан Белайефф».

И. Т. Беляев не оставлял идею создания новой русской колонии на южноамериканской земле. Его главная идея заключалась в том, чтобы сохранить до лучших времен все положительное, что создала монархическая Россия. При этом русская община, по его мнению, должна была носить исключительно «гражданский» характер, а основными принципами обустройства русской колонии должны были стать аполитичность и воспитание в духе традиционных ценностей русской культуры в надежде на будущее возрождение России.

Позднее И. Т. Беляев писал:

«Я мечтал об одном. В море продажного разврата и растления я надеялся найти горсть героев, способных сохранить и возрастить те качества, которыми создавалась и стояла Россия. Я верил, что эта закваска, когда совершится полнота времен, когда успокоится взбаламученное море революции, сохранит в себе здоровые начала для будущего. Если нельзя было спасти Россию, можно было спасти ее честь».

В одном из интервью журналисту К. К. Парчевскому, командированному в Латинскую Америку редакцией парижской газеты «Последние Новости», И. Т. Беляев заявил:

«В то время как Россия и русский народ погибают в большевистском разложении, в Парагвае может создаться новое ядро. Сюда можно перенести всю русскую культуру, литературу, музыку, науку, и они взойдут здесь пышным цветом».

Однако все его контакты и разговоры в русской колонии в Буэнос-Айресе заканчивались желанием в любой форме отделаться от надоедливой генерала и его идей, которые грозили пошатнуть материальное положение «старожилов».

Дело в том, что в Аргентине уже сложилась сильная русская колония, состоявшая из прежних переселенцев, но они, как с горечью говорил И. Т. Беляев, были заняты только собой, и заботы белых эмигрантов их не интересовали.

В конечном итоге верхушка аргентинской колонии нашла союзника в лице генерала С. П. Бобровского. В результате бывшему генералу, выпускнику Пажеского Его Императорского Величества

корпуса и Николаевской инженерной академии Сергею Павловичу Бобровскому пришлось сыграть роль главного противника идеи гражданско-патриотической эмиграции. Его именем прикрывались те, кто стремился дискредитировать И. Т. Беляева, подвергнуть сомнению не только его авторитет, но и генеральский чин. И тогда, не видя никаких перспектив для русских в Аргентине, Иван Тимофеевич обратил свой взор к загадочной мечте своего детства, к Парагваю — стране, куда он и переехал в 1924 году.

1924 год — год признания Западом Советской России — стал «черным годом» для десятков тысяч русских эмигрантов в Европе. Начались гонения на эмигрантов в Болгарии и Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. Тысячи русских семей лишились работы в Турции, ухудшилось положение русских эмигрантов во Франции, Германии, Бельгии и Люксембурге.

Для начала И. Т. Беляев посетил парагвайское представительство в Буэнос-Айресе. В Парагвае в это время происходила очередная смена власти (временным президентом страны стал Луис Альберто Риарт, а потом его сменил ставший во второй раз президентом Элихио Айяла), поэтому И. Т. Беляев был принят сухо. Одиннадцать месяцев спустя ситуация изменилась. В осуществлении планов русскому генералу помог бывший президент Парагвая доктор Мануэль Гондра Перейра и военный агент полковник Санчес.

Парагвайцы охотно приняли И. Т. Беляева и приветствовали его желание дать русским возможность обустроиться в новой для них стране. И вот в марте 1924 года Иван Тимофеевич сел на пароход «Берна», шедший вверх по реке Парана до столицы Парагвая города Асунсьон. Там он начинал хлопотать об организации русских колоний на парагвайской земле. И. Т. Беляев приводил аргументы в пользу своей затеи, говоря об огромных неиспользованных землях в провинции Чако, способных прокормить тысячи новых переселенцев и помочь воплотить в жизнь идею гражданско-патриотической эмиграции.

С самых первых шагов по парагвайской земле И. Т. Беляева не покидало ощущение, что он ходит по родной земле. Его поразило сходство вокзала в Асунсьоне с Царскосельским вокзалом, а сам Асунсьон напоминал ему Владикавказ. В столице страны было всего пять автомобилей и одна мощеная улица, но зато здесь работало электрическое освещение, а жизнь была дешева и спокойна.

* * *

Уже летом 1924 года через выходящую в Белграде эмигрантскую газету «Новое время» И. Т. Беляев направил обращение ко всем русским, вынужденным жить за пределами родины, «ко всем, кто мечтает жить в стране, где он может считаться русским». Он призывал приехать в Парагвай и создать там национальный очаг, чтобы сохранить русскую культуру и традиции, оградить «детей от гибели и растрепанности». Все это предлагалось сделать в стране, «где ни истрепанная одежда, ни изможденное лицо не лишают права на уважение, где люди знают на опыте, что Феникс возрождается из пепла».

29 июня 1924 года военный министр генерал Скенони передал И. Т. Беляеву устное согласие президента Элихио Айялы на создание в Парагвае русского «культурного ядра». Ему было поручено организовать приезд в страну двенадцати специалистов (инженеров, путейцев, конструкторов, геодезистов и т. д.) для содействия восстановлению экономики Парагвая. При этом каждому специалисту гарантировалось жалование депутата парламента страны (от 2500 до 5000 песо в месяц). Было отмечено, что первая группа станет базой для последующей иммиграции.

И. Т. Беляев взял на себя ответственность за то, чтобы приглашенные специалисты имели соответствующую квалификацию и диплом, а также гарантировал непричастность каждого из них к службе в рядах Красной армии.

На призыв Ивана Тимофеевича быстро откликнулись инженеры Георгий Шмагайлов и Александр Пятицкий, путеец Евгений Авраменко, конструктор Борис Маковский, военный врач Евгений Тимченко...

В 1925 году по специальному приглашению парагвайского правительства в Асунсьон приехал бывший профессор Инженерной академии Санкт-Петербурга Сергей Павлович Бобровский, возглавивший группу русских «технарей», основавших «Союз Русских Техников в Парагвае». В свою очередь, Союз подвигнул переехать в Парагвай инженеров Алексея Каширского, Александра Богомольца, Бориса Воробьева, Владимира Башмакова и других, сформировавших впоследствии Национальный департамент Министерства общественных работ.

* * *

К сожалению, очень скоро из разговоров с военным министром И. Т. Беляеву стало ясно, что, прежде чем приступить к созданию «Русского Очага» в Парагвае, русским придется в очередной раз повоевать.

Дело в том, что в конце 20-х — начале 30-х годов группа топографов и землемеров во главе с И. Т. Беляевым провела обследование района Чако, имевшего важное стратегическое значение и, как считалось, богатого нефтью. С 1924 по 1932 год Иван Тимофеевич и ряд его русских помощников совершили тринадцать экспедиций в Чако. Совершенно неизведанные земли были полностью изучены. При этом, благодаря исключительной коммуникабельности русского генерала, местные индейцы, до этого очень настороженно и даже враждебно относившиеся к белым пришельцам, стали верными союзниками официального Асунсьона. У них Иван Тимофеевич получил индейское имя Алебук («Сильная рука») и был выбран касиком (главой) клана Тигров. Короче говоря, он стал для индейцев не просто своим, но почти богом. Один из парагвайских офицеров даже написал по этому поводу:

«Если генерал Беляев когда-нибудь вздумает опубликовать свои воспоминания, люди узнают, какими трудностями, жертвами и страданиями была оплачена попытка обжить Чако и превратить индейцев, обитающих в пустыне, в наших лучших друзей и союзников в войне против боливийских захватчиков».

Так уж получилось, но результаты работы группы И. Т. Беляевагодились Парагваю достаточно скоро. 15 июня 1932 года боливийские войска внезапно атаковали парагвайскую армию. Так начался самый кровопролитный военный конфликт XX века в Латинской Америке — Чакская война, то есть боливийско-парагвайская война за спорный район Чако, превратившаяся, по сути, в войну за территориальную целостность и независимость Парагвая.

* * *

О Чакской войне и об участии в ней русских людей более подробно будет рассказано ниже. В целом же можно сказать, что обращение И. Т. Беляева с призывом перебраться в Парагвай нашло достаточно широкий отклик. Парагвай предстал перед откликнувшимися страной, ведущей справедливую войну, а вести военные действия эти русские еще не разучились.

Один из парагвайских историков потом написал:

«Истосковавшиеся по запаху пороха русские военные романтики приняли предложение и поставили на службу своей новой родине все свои знания и богатый военный опыт».

Генерал И. Т. Беляев лично участвовал во многих сражениях этой войны и дослужился до чина начальника Генерального штаба вооруженных сил Парагвая. Очень помогли в ходе боевых действий подробные карты И. Т. Беляева, а также то, что местные индейцы с готовностью помогали парагвайской армии, служили проводниками, снабжали ее провиантом.

* * *

После войны, закончившейся в 1935 году, слово «русский» зазвучало в Парагвае совсем по-иному. В городах появились улицы с нетипичными для испанского языка названиями, фамилии павших русских людей появились и на мемориальных плитах в Пантеоне Героев, многие русские были отмечены высшими воинскими наградами Парагвая, появился русский храм Пресвятой Богородицы и городское кладбище «Святое поле».

Эпизод Чакской войны

На этом, однако, вклад русских в историю Парагвая не закончился. Вслед за исследованием И. Т. Беляевым района Чако Бореаль русские землемеры обошли всю территорию республики и составили ее подробнейшие топографические карты. Русские эмигранты и их ученики изучили энергоресурсы Парагвая и создали основу системы энергоснабжения всей страны. Русские инженеры спроектировали современную сеть парагвайских шоссейных дорог. Масса оборонных объектов была построена или реконструирована по проектам русских военных инженеров. В Министерстве общественных работ, особенно в его дорожно-строительном отделе, долгие годы рабочим языком был русский. При прямом участии русских был создан физико-математический факультет Асунсьонского университета, а первым его деканом стал профессор С. П. Бобровский. Наконец, благодаря русским в Асунсьоне была основана первая школа классического танца, и в Парагвае появился балет. На протяжении многих лет русские «парагвайцы» занимали высокие посты в правительственной администрации, некоторые работали заместителями и советниками министров, начальниками крупных департаментов, возглавляли государственные институты.

Еще в 1933 году, то есть в самый разгар войны, И. Т. Беляев получил от Министерства иностранных дел все необходимые полномочия для содействия массовой русской иммиграции в Парагвай. Вскоре Иван Тимофеевич при активном содействии парагвайского консула Хуана Лапьерра основал в Париже Комитет по содействию массовой русской иммиграции в Парагвай, который возглавил донской атаман Африкан

Петрович Богаевский. В 1934 году И. Т. Беляев представил сенату и палате депутатов парагвайского парламента проект закона о правах и привилегиях русских иммигрантов. Проект предусматривал свободу вероисповедания, возможность создания национальных школ, сохранение казачьих обычаев и традиций, в том числе общины. Вновь прибывающие освобождались от уплаты пошлин на ввоз имущества на десять лет.

А.Н. Богаевский. Фото 1910-х гг.

К сожалению, в 1936 году в Парагвае произошел государственный переворот, в результате которого правительство президента Элихио Айялы, благожелательно относившегося к И. Т. Беляеву и его идее «Русского очага», было свергнуто. Однако самый чувствительный удар по планам создания «Русского очага» в Парагвае, по мнению самого Ивана Тимофеевича, нанесли раздоры в самой эмигрантской среде — как в парижской, так и в парагвайской. Планы переселения большого числа русских белоэмигрантов из Европы в Парагвай входили в резкое противоречие с интересами верхушки русской эмиграции, не желавшей терять свое главенствующее положение.

В 1934 году, после смерти атамана А. П. Богаевского, фактически прекратилось действие Комитета по содействию массовой русской эмиграции в Парагвай, а перевод всего дела на чисто коммерческую основу окончательно подорвал и без того скромные финансовые возможности эмигрантов.

В русской колонии в Парагвае дела также складывались не лучшим образом. Постоянное отсутствие в Асунсьоне самого И. Т. Беляева, мягко говоря, не способствовало укреплению «Русского очага». Идеологические оппоненты Ивана Тимофеевича из числа русских переселенцев в Парагвае через голову генерала вступили в контакт с эмигрантскими кругами в Париже, представляя дело И. Т. Беляева как «подрыв тех мощных организаций, которым суждено с помощью Германии разгромить большевистскую Россию». В то же время сам И. Т. Беляев и его сторонники никогда не воспринимали гитлеровскую Германию в качестве «спасительницы России».

* * *

В 1939 году началась Вторая мировая война. Вплоть до 1942 года Парагвай (в котором проживало немало этнических немцев, в том числе симпатизирующих нацизму) и его президент генерал Ихинио Мориныиго Мартинес вели двойную игру, поддерживая отношения и с теми, и с другими. И хотя официальный Асунсьон, в конце концов, был вынужден объявить войну Германии и Японии (в феврале 1945 года), парагвайское правительство не только сопереживало Третьему рейху, но и всю войну оказывало ему помощь сырьем и продовольствием, а после войны предоставило убежище многим нацистским преступникам.

Большинство же русских эмигрантов, несмотря на то что из-за коммунистического режима они были вынуждены покинуть родину, поддерживали справедливую войну Советского Союза против фашистов и участвовали в движении солидарности с СССР. В таких условиях «Русскому очагу» существовать было все сложнее.

В 1949 году ряды русской колонии в Парагвае пополнились за счет эмигрантов из Китая, где в результате затяжной Гражданской войны победу одержали коммунистические силы. Казалось бы, русская община должна была бы обрести «второе дыхание», однако события внутренней жизни Парагвая сломали все ее планы.

В 1954 году в Парагвае в результате военного переворота на тридцать четыре года установилась диктатура Альфредо Стресснера, сына немецкого колониста и индеанки, свергнувшего президента Федерико Чавеса и правившего страной до 1989 года. Во время Чакской войны этот человек служил под началом И. Т. Беляева и навсегда вынес убеждение, что русские офицеры — люди чести. До сих пор ходят рассказы о том, как будущий диктатор любил заходить к русским офицерам, чтобы пропустить с ними рюмку-другую рома. Надо отдать ему должное, по сравнению с другими латиноамериканскими диктаторами самый молодой на то время генерал в Латинской Америке слыл «либеральным каудильо»[\[14\]](#).

Альфредо Стресснер осуществлял репрессивную внутреннюю политику, но привел при этом страну к впечатляющим экономическим успехам. Проблема заключалась в том, что в годы холодной войны все русское зачастую ассоциировалось с коммунизмом и автоматически становилось враждебным. Для русской диаспоры в Парагвае наступили нелегкие времена.

Альфредо Стресснер

Интересно, что сам диктатор, чьим идеалом, как говорят, был Адольф Гитлер, относился к «белым русским» (именно так парагвайцы стали называть эмигрантов из России) с большим уважением, оставшись верен старой фронтовой дружбе. Однако установленный им жесткий антикоммунистический режим создавал особый микроклимат вокруг русских иммигрантов и их потомков (русских парагвайцев он уважал, но запрещал им выезжать в СССР, да и оттуда никого не пускал). О нормальном функционировании организаций русской диаспоры в таких условиях не могло быть и речи.

*** * ***

Из всей русской диаспоры И. Т. Беляев был наиболее почитаем в Парагвае.

Став с мая 1936 года консультантом министерства обороны Парагвая, после провала проекта

«Русского очага» он посвятил остаток своей жизни защите прав индейцев, добившись в этом деле значительных успехов. В 1941 году декретом президента страны он был назначен директором Национального патроната и генеральным администратором индейских колоний в Парагвае.

Он умер 22 июня 1957 года. Отпевание проходило в единственной в Асунсьоне русской православной церкви, построенной в 1928 году. Сам Альфредо Стресснер в сопровождении большой свиты пришел проститься с ним и отстоял всю церемонию отпевания. Отметим, что хоронили Ивана Тимофеевича Беляева с воинскими почестями как генерала, почетного гражданина Парагвая.

После смерти И. Т. Беляева, команданте Хуана Белаиффа, как его звали местные жители, в Парагвае был объявлен Национальный траур. Индейцы гуарани, провозгласившие его своим вождем, несли почетный караул два дня, а когда гроб с телом Ивана Тимофеевича на военном корабле был вывезен на остров посреди реки Парагвай, избранный им местом последнего упокоения, когда отгремел военный салют и отзвучали надгробные речи, индейцы отстранили белых и долго пели над ним свои надгробные песни.

Русский генерал, оставивший ярчайший след в истории Латинской Америки, был похоронен на острове посреди реки Парагвай в могиле с простой надписью: «Здесь лежит Беляев».

Глава третья

ПАРАГВАЙСКИЙ ГЕНЕРАЛ НИКОЛАЙ ФРАНЦЕВИЧ ЭРН

В боях за свободу Парагвая в 1932–1935 годах участвовали многие русские офицеры, и в отличие от немецких и чилийских наемников, служивших в боливийской армии, они сражались не за деньги, а за независимость страны, в которой так хотели видеть и видели свою вторую родину.

Одним из таких офицеров был Николай Францевич Эрн.

Этот человек родился в 1879 году в Тифлисе. Его отец — Франц Карлович Эрн (1838–1913) — был «полушведом-полунемцем». В 1858 году он окончил Юрьевский университет и получил степень «аптекарского помощника». Потом он стал быстро продвигаться по служебной лестнице и вскоре дошел до звания «магистра фармации» и должности управляющего Закавказскими военно-аптечными складами. Эта должность соответствовала чину действительного статского советника^[15], что давало право на потомственное дворянство.

М. А. Кублицкая в своей статье «Русский генерал в Парагвае», посвященной Н. Ф. Эрну, пишет о его отце:

«Человек строгих правил, он и детей воспитывал в большой строгости. Его дочери вспоминали, что, например, к моменту прихода отца со службы все дети должны были выстроиться вокруг обеденного стола за спинками своих стульев и ждать, пока отец первым сядет на свое место. А уж позволить себе капризничать за столом, оставить еду на тарелке — было немыслимо. Причем никаких нравоучений при этом не делалось, достаточно было папиного строгого взгляда, чтобы виновник торопливо доел нелюбимое блюдо».

Мать Н. Ф. Эрна — Ольга Павловна Эрн (урожденная Райская) — была на четырнадцать лет младше мужа и выглядела полной ему противоположностью.

М. А. Кублицкая характеризует ее следующим образом:

«Порывистая, веселая, она была мастерицей на все руки: шила, вышивала, была прекрасной кулинаркой, с любовью и знанием дела ухаживала за садом, хорошо пела, писала стихи, у нее хватало времени и на воспитание шестерых детей, и на чтение, и на ведение сложного домашнего хозяйства».

Все дети в семействе Эрнов были крещены в православии и, несмотря на все превратности судьбы, до конца жизни сохранили глубокую веру.

Николай Францевич был четвертым ребенком в семье после Александра Арефьева, сына Ольги Павловны от первого брака, Павла Эрна и Марии Эрн. После окончания 2-й Тифлисской мужской гимназии он поступил в Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище.

После училища, которое он окончил в 1900 году, Н. Ф. Эрн служил в 16-м Тверском драгунском полку, дислоцировавшемся на Кавказе. В 1906 году он окончил престижную Николаевскую Академию Генштаба. В годы Первой мировой войны Н. Ф. Эрн в чине подполковника был начальником штаба 66-й пехотной дивизии, а затем в чине полковника — начальником штаба 1-й Кавказской казачьей дивизии.

В книге генерала Е. В. Масловского «Мировая война на Кавказском фронте» указано, что ко дню объявления войны с Турцией, то есть 20 октября 1914 года, подполковник Н. Ф. Эрн являлся начальником

штаба 66-й пехотной дивизии, находившейся на Эриванском направлении. В книге подробно описана знаменитая Евфратская операция (июль 1915 г.), проведенная генералом Н. Н. Юденичем и закончившаяся блестящей победой русских войск. План контрманевра колонны под командованием генерала Н. Н. Баратова хранился в строжайшей тайне.

Генерал Е. В. Масловский по этому поводу пишет:

«Лишь генерал Баратов с его начальником штаба полковником Эрном непрерывно ориентировались в обстановке, дабы они могли правильно выполнить возложенный на колонну маневр».

В октябре 1915 года был сформирован экспедиционный корпус для отправки его в Персию. Во главе корпуса был поставлен все тот же генерал Н. Н. Баратов, а начальником его штаба был полковник Н. Ф. Эрн. Позднее корпус генерала Баратова был переименован в 1-й Кавказский кавалерийский корпус, а к 1 января 1917 года Н. Ф. Эрн уже командовал 18-м Северским драгунским полком, находившимся в составе Кавказской кавалерийской дивизии.

В 1917 году Н. Ф. Эрн был произведен в генерал-майоры. Как пишет в своем письме его дочь, Наталия Николаевна Ретивова (Эрн), «его производство было последним, подписанным Государем Николаем II».

* * *

А потом генерал Н. Ф. Эрн был участником Гражданской войны. Естественно, на стороне белых. В Добровольческой армии он служил помощником дежурного генерала штаба главнокомандующего. На той же должности он находился и в ВСЮР. После эвакуации остатков Белой армии из Крыма Н. Ф. Эрн состоял при штабе генерала П. Н. Врангеля в сербском местечке Сремски Карловцы.

Дочь Н. Ф. Эрна потом вспоминала:

«В России он оставался до последнего момента и покинул ее с последним пароходом, где находился штаб генерала Врангеля. Последние войска были выгружены в Сербии, и папу назначили быть преподавателем в военном училище, которое было эвакуировано из России. Это училище закончил мой брат Борис, в надежде на возврат на родину, так как он мечтал быть военным».

В данном случае речь идет о Николаевском кавалерийском училище, располагавшемся в 1921–1924 годах в городе Белая Церковь (провинция Банат Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев). Генерал-майор Н. Ф. Эрн был преподавателем военной истории в этом училище.

Имя Н. Ф. Эрна встречается и в списке преподавателей Крымского кадетского корпуса, находившемся также в Белой Церкви в 1923–1924 учебном году.

Училище было расформировано летом 1924 года, генерал потерял работу, и вся его семья оказалась на грани нищеты...

* * *

Дальнейшую эпопею Николая Францевича его дочь Наталия Николаевна рассказывает следующим образом:

«Все это кончилось, и что мог делать русский генерал в Европе? Он решил ехать в Южную Америку, так как его пригласили его друзья князья Тумановы ехать в Бразилию, куда их пригласил их друг, в общину, где работали на земле. Папа занял деньги и вместе с Тумановыми поехал в Бразилию. Мама осталась в Белграде и жила, зарабатывая преподаванием музыки. Она была большая пианистка. Я была в институте. Когда папа подплывал к Бразилии, оказалось, что там революция, такая революция, как бывает в Южной

Америке. Партии борются между собою, это не коммунистическая революция. Их не спустили с парохода, и они должны были плыть в Уругвай, где они и спустились. Было очень им трудно. Князь Туманов работал в порту, а княгиня Туманова играла на рояле в кинематографе, он тогда был немой, и фильмы шли под музыку. Папу пригласила к себе группа белых офицеров, которые работали на земле, сажая кукурузу. На их несчастье, налетела саранча и поела всю кукурузу. На счастье и по милости Божией, папа получил приглашение из Парагвая преподавать в военной школе тактику и фортификацию. Ему прислали билет, и он поехал в Парагвай. Папа не говорил ни слова по-испански и должен был читать первую лекцию через две недели. Можете себе представить, что он пережил. Хорошо, что у него была очень хорошая память, так как он был офицер Генерального Штаба. Он в день должен был учить по двести слов. Это было действительно сумасшествие. Но Бог ему помог, и он дал свой первый урок, кроме того, что он преподавал, он ничего другого не мог сказать. Потом кадеты ему рассказывали, какое впечатление он на них произвел. Его кадеты очень полюбили, и, слава Богу, он постепенно выучился испанскому языку. Позже его пригласили преподавать в Академии Генерального Штаба, и там ему заплатили за целый год вместе. На эти деньги он выписал семью моего брата. Нас он выписал раньше, когда я закончила институт».

Итак, с 1924 года Н. Ф. Эрн жил в Парагвае, работая профессором в Военной академии.

Его жена, Мария Давыдовна Эрн (урожденная Векилова), и их дочь Наталия, тогда еще подросток (она родилась в 1912 г.), были вызваны отцом из Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев и совершили путешествие через океан, с остановкой в Буэнос-Айресе, в 1928 году.

Сын Николая Францевича Борис Николаевич Эрн, родившийся в 1906 году и поступивший еще в России в Кадетский корпус, окончил Николаевское кавалерийское училище в Сербии. Наталия Николаевна пишет о нем:

«Из России он уехал, будучи кадетом, и в Сербии поступил в юнкерское училище, которое было эвакуировано из России».

Борис Эрн был вахмистром 1-го эскадрона 3-го (последнего) выпуска Николаевского кавалерийского училища. В сентябре 1923 года он был выпущен корнетом в кадры 18-го Северского драгунского полка. К отцу в Парагвай он приехал в 1932 году, вместе с женой. Став старшим лейтенантом парагвайской армии, он принимал участие в войне Парагвая с Боливией.

Участником этой кровопролитной войны (подробнее о ней будет рассказано в следующей главе) был и Н. Ф. Эрн.

Его дочь Наталия Николаевна вспоминает:

«Началась война Парагвая с Боливией, папе дали чин парагвайского генерал-лейтенанта, и он отправился на фронт. Там он провел всю войну, делал фортификации и был очень полезен. Все русские офицеры пошли на фронт и очень помогли парагвайцам, так как имели военный стаж. Вся война проходила далеко от Асунсьона, так что нас она не коснулась. В это время в Асунсьоне делали спектакли с благотворительной целью, чтобы помогать госпиталям. Вот на этих спектаклях мне пришлось выступать, я пришла им по вкусу, и меня просили открыть школу балета. Оттуда пошла моя деятельность по балету, которая продолжалась всю мою жизнь. До 82 лет я давала классы. После войны папа остался на военной службе, работал в Генеральном Штабе до конца своей жизни. Последнее время по болезни он перестал ходить на службу и хотел выйти в отставку. Но его очень любили офицеры, и правительство ему отказало в отставке и сказало, что он умрет, будучи членом войска. Так до конца своей жизни он получал свое генеральское жалование и мог спокойно жить. На русском поприще папа тоже много чего сделал для русской колонии. Его усилиями была построена церковь, хотя ни у кого не было денег и их было мало, но папа настоял, они заняли деньги и построили церковь. Также основал русскую библиотеку и образовал

русское общество «Union Rusa», которое имело свое здание, где люди могли встречаться. Всю свою жизнь он помогал приезжим русским, которых был наплыв во время Мировой войны, а также из Китая была большая эмиграция, когда он сделался коммунистическим. Всем он помогал, чем мог, и так прожил всю свою жизнь. В конце своей жизни он много писал на религиозные темы и кое-что издал. Умер он, когда ему исполнилось 93 года, оставив по себе хорошую память».

Приведенный выше текст, написанный Наталией Николаевной, нуждается в пояснениях. Конечно, Н. Ф. Эрн не был единственным строителем церкви в Асунсьоне. Огромную роль в этом деле сыграл находившийся тогда в Буэнос-Айресе отец Константин (Изразцов), который фактически возглавлял православие во всей Южной Америке. Именно отец Константин нашел необходимые деньги, и церковь была построена во имя Покрова Пресвятой Богородицы и освящена в октябре 1928 года. Она была возведена в старопсковском стиле по рисунку местного талантливого русского инженера Г. Л. Шагайлова. Кстати сказать, вплоть до настоящего времени церковь содержится исключительно на добровольные ежемесячные взносы православных прихожан, проживающих в Асунсьоне.

Первым старостой этой церкви был Н. Ф. Эрн, а после его смерти его заменил майор Н. А. Корсаков, бывший Смоленский улан, тоже ныне покойный. Оба они сделали очень много для блага русской церкви в Асунсьоне.

* * *

Любопытные сведения о жизни русских в Парагвае сохранились в книге К. К. Парчевского «В Парагвай и Аргентину». Этот человек в 1935 году был командирован редакцией парижской газеты «Последние Новости» в Латинскую Америку для выяснения на месте условий жизни русских эмигрантов в Парагвае, Аргентине, Уругвае и Бразилии. Разумеется, посетил К. К. Парчевский и русское общество «Union Rusa» — детище Н. Ф. Эрна. По словам К. К. Парчевского, в противоположность генералу И. Т. Беляеву, никаких грандиозных планов у Н. Ф. Эрна не было, переносить русскую культуру на парагвайскую землю он не собирался, а предпочитал заниматься, как он сам выражался, «политикой малых дел». Первым из таких дел была маленькая церковь, построенная в Асунсьоне, где генерал Эрн состоял и церковным старостой, и псаломщиком, и (в отсутствие довольно капризного хора) певчим. Человек очень религиозный, генерал теперь считал это главным делом своей жизни.

Кроме церкви, в арендованном в нескольких километрах от Асунсьона имении, Н. Ф. Эрн с местным священником Котляревским организовал обитель, в которой были заведены куры и пчелы, а также налажено кустарное производство церковных свечей. Никаких монахов в этой обители не было: предполагалось, что там за небольшую плату может найти приют любой одинокий русский человек, ищущий тихой трудовой жизни.

Второе дело Н. Ф. Эрна — Русский дом, в котором был создан кооператив, библиотека и другие полезные для русских эмигрантов учреждения. Генерал сказал приехавшему из Парижа К. К. Парчевскому: «После катастрофической неудачи беляевских поселений, к этому делу надо относиться очень осторожно. Ведь из беляевских поселенцев около 90 % с земли ушли и перебиваются в Асунсьоне. Их приходится устраивать».

Дать однозначную оценку разногласиям двух генералов сложно. Особенно сейчас, когда прошло столько лет. С одной стороны, вызывают искреннее восхищение многие стороны деятельности И. Т. Беляева, ведь столько русских, оказавшихся в 30-х годах XX века в Парагвае, благодарили потом его за то, что в страшные годы Второй мировой войны оказались так далеко от пылающей огнем Европы... С другой стороны, не могут не импонировать высокое чувство ответственности и так называемые «малые

дела» Н. Ф. Эрн, сделавшего столько добра для русской колонии в Парагвае.

Заметим, что сам Асунсьон в 1935 году (и об этом свидетельствует К. К. Парчевский) был небольшим городком с 95-тысячным населением. Разумеется, все русские, жившие в Асунсьоне, были знакомы между собой, дружили семьями, постоянно встречались. Наверняка между всеми ними существовало нормальное человеческое общение, личные связи, общие интересы...

Парагвай, кстати сказать, остался единственной страной в мире, так никогда и не признавшей, до самого его падения, коммунистический режим законной властью в России. Этому в немалой степени способствовало и то, что русские эмигранты, которые занимали в стране высокие военные и административные посты, оказывали влияние на решения правительства Парагвая.

Крупнейшей воинской организацией в стране был Русский общевоинский союз (РОВС), основанный в сентябре 1924 года. Известно, что Н. Ф. Эрн являлся начальником отдела РОВСа в Южной Америке, когда воинские организации существовали только в Бразилии (Союз русских воинов и Русский офицерский союз), а в остальных странах, очевидно, были созданы позже. В частности, отдел РОВСа в Аргентине был создан лишь в 1931 году.

По словам дочери, в последние годы жизни Н. Ф. Эрн много писал на религиозные темы. Постепенно обычные для военной эмиграции статьи, анализирующие различные способы ведения войны, тактику и стратегию армий разных стран, которые писались для повышения военного образования членов РОВСа, во всей эмигрантской периодической печати сошли на нет, уступая место воспоминаниям и философским размышлениям. Точно так же и Н. Ф. Эрн, выступивший, к примеру, в литературно-художественном и военном сборнике «Русский Вестник», изданном Аргентинским отделом РОВСа в 1951 году, со статьей «Современное оружие», уже в январе 1955 года в журнале «Православное Слово» поместил статью «На путях вечной правды». Он тесно сотрудничал с Российским Имперским Союзом-Орденом^[16] и в 60-х годах издавал Духовные листки «У ног Христа», которые этим Союзом бесплатно рассылались всем желающим. Сохранились «листки» (каждый из них — несколько страниц, отпечатанных на машинке) со статьями Н. Ф. Эрн «Жажда духовного перерождения», «Живое чувство бытия Бога», «Духовная эволюция» и т. п. В 1948 году в Асунсьоне Братством имени Святого Апостола Иоанна Богослова была издана брошюра Н. Ф. Эрн «Жизнь и духовное мирозерцание Екатерины Сиенской», в 1951 году — «Хвалебная песнь Божией Матери» и в 1954 году — «Внутренняя Мистическая жизнь души христианской». Как видим, названия говорят сами за себя.

* * *

Скончался Николай Францевич Эрн в Асунсьоне 19 июля 1972 года.

Ниже приводится текст некролога, помещенного по этому поводу в газете «Наша Страна»:

«19-го июля сего года в парагвайской столице, после продолжительной болезни, на 93-м году жизни скончался один из первых членов русской колонии в этой стране и инициатор постройки православной церкви в Асунсьоне, Генерального Штаба генерал-майор Русской Императорской Армии и дивизионный генерал Парагвайской Армии Николай Францевич Эрн. Высокопреосвященный Архиепископ Афанасий, находившийся в это время в Асунсьоне, совершил отпевание в сослужении о. Иоанна Петрова и в присутствии множества молящихся и двух военных представителей парагвайского президента генерала Стреснера. Перед кладбищем, по приказу президента, траурный кортеж ожидали батальон президентской гвардии с оркестром, военный министр, начальник авиации и офицеры асунсьонского гарнизона, которые на руках понесли гроб до могилы. При погребении покойному были отданы военные почести, полагающиеся генералу парагвайской армии. От имени президента Стреснера и парагвайских

вооруженных сил прощальное слово произнес профессор Парагвайской Военной Академии Генерального Штаба генерал-лейтенант С. Л. Высоколян».

* * *

В Латинскую Америку эмигрировали многие родственники Николая Францевича Эрн. В частности, его жена — Мария Давыдовна Эрн (урожденная Векилова) — скончалась в Асунсьоне 26 января 1963 года.

Их сын Борис Николаевич Эрн, бывший корнет 18-го драгунского полка в Вооруженных силах Юга России, служивший в 1936–1949 годах офицером в парагвайской армии, переехал в США, поселился в Нью-Йорке и был там издателем знаменитой «Русской газеты».

Наталия (Tala Ern de Retivoff), дочь Николая Францевича и Марии Давыдовны Эрн, известна как основательница одной из первых в Латинской Америке школ классического балета (сначала «Academia de Danzas», а потом «Ballet Clásico y Moderno Municipal»). Она до сих пор живет в Аргентине. Ее муж — Сергей Митрофанович Ретивов — тоже кадровый военный. Он принимал участие в войне с Боливией, но больше известен как ученый-исследователь бассейна реки Конго в Африке, автор нескольких книг.

Тала Эрн де Ретивофф и ее балерины

Кстати сказать, отец С. М. Ретивова — Митрофан Иванович Ретивов (1869–1961) — был известным медиком, директором медицинского отделения Харьковского страхового общества. Он основал санаторий для больных туберкулезом на юге России и на Кавказе, избирался вице-председателем Пироговских съездов, проходивших в Москве, Санкт-Петербурге и Новочеркасске. В годы Гражданской войны М. И. Ретивов был главным врачом одного из крупнейших госпиталей в Харькове. После войны он тоже эмигрировал в Латинскую Америку, работал врачом в Красном Кресте в Парагвае во время войны этой

страны с Боливией, а скончался 16 марта 1961 года в возрасте 92 лет в Аргентине.

Татьяна Ретивова (Retivoff — в более удобной для испаноговорящих транскрипции), дочь С. М. Ретивова и Н. Н. Эрн, стала известной балериной. Она танцевала в ведущих балетных труппах в Нью-Йорке и Париже. Позже в качестве второй профессии она освоила психологию и даже стояла у истоков создания метода нейролингвистического программирования (НЛП) как терапевтической техники в Латинской Америке. Сейчас она — практикующий психолог и преподаватель Мадридского университета. Ее дочь Патрисия также живет в Мадриде и работает в области квантовой медицины.

Брат Н. Ф. Эрн, полковник Сергей Францевич Эрн, также на стороне Парагвая принимал участие в Чакской войне, потом строил в этой стране инженерные сооружения, внес большой вклад в строительство Асунсьона — столицы Парагвая.

Глава четвертая

РУССКИЕ СОЛДАТЫ И ОФИЦЕРЫ В ВОЙНЕ МЕЖДУ БОЛИВИЕЙ И ПАРАГВАЕМ

Это была без преувеличения самая кровопролитная война XX века в Латинской Америке. Ее причиной стала спорная область Чако (Chaco или Gran Chaco) — полупустынная, холмистая на северо-западе и болотистая на юго-востоке. Дело в том, что на эту область приходилось примерно 60 % территории Парагвая, и это были практически неизведанные в то время земли, сельва (влажные тропические джунгли), где в числе прочих обитали племена дикарей-людоедов «морос», которых боялись даже местные индейцы.

Владислав Гончаров в приложении к книге А. В. Шталя «Малые войны 1920–1930-х годов» пишет:

«Большая часть территории Парагвая представляет собой гористые джунгли или сухие полупустынные нагорья, настолько малоценные и слабо населенные, что после окончания Парагвайской войны никто даже не потрудился провести демаркацию новых границ в отдаленных районах. В результате огромный район Гран-Чако, где сходились границы Бразилии, Боливии и Парагвая, так и остался фактически ничейным. Эта территория площадью около 250 000 кв. км, сухая и холмистая на северо-западе, ближе к Боливии и предгорьям Анд, болотистая и непроходимая на юго-востоке, вдоль реки Парагвай, за которой начиналась территория Бразилии, была практически никем не освоена. Здесь жили только немногочисленные индейцы гуарани — почти не изведавшие благ цивилизации, но считавшие себя парагвайцами. Местные жители занимались скотоводством и добывали кору дерева кебрачо, из которой производился танин — дубильное вещество. Боливийцы в Чако практически не появлялись, хотя в правительственных и промышленных кругах Ла-Паса давно обсуждалась идея постройки на реке Парагвай (приток Параны) порта, который дал бы стране выход в Атлантический океан».

Пограничные споры между Боливией и Парагваем относительно области Чако тянулись десятилетиями, поскольку она даже не была толком отображена на географических картах. Когда же в боливийском Чако нашли нефть, стало ясно, что война за парагвайскую часть Чако, где наличие нефти также ни у кого теперь не вызывало никаких сомнений, неизбежна.

Она и началась в 1932 году. На стороне Боливии были американская корпорация «Стандарт Ойл» (и в целом США), большая и хорошо вооруженная армия с современными танками и самолетами, поддержка Германии и немецкий высший командный состав. Боливия, помимо прибылей от эксплуатации нефтяных месторождений, рассчитывала и на улучшение своих геополитических позиций, так как в случае захвата парагвайской части Чако она получила бы возможность выхода к Атлантическому океану по реке Ла-Плата, что было бы крайне удобно для танкерной транспортировки нефти.

На стороне Парагвая было лишь около пятидесяти тысяч призванных по мобилизации туземцев, вооруженных мачете, и три тысячи русских добровольцев, считавших эту страну пусть ничтожным, пусть призрачным, но все же маленьким очагом своей новой родины.

15 июня 1932 года боливийские войска внезапно атаковали парагвайскую армию. Так началась так называемая Чакская война — боливийско-парагвайская война, превратившаяся, по сути, в войну за территориальную целостность и независимость Парагвая.

С началом военных действий власти Парагвая предложили русским офицерам-эмигрантам принять парагвайское гражданство и поступить на военную службу. Группа русских офицеров, оказавшихся волей судьбы в этой стране, собралась обсудить сложившуюся ситуацию. Вывод был однозначен, и он был сформулирован следующими словами: «Почти двенадцать лет назад мы потеряли нашу любимую Россию, оккупированную силами большевиков. Сегодня Парагвай — это страна, которая приютила нас с любовью, и она переживает тяжелые времена. Так что же мы ждем, господа? Это же наша вторая родина, и она нуждается в нашей помощи. Ведь мы же боевые офицеры!»

Сын выдающегося советского кинодокументалиста А. Р. Кармен в своей статье «Русский дом в Асунсьоне» по этому поводу пишет:

«До этой войны ни один из русских иммигрантов не имел парагвайского гражданства. С началом военных действий власти предложили им „стать парагвайцами“ и право пойти на военную службу. „Истосковавшиеся по запаху пороха русские военные романтики приняли предложение и поставили на службу своей новой родине все свои знания и богатый военный опыт“, — так писал о них один из парагвайских историков. Они и в самом деле согласились, но влились в ряды вооруженных сил в качестве добровольцев. Действительно, с их стороны это был жест благодарности стране, приютившей их в трудный час. Право быть гражданами Парагвая они завоевали на поле боя, своим потом и кровью».

Его слова дополняет Владислав Гончаров в приложении к книге «Малые войны 1920–1930-х годов»:

«Парагвай сделал ставку на русских белогвардейцев-эмигрантов — они были неприспособлены, бездомны и бедны. Парагвай же готов был предложить им не только офицерские должности, но и гражданство».

По разным данным, в рядах вооруженных сил Парагвая в качестве добровольцев воевало от 70 до 100 русских офицеров, причем двое из них — Иван Тимофеевич Беляев и Николай Францевич Эрн, о которых было рассказано выше, — в генеральских чинах. Восемь человек (в том числе Николай Петрович Керманов, Анатолий Николаевич Флейшер и Сергей Францевич Эрн) были полковниками, четыре — подполковниками, тринадцать — майорами и двадцать три — капитанами.

Что это были за люди? Чтобы понять это, достаточно привести лишь один пример. Степан Леонтьевич Высоколян. Этот человек в ходе боевых действий в Чако проявил себя так ярко, что к концу войны был уже начальником штаба одной из парагвайских дивизий, быстро прошел звания майора, подполковника, полковника, бригадного генерала, а затем и вовсе возглавил всю парагвайскую артиллерию, став в итоге первым иностранцем в истории страны, которому был присвоен чин генерала армии.

Степан Леонтьевич родился в простой крестьянской семье, в селе Наливайко под Каменец-Подольском. Он окончил ускоренный курс Виленского военного училища и в девятнадцать лет ушел добровольцем на фронты Первой мировой войны. На войне он был пять раз ранен, а в 1916 году его произвели в офицеры. В Гражданскую войну он сражался в рядах Белой армии. В ноябре 1920 года вместе с остатками армии генерала П. Н. Врангеля он прибыл в Галлиполи. В 1921 году из Галлиполи он пешком пришел в Ригу, пройдя почти три тысячи километров. Затем он переехал в Прагу, где в 1928 году окончил физико-математический факультет местного университета со званием доктора наук по высшей математике и экспериментальной физике. В 1933 году он окончил чешскую Военную академию. В декабре 1933 года он прибыл в Парагвай и 5 марта 1934 года был принят в парагвайскую армию в чине капитана.

Отличившись на военном поприще, С. Л. Высоколян на протяжении всей своей жизни в Парагвае

занимал в Парагвайском университете кафедры физико-математических и экономических наук. Кроме того, он был профессором в Высшей военной академии, Высшей морской академии и в Кадетском корпусе. В 1936 году он был удостоен звания «почетного гражданина» Парагвайской Республики и награжден золотой медалью Военной академии Парагвая имени Франциско Солано Лопеса. Кстати сказать, С. Л. Высоколян стал мировой известностью в связи с решением им теоремы Ферма, над которой безуспешно более трех столетий трудились многие светила математического мира.

Степан Леонтьевич Высоколян скончался в Асунсьоне 31 июля 1986 года (на 91-м году жизни) и был с воинскими почестями похоронен на Южном Русском кладбище. По этому поводу в стране был объявлен Национальный траур.

* * *

Итак, 15 июня 1932 года боливийские войска внезапно атаковали парагвайские форты Карлос Антонио Лопес, Корралес, Толедо и Бокерон, находившиеся в глубине спорной территории Чако. Недостроенный форт Корралес был взят в тот же день, за остальные же завязались бои, причем наиболее упорные бои пошли вокруг Бокерона — ключевого пункта парагвайской обороны. В конце концов, боливийцы, обладавшие подавляющим численным перевесом, штурмом взяли и этот бастион, но гарнизоны двух оставшихся фортов стояли насмерть. Это выглядит удивительно, так как соотношение сил в начале войны было явно неравным. Так, например, по живой силе Боливия превосходила Парагвай в три с половиной раза, по количеству крупнокалиберных пулеметов — почти в шесть раз, автоматического стрелкового оружия — в два с лишним раза, винтовок — в четыре раза, самолетов — в три с половиной раза (60 единиц против 17). В парагвайской армии полностью отсутствовали огнеметы, имевшиеся на вооружении у боливийцев. Равенство наблюдалось лишь в количестве артиллерийских орудий (по 122 ствола у каждой стороны), однако артиллерийские системы, закупленные Парагваем незадолго до войны, не имели механизированной тяги, средств связи и наблюдения, и в ходе войны связь между батареями приходилось поддерживать с помощью гонцов на лошадях. Во всем остальном, как видим, дело обстояло еще хуже...

Объяснялось это тем, что Парагвай за полвека до этого пережил опустошительную войну с Аргентиной, Бразилией и Уругваем (1864–1870 гг.), после которой лишился половины своей территории и примерно 80 % населения.

Владислав Гончаров в приложении к книге А. В. Шталя «Малые войны 1920–1930-х годов» пишет:

«К 1920-м годам Парагвай был едва ли не самым бедным государством Латинской Америки. Страна, в середине XIX века по уровню промышленного развития приближавшаяся к государствам Европы, была фактически уничтожена в ходе так называемой Парагвайской войны 1864–1870 годов, потеряв более половины своей территории. Из почти 1 300 000 населения тогда уцелело лишь около 200 000, из них мужчин — не более 10 %. Тотальный геноцид, устроенный «тройственной коалицией» Бразилии, Аргентины и Уругвая, не привлек ровным счетом никакого внимания «прогрессивной мировой общественности», а для Европы и Северной Америки Парагвай надолго стал одной из тех стран, чье существование волнует только читателей экзотических романов».

К тому же военный бюджет Боливии в несколько раз превосходил парагвайский.

После начала военных действий в Парагвае тут же была объявлена всеобщая мобилизация. Главнокомандующим парагвайской армией был назначен полковник Хосе Феликс Эстигаррибия — талантливый и решительный военачальник, происходивший из индейцев племени гуарани.

Оправившись от первого шока, вызванного внезапным нападением, парагвайцы начали готовиться к

контрудару. Численность их вооруженных сил была увеличена в двадцать раз — с 3000 до 60 000 человек. Генеральный штаб парагвайской армии возглавил Иван Тимофеевич Беляев, бывший генерал русской армии, прибывший в Парагвай из Аргентины в 1924 году и занимавший до этого должность начальника военного училища в Асунсьоне.

И. Т. Беляев, как мы уже знаем, обратился к русским офицерам, оказавшимся вдали от родины, с призывом приезжать в Парагвай, и этот призыв нашел отклик. Парагвай им представлялся страной, которая вела справедливую войну, а вести военные действия русские умели очень даже хорошо. К тому же боливийская армия формировалась по прусскому образцу, парагвайские же вооруженные силы ориентировались на Англию, союзную прежней России. Наконец, российским монархистам импонировал тот факт, что в Парагвае очень ценилась «твердая рука» во внутренней и внешней политике. В результате вместе с И. Т. Беляевым на защиту Парагвая встали многие эмигранты из России.

В основном это были бывшие белогвардейцы. Полковники Николай и Сергей Эрн строили фортификационные сооружения, да так, что первый из них очень скоро стал парагвайским генералом. Майор Николай Корсаков, обучая военному делу свой конный полк, перевел для него на испанский язык песни русских кавалеристов. Капитан Юрий Бутлеров (потомок выдающегося химика, академика Ю. М. Бутлерова), майоры Николай Чирков и Николай Зимовский, капитан 1-го ранга Всеволод Канонников, капитаны Сергей Салазкин, Георгий Ширкин, барон Константин Унгерн фон Штернберг, Николай Гольдшмит и Леонид Леш, лейтенанты Василий Малютин, Борис Эрн, братья Оранжереевы и многие другие стали героями войны в Чако.

Можно с уверенностью сказать, что только участие русских офицеров смогло превратить десятки тысяч мобилизованных неграмотных парагвайских крестьян в настоящую армию, способную защитить свою страну.

* * *

А тем временем, как мы уже сказали, к концу июня боливийские войска захватили форт Бокерон. К середине лета боливийцы взяли и форт Карлос Антонио Лопес.

В августе 1932 года И. Т. Беляев отправился с отрядом парагвайских войск вверх по реке Парагвай, чтобы освободить этот захваченный боливийцами форт. Однако главным врагом в этой операции оказались не боливийцы, успевшие к приходу И. Т. Беляева покинуть форт, а страшная малярия, косившая людей, как косой. Вскоре весь отряд численностью в 6000 человек был поражен болезнью. Поняв, что главные силы боливийцев переместились на более освоенные ими территории к югу от Питиантуты, И. Т. Беляев, сам жестоко страдавший от «болотной лихорадки», в сопровождении четырех индейцев отправился под Бокерон — место решающих боев.

9 сентября 1932 года парагвайские войска завязали бои за форт Бокерон. Первый штурм был отбит боливийским гарнизоном без особого труда, после чего Хосе Феликс Эстигаррибиа приказал перебросить в район форта почти всю боеспособную парагвайскую авиацию. До конца сентября парагвайские самолеты около тридцати раз бомбили форт. В результате 29 сентября остатки боливийского гарнизона капитулировали.

Следует отметить, что поначалу боевые действия представляли собой беспорядочные и малоэффективные стычки в джунглях и борьбу за отдельные укрепленные пункты. Потом постепенно стало складываться какое-то подобие линии фронта. Обе стороны возводили на контролируемых ими территориях земляные укрепления, гордо называя их фортами. Парагвайцы, руководимые И. Т. Беляевым, добавили к этому широкую сеть минных полей. Обе армии зарылись в землю и опутали свои позиции

колючей проволокой. Одним словом, все стало напоминать Первую мировую войну, и в этих условиях русские офицеры, служившие в парагвайской армии, почувствовали себя в родной стихии.

За операцию по взятию форта Бокерон И. Т. Беляев в соответствии с декретом президента республики Эрнесто Айала получил парагвайское воинское звание — дивизионный генерал.

Отметим также, что в этой операции русские понесли первые потери. В частности, 28 сентября в бою с боливийскими войсками погиб майор парагвайской службы Василий Федорович Орефьев-Серебряков.

После взятия Бокерона, парагвайские войска отбили у боливийцев и форт Корралес, потерянный в первые дни войны. Но при попытке штурмовать боливийские укрепления, построенные в Чако еще до начала войны, парагвайцы были отброшены с большими потерями.

6 декабря 1932 года президент Боливии Даниэль Доминго Саламанка назначил главнокомандующим своей армии немецкого генерала Ганса Кундта.

Этот человек родился в Мекленбурге в 1869 году. Закончив Военную академию Генерального штаба, где он изучал наряду с военными дисциплинами и русский язык, он служил в Генштабе и министерстве обороны Германии. Впервые (тогда еще майор) Ганс Кундт попал в Боливию в 1911 году в качестве военного советника. В то время знаменитой стала фраза Кундта: «Тот, кто приходит раньше времени, — плохой военный, тот, кто опаздывает, — совсем не военный, военный лишь тот, кто приходит строго вовремя». Потом Ганс Кундт участвовал в Первой мировой войне, командовал полком, затем бригадой. В 1920 году Ганс Кундт, после «капповского путча»^[17], в котором он был замешан, вновь вернулся в Боливию, теперь уже в звании генерал-майора.

*Парагвайская карикатура времен Чакской войны
(на переднем плане — генерал Ганс Кундт)*

Став главнокомандующим боливийской армии, Ганс Кундт не сомневался в победе. Основания для этого у него были: в боливийской армии служили 120 отлично подготовленных германских офицеров-

эмигрантов (полковник Кайзер, капитаны Брандт, фон Криес и другие). Генерал заявил, что в Боливии он будет применять новый метод наступления, использованный им на Восточном фронте. Однако очень скоро выяснится, что эта тактика будет разбита об оборону, построенную русскими офицерами, служившими в парагвайской армии.

Целью задуманного генералом Кундтом наступления был выход к реке Парагвай в районе города Консепсьон, что позволило бы боливийцам перерезать тыловые коммуникации парагвайской армии. На направлении намеченного глайного удара находился парагвайский форт Нанава, в районе которого Хансом Кундтом было заблаговременно создано почти двукратное превосходство в силах (6000 боливийцев против 3600 парагвайцев).

Однако вероятность удара на Нанаву рассматривалась И. Т. Беляевым еще во время его экспедиции в Чако в январе — феврале 1925 года. Тогда он тщательно исследовал всю близлежащую местность, выявил ее тактические характеристики, подготовил в специальном докладе министру обороны предложения по усилению оборонительных сооружений, составил подробные карты местности.

Перед самым началом боливийского наступления И. Т. Беляев и Н. Ф. Эрн хорошо подготовили форт Нанава к обороне — возвели новые укрепления и усилили старые, спланировали и искусно изготовили ложные артиллерийские позиции, чтобы сбить с толку боливийскую авиацию, имеющую подавляющее превосходство в воздухе. Оборонительные сооружения изготовлялись из подручного материала — крепчайшей древесины кебрачо (что в переводе означает «сломай топор»), в изобилии имеющейся в этой части провинции Чако.

Таким образом, удар на Нанаву не стал неожиданным, он заранее предвиделся русским генералом Иваном Тимофеевичем Беляевым. Несмотря на подавляющее превосходство Боливии в боевой технике и живой силе, их наступление было обречено хотя бы по той причине, что боливийцы плохо знали местность, а местные индейцы встретили их враждебно. Парагвайская же армия имела подробные карты, составленные И. Т. Беляевым, и те же индейцы с готовностью помогали ей, служа проводниками по непроходимым для чужаков болотам.

25 декабря 1932 года между Парагваем и Боливией было заключено «Рождественское перемирие», которое, впрочем, продолжалось всего сутки. Представитель Парагвая предлагал продлить перемирие на три дня, но генерал Кундт нашел столь длительное перемирие «несоответствующим его военным планам». Он взял себе в начальники Генштаба нового человека — генерала фон Клюга, и уже 2 января 1933 года боливийские самолеты произвели бомбардировку позиций парагвайских войск, заблокированных в форте Нанава.

* * *

10 января 1933 года боливийские войска при поддержке с воздуха трех эскадрилий бомбардировщиков начали штурм форта Нанава, обороняемого частями 5-й парагвайской дивизии подполковника Луиса Ирразобала.

К 20 января штурм форта окончательно провалился. За десять дней боев парагвайцы потеряли убитыми 248 человек, а боливийцы, так и не сумевшие овладеть намеченными пунктами, — свыше 2000 человек. Не смогли ничего сделать и боливийские бомбардировщики: они сбрасывали бомбы на хитро замаскированные под артиллерийские орудия стволы пальм, которые каждый раз предусмотрительно передвигали на все новые «огневые позиции».

10 мая 1933 года Парагвай наконец-то официально объявил войну Боливии, а 3 июня парагвайская авиация нанесла удар по боливийскому укрепленному пункту Платинильос.

6 июля 1933 года боливийские войска начали новый штурм форта Нанава. На этот раз наступление шло под прикрытием двух огромных почти семитонных танков «Виккерс», управляемых немецкими капитанами Брандтом и фон Криесом. С воздуха атаку поддерживали десять бомбардировщиков. Впереди наступавших колонн шли устрашающего вида огнеметчики. Парагвайцы ответили на это градом гранат и артиллерийским огнем. Один из головных танков, подожженных парагвайцами, надолго задержал общее наступление. Другой «Виккерс» удалось остановить за шестьдесят метров до передовых окопов.

Отбив восемь волн боливийских атак на форт Нанава, 14 июля 1933 года парагвайцы перешли в решительное контрнаступление. Боливийские потери вновь составили свыше 2000 человек. Ставший к тому времени генералом Хосе Феликс Эстигаррибиа, посетивший поле битвы под Нанавой, был поражен видом искалеченных тел, оторванных рук и ног боливийских солдат, разметанным по всем близлежащим деревьям убийственным огнем парагвайской артиллерии.

В сражении за Нанаву генерал Кундт принес в жертву лучшую часть своей армии. Общие боливийские потери составили свыше 4000 человек. Парагвайцами же по инициативе И. Т. Беляева, начальника Генштаба парагвайской армии, неплохо знавшего прямолинейность тактики немецкого генерала и хорошо изучившего приемы германской армии на полях Первой мировой войны, были созданы укрепрайоны, оснащенные минометами, пулеметами и окруженные минными полями с колючей проволокой. С этих баз парагвайцы совершали рейды против боливийцев, которых генерал Кундт с упорством, достойным лучшего применения, бросал в бесполезные лобовые атаки.

К октябрю месяцу поражение боливийцев стало очевидным. Более того, парагвайские войска генерала Эстигаррибиа начали хорошо подготовленное наступление вдоль рек Пилькомайо и Монте-Линдо в северо-западном направлении.

В ноябре 1933 года президент Боливии Даниэль Доминго Саламанка отправил генерала Кундта в отставку с поста главнокомандующего[18]. Эта отставка стала следствием не только военных неудач, но и пошатнувшегося положения самого президента, обвиненного оппозицией во всех военных просчетах. На пост главнокомандующего был назначен генерал Энрике Пеньяранда дель Кастилло.

В конце 1933 года по инициативе Ивана Тимофеевича Беляева, его брата Николая[19] и парагвайского консула Хуана Лапьерра в Париже был создан «Колонизационный центр по организации иммиграции в Парагвай», начавший вербовку бывших белогвардейцев в парагвайскую армию. Почетным председателем центра был избран бывший председатель Донского правительства и преемник П. Н. Краснова на посту атамана Войска Донского А. П. Богаевский. Два раза в месяц начала выходить газета «Paraguay», девизом которой стали слова: «Европа не оправдала наших надежд. Парагвай — страна будущего».

Для организации русских колоний парагвайским правительством были выделены большие территории в междуречье рек Парагвай и Парана.

В это же время Парагвай и Боливия заключили очередное «Рождественское перемирие».

* * *

9 января 1934 года, по истечении трехнедельного перемирия, парагвайские войска начали новое наступление в Чако. Теперь главный удар был направлен на боливийский форт Балливиан на реке Пилькомайо. Однако уже в начале марта боливийские войска остановили парагвайское наступление.

В апреле 1934 года из Марселя в Южную Америку отправился первый пароход с русскими эмигрантами (около 100 бывших белоказарков). В письме к генералу И. Т. Беляеву председатель «Колонизационного центра» атаман А. П. Богаевский отметил «уверенность казачков в покровительстве»

Беляева и выразил надежду на «беспрепятственное продолжение начатого процесса».

В начале мая 1934 года боливийские войска атаковали передовой парагвайский форт Канада. Форт был окружен, но парагвайские летчики организовали снабжение гарнизона по воздуху. 25 мая подошедшие на подмогу парагвайские части деблокировали гарнизон форта Канада.

В июне месяце парагвайские войска вновь начали наступление на форт Балливиан.

В начале июля 1934 года брат И. Т. Беляева Николай проводил из Марселя вторую группу русских эмигрантов (90 человек). В августе была подготовлена к отправке третья группа.

В это же время неугомонный И. Т. Беляев разработал и подал для рассмотрения в Палату депутатов парагвайского парламента проект закона о правах и привилегиях русских переселенцев. Этот проект предусматривал свободу вероисповедания, создание национальных школ, сохранение казачьих обычаев и традиций, общинного владения землей. Проект вводил полный запрет на продажу спиртных напитков ближе, чем за пять километров от создаваемых станиц. В нем отвергалась дискриминация приезжающих по возрасту, полу, имущественному положению, физическим или умственным способностям. Все прибывающие освобождались на десять лет от уплаты пошлины на ввоз имущества.

Всего до конца 1934 года в Парагвай было отправлено шесть групп русских эмигрантов. Теперь это движение приобрело массовый характер.

А тем временем, в октябре 1934 года, боливийская армия при поддержке с воздуха начала наступление в районе города Эль-Кармен. Это наступление было легко отражено парагвайцами, которые сами перешли в контрнаступление и 17 ноября штурмом взяли форт Балливиан. 26 ноября парагвайские войска захватили боливийский аэродром Самауате.

После этого отношения между президентом Боливии и армией обострились до предела, и в декабре 1934 года Даниэль Доминго Саламанка был смещен военными, во главе которых стояли генерал Кинтанилья и полковник Торо.

Новый президент Хосе Луис Техадо Сорсано обратился к руководству американской компании «Стандард Ойл» с просьбой о предоставлении займа. Но в этой просьбе ему было отказано.

К концу года парагвайскими войсками было захвачено более 30 000 пленных боливийцев.

* * *

Наступил 1935 год, и парагвайские войска перенесли боевые действия на территорию собственно Боливии, атаковав нефтяные месторождения у города Вилья-Монтес в шестидесяти километрах севернее аргентинской границы. В апреле месяце боливийская оборона была прорвана парагвайскими войсками по всему фронту. В конце мая боливийский гарнизон города Вилья-Монтес был окружен со всех сторон.

Пока парагвайские солдаты двигались на запад, распевая русские солдатские песни, переведенные на испанский язык и язык гуарани, И. Т. Беляев сопровождал в поездке по Чако специальную комиссию Лиги Наций по примирению. Последние победы Парагвая в корне изменили дипломатическую конъюнктуру. Возглавлявший комиссию американский дипломат Николсон остался очень доволен разумной и конструктивной политикой Парагвая, он был потрясен военными успехами страны и развитием событий на фронтах. При этом комиссия Лиги Наций была в корне не удовлетворена позицией Боливии, не позволившей ее членам посетить боевые позиции боливийских войск в Чако...

Парагвайское наступление прекратилось лишь в 1935 году. Подойдя вплотную к боливийскому нагорью, армия из-за растянутости коммуникаций вынуждена была остановиться. Истощенная же до предела Боливия уже не могла организовать эффективного контрудара. В этих условиях правительство

Боливии обратилось в Лигу Наций с просьбой о посредничестве в заключении перемирия с Парагваем.

В результате 12 июня 1935 года между Боливией и Парагваем было подписано соглашение о прекращении огня, которое фактически завершило Чакскую войну, в ходе которой погибло 89 000 боливийцев и 40 000 парагвайцев (в плену оказалась почти вся боливийская армия — 300 000 человек).

28 октября 1935 года был подписан мирный договор между Боливией с Парагваем. После этого в Буэнос-Айресе открылась затянувшаяся на три года мирная конференция, и только в 1938 году был подписан Договор о мире, дружбе и границах, в соответствии с которым Парагвай сохранил за собой три четверти территории Чако, а Боливия в обмен получила выход к реке Парагвай в узкой двадцатикилометровой полосе (впрочем, это приобретение оказалось бесполезным — порт и железная дорога к нему так и не были построены).

Самое комичное (если подобный термин применим к итогам многолетней войны, в которой было пролито столько крови) состояло в том, что главная причина, из-за которой началась война, оказалась несостоятельной — никакой нефти в Чако так и не было обнаружено.

Владислав Гончаров в приложении к книге А. В. Шталя «Малые войны 1920–1930-х годов» пишет:

«Нефти в Гран-Чако в итоге тоже не нашли. А для Парагвая победа в войне обернулась резким усилением влияния военных во внутренней политике. При этом среди офицеров, выходцев из низов общества, поначалу преобладали ярко выраженные эгалитаристские тенденции. В феврале 1936 герой Чакской войны полковник Рафаэль Франко совершил военный переворот националистического характера и попытался вернуть страну ко временам великих лидеров XIX века, Хосе Родригеса де Франсии и Франциско Солано Лопеса — то есть провести ускоренную индустриализацию с опорой на собственные силы, усилением роли государства и введением элементов социализма. Естественно, с такой программой полковник долго не удержался — через полтора года его свергла Либеральная партия, требовавшая вести страну по пути демократии западного образца. Но на выборах 1939 года президентом вновь был избран военный — маршал Хосе Феликс Эстигаррибиа, национальный герой страны и главнокомандующий вооруженными силами Парагвая в Чакской войне. Уже в следующем году он сам осуществил переворот и изменил конституцию, однако вскоре он погиб в результате авиакатастрофы. К власти пришел генерал Ихинио Мориниго, установивший в стране жесткий диктаторский режим.

В 1947 году в стране разразилась гражданская война, в ходе которой Мориниго в союзе с партией «Колорадо» разгромили всех своих политических противников, после чего «Колорадо» была объявлена единственной официальной партией. Несмотря на это, в течение нескольких последующих лет военные перевороты в стране совершались ежегодно, пока в мае 1954 главнокомандующий вооруженными силами Парагвая генерал Альфредо Стресснер сверг президента Федерико Чавеса. В июле того же года на безальтернативных выборах он был избран президентом страны и пробыл в этой должности 34 года».

* * *

Участие русских солдат и офицеров в Чакской войне было весьма весомым: русские были начальниками штабов, командирами дивизии и полков, командирами батарей, батальонов, рот и прочих подразделений... Такого вклада русского офицерства в оборону чужой страны, ставшей второй родиной, не знала ни одна страна в мире.

А. Р. Кармен констатирует:

«Под их командованием успешно воевали пехотные эскадроны и артиллерийские батареи на всех фронтах. Они обучали своих парагвайских коллег искусству фортификации, бомбометания, современной

тактике боя, своим примером и героизмом не раз поднимали солдат в атаку, а их гибель всегда была достойна славы русского офицера».

Армию Парагвая фактически пришлось создавать с нуля. Если к началу 30-х годов парагвайцы имели лишь малочисленные военизированные отряды, то к концу войны русскими офицерами была создана мощная регулярная армия в полном смысле этого слова. В ней были и артиллерийские специалисты, и картографы, и ветеринары, и инструкторы по всем видам вооружения... К тому же, в отличие от немецких и чешских военных советников, а также наемников-чилийцев в боливийской армии, русские сражались не за деньги, а за независимость страны, которую хотели видеть и видели своей второй родиной.

Великолепная подготовка русских плюс опыт Первой мировой и Гражданской войн дали блестящие результаты. И это притом, что армия противника абсолютно доминировала в живой силе и боевой технике.

Князь Язон Константинович Туманов, капитан 1-го ранга, к 1936 году имевший чин морского капитана парагвайской службы (позднее он стал Председателем парагвайского отделения РОВСа), писал:

«Парагвайское Правительство и народ высоко ценят самоотвержение русских и их участие в защите страны. Признание заслуг русской колонии выявилося в декретах правительства, согласно которым русские генерал-майоры Эрн и Беляев зачислены в ряды парагвайской армии чинами генерал-лейтенантов «гонорис кауза»^[20] со всеми правами и привилегиями парагвайских генералов».

* * *

Несколько русских офицеров сложили головы на поле брани в Чакской войне.

Так, например, 28 сентября 1932 года при штурме форта Бокерон пал смертью храбрых батальонный командир пехотного полка Корралес («Кораллы»), майор парагвайской службы, Василий Федорович Орефьев-Серебряков, казак станицы Арчадинской, бывший есаул Донского казачьего войска. Имя этого отважного казака увековечили улица Basilio Serebriakoff в Асунсьоне и город Fortin Serebriakoff (форт Серебрякова) на северо-западе страны.

Майор парагвайской армии Борис Павлович Касьянов, бывший ротмистр 2-го драгунского полка, был убит 16 февраля 1933 года у деревни Сааведра. В честь него названы дорога, мост и улица Mayor Kasianoff в Асунсьоне.

Капитан парагвайской армии Василий Павлович Малютин, бывший сотник Кубанского казачьего войска, был убит 22 сентября 1933 года под Пасо-Фаворито. Бюст в память В. П. Малютина установлен ныне в Асунсьоне.

Командир полка в парагвайской армии Сергей Сергеевич Салазкин, бывший ротмистр Добровольческой русской армии, был убит 30 октября 1933 года под Нанавой (по другим данным, он умер от полученных ран 13 ноября 1933 г.). В его честь в Асунсьоне есть улица Comandante Sergio Salaskin.

Начальник отдела картографии в Генеральном штабе парагвайской армии Николай Иосифович Гольдшмит, бывший участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском полку, был убит 20 мая 1934 года в Каньяда-Строгесте.

Это лишь несколько имен погибших в Парагвае русских воинов. Сколько их было всего, включая простых солдат и нижних чинов, знает один Господь.

В столице Парагвая напоминают о славных русских офицерах улица Teniente Kanonnikoff (в наши дни в доме № 998 по этой улице находится офис Святослава Канонникова, сына героя Чакской войны, а ныне вице-председателя Ассоциации русских и русскоязычных жителей Парагвая), улица Capitán Nicolas Blinoff, улица Colonel Butleroff и т. д. Памятник русским воинам стоит на перекрестке у площади Federación Rusa.

Памятная доска в Асунсьоне (Парагвай)

Глава пятая

ГЕНЕРАЛ А. В. ФОН ШВАРЦ — ПРОФЕССОР ФОРТИФИКАЦИИ, УЧИТЕЛЬ ХУАНА ДОМИНГО ПЕРОНА

23 сентября 1953 года в Буэнос-Айресе умер русский военный инженер, генерал-лейтенант Алексей Владимирович фон Шварц.

Этот человек родился 15 марта 1874 года и происходил из дворян Екатеринославской губернии. В 1892 году он окончил реальное училище, а через три года — Николаевское инженерное училище^[21].

В своих воспоминаниях, опубликованных в «Архивах русской эмиграции» в Париже в 1973 году, Алексей Владимирович пишет:

«Я на втором курсе Николаевского инженерного училища, где впервые узнал, что такое фортификация, и начал изучать ее. Курс „Долговременной фортификации“ читал тогда еще недавно кончивший Академию капитан Э. К. Энгман. Совсем молодой, высокий, стройный, приятной наружности, с блестящими пылкими глазами, он производил на нас, еще молодых слушателей, чрезвычайно сильное впечатление. Мы чувствовали, что он знает предмет до тонкости, и он умел излагать этот, по существу, сухой предмет в форме занимательного рассказа, и этим увлекал нас.

С той поры фортификация сделалась моим любимым предметом. Когда я кончил училище, Энгман, уже подполковник, уже видел во мне способности к фортификации и считал, что я должен непременно пройти курс Инженерной академии, и для этого должен остаться в Петербурге. Однако я прельстился продолжительным морским путешествием вокруг света и вышел на службу в 1-й Уссурийский железнодорожный батальон в Восточной Сибири. Однако подполковник Энгман, прощаясь со мной, взял с меня слово, что я непременно поступлю в Академию, что я и сделал четыре года спустя.

Таким образом, я должен признать, что всей моей карьерой (считавшейся исключительной) обязан влиянию Э. К. Энгмана, заметившего во мне, еще на школьной скамье училища, способности к фортификации».

А.В. фон Шварц

Николаевская инженерная академия дала России таких известных людей, как атаман Оренбургского казачьего войска А. И. Дутов, генерал-лейтенанты Ф. Ф. Абрамов, Р. И. Кондратенко, А. С. Лукомский, В. З. Май-Маевский, Н. А. Буйницкий, и многих других. После окончания этого прославленного учебного заведения А.В. фон Шварц под руководством будущего генерала А. П. Шошина участвовал в инженерных работах в крепости Ломжа, где спроектировал, по его собственной оценке, «удачный и оригинальный» проект соединявшей форты крепостной ограды.

Во время Русско-японской войны в чине капитана А.В. фон Шварц служил военным инженером в крепости Порт-Артур. Там он был одним из самых активных участников инженерных работ по проектированию и строительству оборонительных сооружений. Там в 1905 году он был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени за, как было сказано в приказе, «построение под огнем неприятеля моста через горжевой ров форта № 3 и за успешное ведение минных и контрапрошных работ против головы японской сапы, чем значительно задержал движение неприятеля, направлявшегося на сказанный форт».

Позже Алексей Владимирович вспоминал:

«В Порт-Артуре, уже самостоятельно, я проектировал и исполнял на месте много оборонительных сооружений, оказавшихся удачными. Из Порт-Артура я вынес известный и большой опыт, легший в основание новых идей в области крепостного строительства, которые я опубликовал в „Инженерном журнале“, в „Военном голосе“ и в „Русском инвалиде“, что сделало меня известным в России, а переводы их, появившиеся за границей, привлекли на меня внимание в иностранных инженерных кругах. Я стал уже известным в Европе. Тогда я был командирован за границу для ознакомления с иностранными крепостями. Я посетил Льеж, Антверпен, Шербург, Верден, Бизерту и вошел в контакт с наиболее известными специалистами по фортификации».

В 1906 году А.В. фон Шварц был назначен членом комиссии по приведению в порядок Приамурского военного округа, занимался инспекцией Владивостокской крепости. Многие его предложения позднее были использованы при разработке плана усиления этой крепости.

С октября 1907 года Алексей Владимирович был членом Военно-исторической комиссии при Главном

управлении генерального штаба (ГУГШ) по описанию действий Русско-японской войны, а также членом Главного крепостного комитета Военного министерства. С 26 марта 1909 года он стал штатным преподавателем Николаевской инженерной академии и училища. В том же году он выступил против плана военного министра генерала от кавалерии В. А. Сухомлинова по ликвидации ряда крепостей (Новогеоргиевск, Ивангород и др.) близ западной границы России.

В 1908–1910 годах А.В. фон Шварц опубликовал ряд работ по военно-инженерной проблематике, в том числе книгу «Оборона Порт-Артура» в двух частях и книгу «Влияние данных борьбы за Порт-Артур на устройство сухопутных крепостей». Многие его работы были переведены на иностранные языки, он входил в состав редакции «Военной энциклопедии».

С началом Первой мировой войны, в августе 1914 года, А.В. фон Шварц был назначен комендантом Ивангородской крепости, основанной в XV веке московским князем Иваном III Васильевичем и названной в его честь.

В своих воспоминаниях Алексей Владимирович пишет:

«Это было в августе 1914 года в Ивангороде. Я проснулся рано утром и торопливо одевался, чтобы ехать на работы, спешно производившиеся, чтобы привести старую заброшенную крепость хотя в сколько-нибудь годное для обороны состояние. Рыли окопы между фортами, строили убежища от бомбардирования, натягивали проволоочные сети, заблачивали низкие места перед фортами. Но все это было примитивно, и трудно было рассчитывать, что удастся отбиться. Комендант крепости, генерал Михелис, так это и понимал и откровенно говорил, что сделает лишь попытку отразить штурм, а затем взорвет мост и уйдет. Я был в отчаянии, но торопил работы, насколько можно было, располагая лишь двумя инженерами и сотней рабочих.

Все же старался расшевелить, воодушевить и привлечь к работе всех, способных к ней, влить в них энергию, заставить понять, что без новых укреплений крепость не может стать крепостью. Энергия моя, мой пыл, мое воодушевление заразили многих, каждый день прибывали новые помощники, и работы развивались так, что скоро слух о них вышел из крепости. И вот утром 13 августа денщик мой Афанасий торопливо доложил мне, что меня просят в штаб крепости к телефону, что меня вызывают из штаба армии. Бегу, беру трубку, и, вероятно, никакой удар грома, ни взрыв бомбы по соседству не могли бы поразить меня сильнее, чем слова генерала Гутора: „Вы назначаетесь комендантом крепости!“

Я был молод, я приехал в крепость на должность простого инженера, подчиненного начальнику инженеров, и понимал, что до генеральской должности должно пройти еще несколько лет, и потому и не мечтал о ней. Вследствие этого, известие совсем меня огорошило. Сколько мыслей, сколько переживаний в одно мгновение! Удовлетворенное честолюбие, сознание полной свободы действий и возможности проявить на войне свою собственную инициативу, а не только исполнять приказания начальства, большой почет и возможная слава и другие подобные мысли радовали и возбуждали меня, а в то же время откуда-то ползло сомнение, появлялась другая мысль, мысль о том, что с имеющимися средствами нельзя одержать победу и что ответственность по закону всецело падет на меня. Недолго, однако, продолжалась борьба — отбросив сомнение, согласился и вступил в должность.

Ясно сознавал всю громадную ответственность, что возлагаю на себя, а от этого пробудилась и удесятилась энергия во мне, и дух мой поднялся высоко. Мгновенно родилась и укрепилась во мне мысль: „Сделать все возможное и биться до конца. Победа или смерть — другого выхода нет“. Как только я пришел к такому решению, я ясно сознал, что оно нерушимо, неизменно — и что это так именно и будет. Тогда полное спокойствие овладело мной, но понимал, что нужна какая-то чрезвычайная помощь, помощь Свыше, чтобы добиться успеха. Тогда я послал пригласить ко мне отца Якова. Он был уже старик, двадцать лет состоял крепостным священником Ивангорода, и всей его личностью внушал большое к нему доверие

и почтение всех.

Сказал ему, что сознаю предстоящее мне столь трудным, что не хочу взяться за него, не призвав помощь Божию, что прошу его помолиться за меня и благословить. Вместе помолились. Тотчас же какая-то тихая радость, спокойствие и уверенность охватили меня и, казалось, распространились по всему моему телу. Я посетил все части войск, говорил с солдатами и всем объявил, что отступления из Ивангорода не будет».

Осенью 1914 года германские и австро-венгерские войска так и не смогли взять крепость, а после контрнаступления русских войск были вынуждены отступить, после чего Алексей Владимирович был произведен в генерал-майоры и награжден Георгиевским оружием. Заслуги А.В. фон Шварца высоко оценил сам император Николай II, посетивший Ивангород в октябре 1914 года и сказавший: «Как мне приятно смотреть на вас: на вашем лице отражается чувство исполненного долга».

В июле 1915 года А.В. фон Шварц вновь оборонял Ивангород от войск противника, успешно отразив двухнедельный штурм. Потом, в связи с общим отступлением русской армии и получив соответствующий приказ, он организованно эвакуировал гарнизон крепости и его имущество (в том числе орудия крепостной артиллерии), а затем организовал взрыв укреплений. При этом сам Алексей Владимирович считал эвакуацию преждевременной, выступая за необходимость продолжения обороны.

С ноября 1915 года А.В. фон Шварц был комендантом Карской крепости на северо-востоке Турции, а с июля 1916 года — начальник Трапезундского укрепрайона. Он отличился в боях на Кавказском фронте во время наступления под командованием генерала Н. Н. Юденича, заслужив славу «героя Кавказского фронта».

Сам Алексей Владимирович констатирует:

«Великая война, оборона Ивангорода, работы по укреплению Западного фронта, работы по перестройке Карса и созданию обороны Трапезунда окончательно установили мою репутацию, как фортификатора».

* * *

После Февральской революции А.В. фон Шварц был назначен начальником Главного технического управления Русской армии (марта 1917 г.), а в августе того же года его произвели в генерал-лейтенанты.

После прихода к власти большевиков генерал фон Шварц, желая продолжать бороться против германских войск, вступил в красные вооруженные формирования. До заключения Брестского мира, с декабря 1917 года по февраль 1918 года, он занимал пост командующего Северным и Петроградским участками обороны. Затем он был вызван Л. Д. Троцким в Москву, но, не желая больше служить в Красной армии, в марте 1918 года он вместе с женой Антониной Васильевной бежал на Украину. Там он жил в Киеве, а после свержения гетманского режима, в конце 1918 года, переехал в Одессу. Отметим, что, находясь на юге России, А.В. фон Шварц не имел ничего общего с Добровольческой армией, начавшей формироваться в ноябре 1917 года генералами от инфантерии М. В. Алексеевым и Л. Г. Корниловым.

В марте 1919 года командование оккупационными войсками на юге России в лице французского генерала Луи-Феликса Франше д'Эспре назначило А.В. фон Шварца военным генерал-губернатором Одессы и командующим всеми русскими войсками в Одесском районе. Алексей Владимирович принял эту должность без согласования с командованием Вооруженных сил Юга России. Причинами подобного назначения А.В. фон Шварца принято считать разочарование французов в эффективности Белого движения, а также известность генерала в Европе как выдающегося военного инженера. В результате действия

французов и генерала фон Шварца вызвали протест со стороны А. И. Деникина. Представители Добровольческой армии в Одессе также не признали этого назначения. А вскоре французские войска оставили город, бросив белых на произвол судьбы, и А.В. фон Шварц эвакуировался вместе с ними в Константинополь.

* * *

В эмиграции А.В. фон Шварц жил в Италии и во Франции. Там он опубликовал на французском языке свои воспоминания об обороне Ивангорода. Потом он перебрался в Аргентину.

В своих воспоминаниях Алексей Владимирович пишет:

«Я очутился сначала в Италии и Франции, а затем в Аргентине. Во Франции я начал, а в Аргентине окончил несколько моих работ, являющихся наиболее крупными и значительными моими работами в области фортификации. Это „Прошлое и настоящее долговременной фортификации и ее применение к обороне государства“ и „Крепости до, во время и после Великой войны“. Обе работы по их полноте и документальности являются, безусловно, выдающимися в мировой военной литературе, но они написаны и опубликованы на испанском языке, который мало знают в Европе, и потому обе книги остались мало известны европейским специалистам. Позже я написал еще целый ряд книг, всегда по фортификации, но их постигла печальная участь — здесь их мало кто читает, а в Европе они остались совсем неизвестны. Я писал их с большой любовью и верой, что они принесут пользу стране, где я нашел приют. Однако этого не случилось, потому что здесь не придают фортификации никакого значения и фортификацией не интересуются, вследствие чего страна остается совершенно беззащитной».

А.В. фон Шварц прибыл в Аргентину в 1923 году. Там он в течение многих лет работал профессором фортификации в Высшей военной школе (Escuela Superior de Guerra) и на Высших курсах Военной академии (Curso superior del Colegio Militar).

Алексей Владимирович вспоминает:

«16 февраля 1923 года мы с женой прибыли в Марсель и в тот же день на пароходе „Массилия“ выехали в Аргентину. 4 марта „Массилия“ вошла в порт Буэнос-Айреса. Нас встретили: мой товарищ по академии генерал Сергей Павлович Бобровский с женой, подполковник Кирога и секретарь русского посланника. В тот же день я в сопровождении полковника Кирога посетил военного министра полковника Хусто, чтобы представиться ему. Он мне сообщил, что я буду читать лекции по фортификации в Escuela Superior de Guerra, что соответствовало нашей Академии Генерального Штаба, и в Curso superior del Colegio Militar, являвшимся как бы нашими Инженерной и Артиллерийской Академиями, вместе взятыми».

Интересно отметить, что одним из учеников А.В. фон Шварца в этих учебных заведениях был будущий президент Аргентины (с 1946 по 1955 г. и с 1973 по 1974 г.) Хуан Доминго Перон.

Вскоре после приезда русского генерала-фортификатора представили президенту Аргентины республики Марсело де Альвеару.

Алексей Владимирович пишет:

«Он посоветовал мне поселиться не в городе, а в окрестностях, что я и сделал два года спустя. В тот же день я сделал визит русскому посланнику Е. Ф. Штейну. Он был назначен сюда еще при старом правительстве, но все еще продолжал признаваться официально. Узнав, что я намерен немедленно заняться серьезным изучением испанского языка, Е. Ф. Штейн рекомендовал мне сеньориту Карменситу Молтедо, и со следующего дня я стал брать у нее уроки, занимаясь три часа каждый день.

Хуан Доминго Перон

У директора школы я просил один месяц на подготовку языка и начал читать лекции на испанском языке с конца апреля. С учениками моими обеих школ сразу же установились отношения самые хорошие. Я видел с их стороны известный интерес к предмету и определенное желание знания, и, с моей стороны, я старался дать им возможно больше и в форме наиболее интересной и полезной. По-видимому, мы оценили друг друга верно, и так продолжалось в течение всего времени моего профессорства. Даже с

учениками, кончившими школу, сохранялись добрые, дружеские и даже ласковые отношения.

Я всецело отдался работе по составлению курсов на испанском языке и книг по вопросам фортификации, поддерживая сношения с немногими соотечественниками моего круга. Среди соотечественников было два лица официальных — это посланник Евгений Федорович Штейн и настоятель русской церкви в Буэнос-Айресе священник отец Константин Изразцов.

Несмотря на то что старое русское правительство, пославшее Е. Ф. Штейна в Аргентину, уже не существовало, он все же продолжал признаваться посланником. Я думаю, что этим он обязан не только тому, что аргентинское правительство не признавало большевистского режима, но и большому такту, которым он обладал. Благодаря его большой обходительности, уму и умению ладить с людьми, он был очень любим в аргентинском обществе и поддерживал с властями самые дружеские отношения. Для русской колонии он был необходим, так как всегда охотно, а подчас и очень терпеливо, шел на помощь всем, кто искал ее у него. Он продолжал исполнять должность посла до 1931 года, когда оставил ее и переселился в Соединенные Штаты. С его отъездом русская колония осталась без защитника и без какой-либо поддержки.

Другим официальным лицом был священник Изразцов. Еще перед отъездом в Аргентину я слышал в Париже много отзывов о нем и его деятельности в Аргентине, рисующих его, как замечательного делового деятеля. Его долготелее пребывание в этой стране создало ему большую популярность среди властей и в русском народе. В 1938 году он отпраздновал юбилей его 40-летней службы здесь. Юбилей прошел в очень торжественной обстановке. Все знавшие отца Константина единодушно и искренне приветствовали его».

Как мы уже знаем, в 1924 году А.В. фон Шварц издал на испанском языке начатое еще в Париже исследование «Крепости до, во время и после войны», в котором он проанализировал историю штурмов и обороны Льежа, Намюра, Антверпена, Новогеоргиевска и Ковно во время Первой мировой войны.

В 1925 году он опубликовал также на испанском языке капитальный труд «Прошлое и настоящее долговременной фортификации и ее применение к обороне государства». Позднее эта книга была переведена на французский (в Париже) и русский (в СССР) языки.

Помимо этого, А.В. фон Шварц стал автором большого количества других научных работ. Всего он опубликовал семь томов больших научных работ по проблемам организации обороны страны. Еще 25 отдельных исследований по разным вопросам военного искусства были опубликованы им в аргентинских военных журналах.

Алексей Владимирович без ложной скромности вспоминает:

«В 1925 году я уже закончил перевод на испанский язык моего труда по роли крепостей в минувшую войну. Он был издан военным издательством при офицерском собрании, называемом «Biblioteca del Oficial». Все офицеры армии состояли подписчиками этого издательства. Книга мне очень удалась. Со всеми возможными подробностями и вполне документально я описал в ней историю атаки и обороны Льежа, Намюра, Антверпена, Новогеоргиевска и Ковно, то есть всех тех европейских крепостей, которые были немцами атакованы и взяты. Я пользовался для составления этой книги подлинными документами и показаниями участников и считаю, что этот труд является по полноте собранных в нем данных единственным в этой категории. К сожалению, в Европе испанским языком владеют немногие, поэтому эта книга осталась для военных читателей европейских армий совершенно неизвестной.

В следующем году я закончил мою вторую работу, которую писал прямо на испанском. В том же году она была выпущена под названием: „Прошлое и настоящее долговременной фортификации и ее применение для обороны государства“. Вероятно, эту книгу постигла бы участь первой, то есть она канула

бы в неизвестность, если бы в это время в Буэнос-Айресе не находился бы один французский офицер — полковник Икр. Он часто посещал нас, внося некоторое разнообразие в нашу однообразную жизнь. Увидев мою книгу, он решил, что французским офицерам полезно и необходимо познакомиться с моими идеями в отношении современных форм долговременной фортификации, и просил мое разрешение на перевод, на что я и согласился. В следующем году его перевод вышел отдельной книгой под названием „Fortification Moderne“. В том же году эта книга из Франции проникла в Россию и была переведена на русский язык моим бывшим товарищем генералом Виктором Васильевичем Яковлевым, все еще продолжавшим состоять профессором фортификации в бывшей нашей славной Николаевской, а ныне советской Инженерной Академии».

О своей жизни в Аргентине Алексей Владимирович рассказывает следующее:

«Президент республики Альвеар посоветовал мне поселиться не в центре города, а в его окрестностях, чему я последовал в скором времени, приобретя в Вижа Бажестер старую усадьбу, состоявшую из помещичьего дома и обширного парка. Мы с женой сейчас же переехали в нашу усадьбу, привели в порядок дом и поселились в нем, да так с той поры и живем здесь, слава Богу, благополучно. Вначале, когда ближайшие к усадьбе улицы еще не были замощены, было очень трудно сообщаться со станцией, особенно осенью и зимой в дождливое время. Однако год проходил за годом, Вижа Бажестер совершенствовалась, мостовые все приближались, и лет пять назад дошли до нашей «кинты». Тогда сообщение стало легче, и мы уже не чувствовали себя так одиноко, как раньше. Но все же жизнь наша была все время чрезвычайно однообразной.

Так проходил год за годом, и постепенно во мне, или, вернее сказать, в моем душевном настроении, происходила большая перемена. Когда я ехал в Аргентину, я переживал острый период тоски по родине, такой острый, что порой жить не хотелось, но приглашение меня в Аргентину на должность профессора фортификации вселило в меня большие надежды на то, что там создастся обстановка, в которой возможно будет жить если не так, как дома на родине, то, во всяком случае, занимаясь делом, к которому привык. Я думал также, что высшее аргентинское военное начальство привлечет меня к работе по организации обороны страны, и что за этой работой я, несомненно, сойду с моими сотрудниками, и это общение облегчит мне жизнь. В действительности этого не произошло — ни к какой работе я призван не был. Произошло же это потому, что такая работа в военном министерстве вовсе не производилась, или по какой-либо другой причине — я не знаю.

По мере того, как я постигал испанский, и курсы уже были закончены, свободного времени оставалось больше. Тогда, чтобы занять свободное время, я приналег на мои литературные работы. Помимо того, что я таким образом не давал времени для развития черных мыслей, я переживал еще и известное удовлетворение, которое всегда дает творчество.

Так и сложилась моя жизнь: школа, где я читал лекции, и дом, где я писал мои книги. Никакого общения ни с сотрудниками, ни с кем из старших аргентинских начальников не состоялось. Трудно установить истинную причину этого. Возможно, что их было несколько, и главная из них была та, что, несмотря на взаимные симпатии, я все же оставался чужим для аргентинцев. Обычай прийти к приятелю „на огонек“ вечером, запросто, так распространенный в России, здесь почти не существовал. Чтобы посетить кого-либо, нужно было заранее спросить согласия по телефону. Друзья посещают здесь друг друга в их офисах, днем, в служебные часы, что в России не допускалось. Влияло также и то, что я жил вне города, и путешествие было подчас затруднительно.

К большому моему удовлетворению, я должен признать, что отношения мои с моими бывшими учениками в обеих школах, прочно установившиеся со школьной скамьи, сохранялись по мере того, как они постепенно повышались в чинах и постах. Они продолжали сохранять в отношении меня самые

дружеские чувства и были готовы исполнить всякое мое желание и оказать мне всякую любезность.

Вот уже прошло более двадцати лет, как я живу в Аргентине. Я весь здесь только тогда, когда мозг мой занят какой-либо работой, в остальное же время мысли мои улетают далеко, далеко, туда, на северо-восток, далекий и недоступный, куда, увы, телу возврата нет. Тогда передо мной, как в кинематографе, проходят события прошлого и дорогие мне лица...»

Двадцать лет вдали от Родины пролетели достаточно быстро. Началась и закончилась Вторая мировая война, разделившая русских аргентинцев на два лагеря. Ситуацию прекрасно описывает в своих изданных в Канаде «Записках военного священника» Д. В. Константинов, приехавший в Аргентину в 1948 году:

«В Буэнос-Айресе и вообще в Аргентине обстановка в смысле эмиграции была достаточно сложная. В ней проживало большое количество дореволюционных российских эмигрантов, малоосведомленных о действительном положении в СССР и, в конечном итоге, ставших на позиции не критического просоветизма.

Это огромное количество людей было настроено против послереволюционных эмиграций, считая их или „белобандитами“ или „изменниками родины“. Первой российской эмиграции в Аргентине было относительно немного, но ее количество увеличилось после конца Второй мировой войны. Значительная часть второй эмиграции тоже попала в Южную Америку и, в частности, в Аргентину, существенно изменив соотношение сил. Среди нее было немало участников Освободительного Движения, бывших военнослужащих РОА. Почти вся антикоммунистическая эмиграция в Аргентине поделилась на различные группировки, враждовавшие между собой, принимая участие в послевоенной эмигрантской междоусобице, приправленной к этому еще юрисдикционными спорами и вмешательством посторонних сил, ловивших рыбку в мутной воде того времени».

Но генерала фон Шварца, похоже, все это не интересовало. Во всяком случае, в конце войны он писал совсем о другом:

«Вот уже более двадцати лет, как мы живем в Аргентине. Между русскими-беженцами я нахожусь в числе немногих, которые устроили свой домашний очаг, не нуждаясь материально. Мой заработок вполне достаточен для бездетного и вполне приличного существования, и я иногда добавляю его еще моими литературными работами. У нас с женой есть даже возможность помогать другим. Эта материальная обеспеченность явилась следствием моего решения оставить Европу и переехать в одно из государств Южной Америки. Весьма возможно, что, если бы я остался во Франции, мне пришлось бы прибегнуть к физическому труду, что мой организм, после участия в двух войнах и одной революции, едва ли вынес бы.

Я попал в Аргентину случайно, и мне удалось завоевать здесь прочное положение специалиста. Поэтому нет пределов моей благодарности Господу, устроившему жизнь мою и особенно моей жены так благоприятно в материальном отношении. Жена тоже нашла поле применения ее энергии и ее способности понимать несчастья других и не оставаться к ним равнодушной, что и выразилось в организации ею благотворительного общества «Эл Консуэло», в котором находят поддержку многие нуждающиеся. Однако, помимо этого, на безоблачном горизонте нашей жизни иногда появляется густое облако, омрачающее ее. Это облако — это сознание неудовлетворенности и подчиненности, которое испытываешь от сознания, что ты здесь не дома, не свой, а чужой, не командуешь, а тобой командуют, что ты не равноправный, а просто нанятый. Мы, военные, понимающие дисциплину, никогда не тяготились необходимостью подчинения, потому что подчинялись старшему в иерархии или авторитету в умственных или нравственных качествах, но на чужбине подчиняешься не старшему и не авторитету, а лишь тому, кто является в стране своим.

Резюмируя мою работу, я прихожу к заключению, что как профессор я достиг того, к чему стремился,

подготовив стране специалистов, необходимых для организации обороны, когда она понадобится. Всегда я стремился сделать для государства, в котором живу и работаю, что-либо полезное, и поэтому любимым моим занятием было создавать новые более мощные и современные способы обороны в проектах или в книгах. Это началось с первого же года моего приезда сюда, и затем не проходило почти ни одного года, чтобы я не создавал что-либо новое».

Из наиболее известных работ А.В. фон Шварца, написанных в эмиграции, можно назвать следующие: исследование «Проблемы обороны морских баз» (1929 г.), брошюра «Новые идеи в области организации морских баз» (1930 г.), четырехтомник «Preparando la ofensiva este listo para la defensa» (1931–1946 гг.), исследования «Союз пушки и ружья с лопатой и киркой» и «Оборонительные сооружения в европейской войне» (1939 г.), работа «Настоящая ценность фортификации» и «Сталинград» (1943 г.), работы «Вторжение в страну и способ не допустить его» и «Операции на Дону в 1942 году и их последствия» (1945 г.) и др.

Русский генерал и выдающийся военный инженер Алексей Владимирович фон Шварц умер в Буэнос-Айресе в сентябре 1953 года, чуть-чуть не дожив до восьмидесяти лет. Он был похоронен на столичном кладбище «Ла Реколета», расположенном в самом центре города. Это, пожалуй, самое знаменитое кладбище Латинской Америки. Ежегодно сюда приезжает множество туристов — и многие лишь для того, чтобы посетить могилу Марии Эвы (Эвиты) Перон, политика и супруги президента страны Хуана Доминго Перона, одного из учеников А.В. фон Шварца.

Глава шестая

Б. А. СМЫСЛОВСКИЙ, ОН ЖЕ АРТУР ХОЛЬМСТОН, ОН ЖЕ ПОЛКОВНИК ФОН РЕГЕНАУ...

До середины 50-х годов славянской диаспоре в Аргентине покровительствовал советник президента Хуана Доминго Перона генерал Борис Алексеевич Смысловский.

Псевдоним этого человека — Артур Хольмстон (он же — фон Регенау), а в литературе он чаще всего упоминается как Хольмстон-Смысловский. Этот человек родился в 1897 году в Териоки (Финляндия) в семье генерала гвардейской артиллерии графа Алексея Смысловского. Тогда Финляндия была территорией Российской империи.

Мать Бориса — Элеонора Малахова — была крестной одной из сестер императора, а дед по матери — генерал от инфантерии Николай Николаевич Малахов — в 1905–1906 годах командовал войсками Московского военного округа.

Как и положено, Б. А. Смысловский сначала окончил 1-й Московский императрицы Екатерины Второй Кадетский корпус, потом — Михайловское артиллерийское училище. После этого в чине портупей-юнкера он поступил на службу в Лейб-гвардии 3-ю артиллерийскую бригаду. С 1915 года подпоручиком он доблестно сражался на фронтах Первой мировой войны, за что получил все офицерские ордена, начиная со Святой Анны 4-й степени и заканчивая Святым Владимиром 4-й степени с мечами и бантом.

В 1917 году Б. А. Смысловский успешно сдал экзамены в Академию Генштаба. Однако учебу графа в Академии прервала Гражданская война, в ходе которой он в составе Белой армии участвовал во Втором кубанском походе, в десантной операции в Крыму, во всех боях на пути от Таврии до Киева. Закончил он службу добровольца штабс-капитаном на должности начальника разведывательного отделения штаба сформировавшейся в Польше 3-й Русской армии генерала П. Н. Врангеля.

Будучи военным разведчиком в Добровольческой армии, Б. А. Смысловский стал свидетелем разгрома белых. После окончания Гражданской войны он ушел со службы, женился на польской подданной, принял польское гражданство и стал жить в Варшаве.

* * *

В 1928 году Б. А. Смысловский переехал в Германию. Приехав в Берлин, один из центров тогдашней русской эмиграции, он повстречал там своего старого знакомого барона Каульбарса, который в то время служил в абвере (под этим названием скрывалась разведывательная служба германской армии, которой по Версальскому мирному договору 1919 года было запрещено иметь разведку и генеральный штаб). Барон Каульбарс был адъютантом Вильгельма Франца Канариса — будущего (с 1935 г.) руководителя абвера. В результате барон уговорил Б. А. Смыловского пойти служить в абвер и одновременно поступить на Высшие военные курсы в Кёнигсберге, где тайно функционировала германская Академия Генштаба Рейхсвера (вооруженных сил Германии). Там он находился с 1928 по 1932 год. Таким образом, Б. А. Смысловский оказался единственным русским, не только окончившим германскую Академию Генштаба, но и работавшим там.

После окончания Высших военных курсов Б. А. Смысловский служил в должности зондерфюрера

(майора) в АСТ «Кёнигсберг», а в начале боевых действий против СССР — в штабе северной группировки немецких войск.

Следует отметить, что во время Второй мировой войны Б. А. Смысловский принял самое активное участие в формировании русских частей для военных действий против СССР. Он искренне считал, что немцы могут способствовать восстановлению прежней власти России, а посему писал:

«Победа германских армий должна привести нас в Москву и постепенно передать власть в наши руки. Немцам, даже после частичного разгрома Советской России, долго придется воевать против англо-саксонского мира. Время будет работать в нашу пользу, и им будет не до нас. Наше значение, как союзника, будет возрастать, и мы получим полную свободу политического действия».

Гораздо позднее Б. А. Смысловский так объяснял трагедию выбора между Гитлером и Сталиным:

«Это был выбор между двумя дьяволами. То, что делали немцы, было ужасно. Гитлер совратил их души. Но и большевики занимались уничтожением русского народа. В то время я считал, что Россию можно освободить только извне, и немцы были единственной силой, способной покончить с большевизмом. Немцы победить не могли. Силы были слишком неравны. Германия не могла успешно воевать одна против всего мира. Я был уверен, что союзники без труда покончат с ослабевшей и выдохнувшейся Германией. Расчет был на то, что Германия покончит с большевизмом, а затем сама падет под ударами союзников. Так что мы не изменники, а русские патриоты».

Подобных «русских патриотов» было немало, и наиболее известным из них по праву считается генерал А. А. Власов. При этом (и это следует подчеркнуть особо) Б. А. Смысловский никогда не сотрудничал с руководителем Русской освободительной армии (РОА).

Йоахим Хоффман в книге «История власовской армии» пишет:

«Хотя внешне у РНА установились вполне хорошие отношения с РОА, никаких шагов для соединения с армией Власова не предпринималось».

О том, что такое РНА (Русская национальная армия), мы расскажем ниже, а пока отметим, что Б. А. Смысловский не разделял ни взгляды А. А. Власова, ни его план действий, однако он лично встречался с ним несколько раз. В своих «Личных воспоминаниях о генерале Власове» Борис Алексеевич пишет:

«Наши дороги привели: генерала Власова к назначению 11 февраля 1945 года Главнокомандующим вооруженными силами РОА, а меня — к назначению 22 февраля 1945 года на должность командующего 1-й Русской Национальной Армией. Вверенная мне армия ничем не была связана с генералом Власовым ни в политическом, ни в оперативном отношении. Первая Русская Национальная Армия входила в состав немецкого Вермахта и подчинялась непосредственно Немецкой Главной Квартире. Я не был ни поклонником, ни сотрудником, ни подчиненным покойного генерала. Больше этого — я не разделял ни его политической идеологии, ни его, если можно так выразиться, оперативного плана. Мы виделись всего четыре раза, из которых только два раза, вернее две ночи, чрезвычайно сердечно поговорили. И нас связала та невидимая нить взаимного доверия и уважения, которая при благоприятных условиях и времени могла бы перейти в так называемую политическую дружбу».

Б. А. Смысловский характеризует А. А. Власова следующим образом:

«У генерала Власова во всем еще сказывалась привычка на многое смотреть сквозь очки советского воспитания, а на немцев, как на исторических врагов России. Мне чрезвычайно трудно было перейти Рубикон не столько русско-немецкий, сколько бело-красный. Мысль, что я говорю с крупным советским генералом, в молодости воевавшим против нас, белых, сыгравшим большую или меньшую роль в причине нашего великого исхода и 22-летней эмиграции, а потом долго и успешно строившим Советскую Армию, —

мысль эта камнем стояла поперек горла, и мне было очень трудно взять себя в руки и скользнуть по той объективной политической плоскости, по которой мне было приказано. Мы оба пробовали и хотели, но нам это ни в какой мере не удалось. Мы расстались еще суше, чем встретились, и несколько месяцев об этом свидании не думали, тем более что носило оно исключительно секретный и военный характер. Власов, прощаясь со мной очень вежливо, думал: что же, в конце концов, хотел от него узнать этот полковник и где же кончается его германский мундир и начинается русское сердце? А я унес с собой горечь неудавшегося выполнения задачи и неразрешенную проблему: как глубоко сидит во Власове пройденная им коммунистическая школа и где же начинается его русская душа?»

А вот еще одно весьма интересное наблюдение Б. А. Смысловского:

«Власов был русским, насквозь русским. Плоть и кровь русского хлебопашца, а потому он не только знал, но понимал и чувствовал чаяния и нужды русского народа удивительно ясно, больше того — резко. Революция и партия, конечно, наложили на него сильный отпечаток. Он плохо разбирался в вопросах государственной стратегии и исторической политики. История тысячелетий динамики российского народа была совершенно чужда ему, и ему, безусловно, нужно было бы побывать в Европе, чтобы на многое взглянуть иначе, значительно шире, глубже и с иной точки зрения. Проще — он не знал жизни по ту сторону „чертополоха“, то есть политических, военных, социальных и исторических взаимоотношений, а также техники и метода западной дипломатии. В военном отношении он был превосходный тактик, но не глубокий стратег. Ему нужно было бы еще поучиться, чтобы проникнуть в „тайну магии“ вышеупомянутых наук и вопросов, а также русских исторических задач, геополитических законов и доктрин государственной стратегии. Зато, повторяю, во всех иных вопросах, касающихся тактики военного дела, организации, политической сноровки, понимания психологии народов России, их быта и стремлений, Власов, безусловно, стоял на высоте того исторического задания, которое ему пришлось выполнять. Психологически он „разгрызал“ людей замечательно, и, например, мне он указал на целый ряд моих личных недочетов, которых я сам в себе не замечал. В этом отношении я был ему очень благодарен».

* * *

Начало войны против Советского Союза застало Б. А. Смысловского на северном участке фронта в Польше, где в чине майора вермахта он занимался прифронтовой разведкой. Там он работал под немецким псевдонимом фон Регенау. В частности, в июле 1941 года в составе группы армий «Север» он формировал «Русской учебный батальон», предназначенный для подготовки русскоговорящих разведчиков-диверсантов.

Иоахим Хоффман в книге «История власовской армии» пишет о Русской национальной армии и деятельности Б. А. Смысловского:

«Это самое удивительное из всех добровольческих соединений находилось целиком под влиянием своего командира, бывшего капитана царской гвардии, который в промежутке между войнами получил польское гражданство и окончил офицерское училище Рейхсвера. Будучи майором Вермахта и действуя под псевдонимом „фон Регенау“, Хольмстон-Смысловский еще в июле 1941 года сформировал на северном участке Восточного фронта русский учебный батальон, который постепенно превратился в оборонительную часть под русским флагом в составе 12 батальонов, считавшую себя ядром национальных русских военных сил. Это соединение, получившее название „Особая дивизия Р“, было распущено в декабре 1943 года».

То, что Йоахим Хоффман называет «Особой дивизией Р», первоначально называлось «Зондерштабом-Р» («Особым штабом Россия»). Специализация этого подразделения состояла в борьбе с партизанами (в

том числе — посредством организации фальшивых партизанских отрядов), в осуществлении разведывательной и контрразведывательной деятельности, а также в диверсионной работе против СССР.

Эта особая законспирированная структура была создана в марте 1942 года, и ее возглавил Б. А. Смысловский. «Зондерштаб-Р» (свыше тысячи человек) состоял из членов различных белоэмигрантских организаций. Он был сформирован при штабе «Валли», специального органа управления «Абвер-заграница» на советско-германском фронте, и находился в непосредственном подчинении начальника отдела «Валли-1» майора Германа Бауна, считавшегося у немцев одним из лучших экспертов по России.

Заместителем начальника «Зондерштаба-Р» стал бывший советский полковник М. М. Шаповалов, впоследствии генерал и командир 3-й дивизии власовской Русской освободительной армии.

В начале 1943 года была произведена реорганизация разведывательных подразделений Б. А. Смысловского. Таким образом, появилась дивизия особого назначения «Руссланд». В состав дивизии вошли учебные батальоны и личный состав Варшавской «Русской объединенной разведшколы». Это новое формирование влилось в состав вермахта. Его командиром был назначен Б. А. Смысловский, произведенный в полковники. Начальником штаба у него стал все тот же М. М. Шаповалов.

Фактически Борис Алексеевич стал первым русским, который командовал антибольшевистским русским соединением, до конца войны остававшимся регулярной частью вермахта. Его дивизия получила статус строевой и начала непосредственно воевать на фронте.

Дивизия особого назначения «Руссланд» была укомплектована главным образом военнопленными — бывшими солдатами и офицерами Советской армии. Были в ней и русские эмигранты. Поначалу между «красными» и «белыми» случались ссоры и разногласия, но постепенно все сгладилось: все они в конечном итоге были русскими.

Перед дивизией была поставлена задача борьбы с советским партизанским движением. Естественно, разведывательные структуры Б. А. Смысловского должны были установить контакты с различными антисоветскими формированиями в тылах Советской армии, включая Армию Крайову (вооруженные силы польского подполья), волынских повстанцев полковника Тараса Бульбы-Боровца и т. п.

В конце 1943 года Б. А. Смысловский отказался подписать Смоленское воззвание Русского комитета генерала А. А. Власова, призывавшего русских людей бороться вместе с немцами не только на Востоке против коммунистов, но и на Западе — против англосаксонских плутократов и капиталистов. Он заявил, что русские должны быть заинтересованы только в войне, ведущейся на Восточном фронте, а война Германии против Англии, Америки и других держав является чисто немецким делом, в котором русские ни в коем случае участвовать не должны.

Вскоре «полковник фон Регенау», как это обычно и бывает после подобных заявлений, был обвинен немцами в связях с врагами Рейха, в поддержке Армии Крайова, Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС — политической организации русской эмиграции) и Украинской повстанческой армии (УПА — вооруженного формирования украинских националистов). Также ему в вину был поставлен отказ выдать гестапо посещавшего его полковника Бульбу-Боровца, отряды которого начали вооруженные столкновения с немцами весной-летом 1943 года. В результате Б. А. Смысловский был арестован, а его дивизия расформирована. При этом немцы (и они это очень скоро поняли) лишились мощного потока важной разведывательной информации.

После этого Б. А. Смысловский полгода находился под следствием, которое вел генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель. Только вмешательство и поручительство адмирала Канариса, а также генерала Гелена привело к прекращению дела. После этого бывший командир дивизии особого

назначения «Руссланд» был полностью реабилитирован и даже награжден орденом Германского орла.

Исправляя свою ошибку, отдел Генштаба «Иностранные армии Востока» во главе с генералом Рейнхардом Геленом предложил Б. А. Смысловскому вновь возглавить работу в тылу советских войск. Тот поставил перед немецким руководством условия, при выполнении которых согласился вновь занять пост командира дивизии. Во-первых, русские военно-разведывательные формирования должны были быть расширены; во-вторых, санкция на их существование должна была исходить от политического руководства Германии; в-третьих, им должны были быть предоставлены все права и средства для организации антисоветского партизанского движения на территории Советского Союза. И, наконец, деятельность русских военно-разведывательных формирований должна была быть ограничена только Восточным фронтом (только против СССР).

Верховное командование приняло эти условия и сформировало штаб особого назначения при ОКХ[22], передав Б. А. Смысловскому двенадцать учебных батальонов.

Следует отметить, что немалую роль в оправдании и новом возвышении Б. А. Смысловского сыграло то, что немцы, испытывая страшную нехватку в живой силе, бросали на фронт формирования, состоявшие из бывших пленных советских солдат и перебежчиков. Таковых было немало, и все это требовало особого подхода и особой организации.

В августе 1944 года основной руководящий состав бывшего «Зондерштаба-Р» находился в районе города Вайгельсдорф (Верхняя Силезия). Там Б. А. Смысловский возглавил «Русскую объединенную разведшколу», люди которой вели разведывательную работу против частей Советской армии на территории Польши.

В феврале 1945 года восстановленная в рядах вермахта русская дивизия была преобразована в 1-ю Русскую национальную армию (РНА) со статусом союзной Вермахту армии и русским национальным флагом. К тому времени подлинное имя полковника фон Регенау стало известно советской разведке, и Б. А. Смысловский для ее дезинформации принял новый псевдоним «Артур Хольмстон» (в это время он получил звание генерал-майора вермахта). Начальником штаба 1-й РНА был назначен георгиевский кавалер полковник С. Н. Ряснянский. 1-й полк РНА возглавил полковник Тарасов-Соболев, 2-й — полковник Бобриков.

Йоахим Хоффман в книге «История власовской армии» пишет:

«Рассеянное по всему Восточному фронту, формирование официально получило статус союзных вооруженных сил, но тактически и организационно подчинялось Вермахту. Его численность составила шесть тысяч человек, из них 80 % были советские военнопленные и перебежчики, из которых, однако, сравнительно немногие имели офицерское звание. Все более или менее важные руководящие посты занимали старые эмигранты: начальник штаба — полковник Ряснянский, первый офицер штаба — подполковник Моссер, второй офицер — майор Климентьев, третий офицер — подполковник Истомин, офицер войсковой разведки — майор Каширин, начальник снабжения — подполковник Сондырев, командир штаб-квартиры — подполковник Колубакин, командир 1-го полка — полковник Тарасов-Соболев, командир 2-го полка — полковник Бобриков».

В результате 1-я РНА, в которой насчитывалось шесть тысяч человек, просуществовала три месяца.

Предполагалось, что в ее состав войдет и 3-я дивизия РОА генерала М. М. Шаповалова (десять тысяч бойцов).

О нем Б. А. Смысловский пишет:

«По расформировании „Зондерштаба-Р“, Шаповалов перешел, после долгих переговоров, в РОА и на

некоторое время сделался моим ярким противником, однако, год спустя, когда я начал формировать Первую Национальную Армию, он пережил гнев на милость и стал упорно проситься ко мне обратно, засыпая меня „политически-любовными“ письмами, которые и до сих пор сохранились у меня».

Однако в конечном итоге М. М. Шаповалов так и не соединился с Б. А. Смысловским и решил направить свою недоукомплектованную дивизию в сторону Праги. Впоследствии он был захвачен чешскими партизанами и расстрелян.

* * *

В первых числах апреля 1945 года части 1-й РНА подверглись ожесточенной воздушной бомбардировке и были в значительной степени уничтожены. 18 апреля на военном совете Б. А. Смысловский отдал приказ о выступлении в сторону Швейцарии с местом сбора в районе города Мемминген. 26 апреля остатки 1-й РНА двинулись оттуда в направлении на Фельдкирх.

В районе Фельдкирха к колонне 1-й РНА присоединились гражданские беженцы, среди которых находились титулованные особы, в частности, наследник российского престола великий князь Владимир Кириллович Романов со свитой, председатель Варшавского русского комитета С. Л. Войцеховский, а также бывшие члены французского коллаборационного правительства Виши — маршал Анри-Филипп Петэн и премьер-министр Пьер Лаваль.

В ночь со 2 на 3 мая 1945 года, когда до капитуляции гитлеровской Германии оставалось всего несколько дней, в снежную бурю части 1-й РНА, договорившись с пограничниками, перешли границу Лихтенштейна, самого маленького государства Центральной Европы, зажатого между Австрией и Швейцарией, где они сдались правительству княжества, которое оставалось нейтральным во время войны.

Произошло это следующим образом. Оторопевшие от неожиданности пограничники, понимая, что соотношение сил явно не в их пользу, все же дали несколько предупредительных выстрелов в воздух. В ответ из головной машины, в которой сидел «генерал Хольмстон», раздался голос его адъютанта, закричавшего по-немецки:

— Не стреляйте, здесь русский генерал!

Колонна остановилась, из машины вышел Б. А. Смысловский в шинели генерала вермахта и представился начальнику лихтенштейнской пограничной охраны:

— Я, генерал-майор Хольмстон-Смысловский, командующий 1-й Русской национальной армией. Мы перешли границу, чтобы просить политического убежища. С нами в одной из машин находится наследник российского престола, великий князь Владимир Кириллович и его свита.

Сам генерал потом вспоминал об этом эпизоде:

«30-го апреля на военном совещании в Фельдкирхе я дал для разработки моему штабу идею операции перехода швейцарской границы. 1-го мая я перевел армию в Нофельс, где она и заняла исходное положение. На главные дороги были высланы роты для демонстрации.

Момент неожиданности был решающим в этой операции, а потому я использовал для перехода труднопроходимый горный путь. К армии присоединился Великий князь Владимир Кириллович со свитой, эрцгерцог Альбрехт, господин Войцеховский, председатель Русского Комитета в Варшаве с небольшой группой беженцев и разрозненные венгерские части. В ночь на 3-е мая, при огромной снежной буре, сняв германскую пограничную стражу и оттеснив не ожидавших нас швейцарцев, мы перешли границу. Жизнь моих офицеров и солдат, а также честь русского имени были спасены.

На рассвете кадры 1-й Русской Национальной Армии расположились бивуаком в долине Рейна в тех

деревнях, где почти 150 лет тому назад после Альпийского похода отдыхали чудо-богатыри генерал-фельдмаршала Суворова».

После этого начались переговоры с представителями властей княжества, в ходе которых было достигнуто соглашение о предоставлении военным 1-й РНА политического убежища. Великому князю Владимиру Кирилловичу и комитету С. Л. Войцеховского в этом было отказано, и они возвратились в Австрию, откуда Владимир Кириллович на самолете перелетел в Испанию (ему, кстати, в отличие от других участников этого похода, не угрожала выдача в СССР). Из-за угроз французов перейти границу княжества маршал Анри-Филипп Петэн и премьер-министр Пьер Лаваль были им выданы.

Таким образом, остатки 1-й РНА, насчитывавшие теперь всего 494 человека (462 мужчины, 30 женщин и двое детей), укрылись на территории Лихтенштейна и разместились в лагере близ местечка Руггелль и в городе Вадуц на частных квартирах. Оружие было складировано в столице княжества Вадуце, а затем брошено в Боденское озеро. Первое время с личным составом «лагеря Руггелль» проводились активные занятия по различным военным и разведывательным дисциплинам. В разговорах Б. А. Смысловский уверял, что в скором времени предстоит снова вести борьбу против СССР, но теперь уже на стороне Великобритании и США.

Несмотря на давление со стороны союзников-победителей, князь Лихтенштейнский Франц-Иосиф II не позволил выдать им интернированных русских, мотивировав это отсутствием юридической силы Ялтинского соглашения на территории княжества. Срочно созданный в княжестве Красный Крест под патронажем княгини Лихтенштейнской взял на себя заботу о русских. Дополнительную нервность в и без того накаленную обстановку внесло известие о готовящемся нападении французских партизан, действовавших под прикрытием 1-й французской армии. Французские коммунисты действительно хотели пересечь границу и похитить Б. А. Смысловского и других русских офицеров, однако французское верховное командование запретило акцию, и эта угроза отпала.

Советская репатриационная комиссия, прибывшая в Лихтенштейн в августе 1945 года, потребовала выдать военным 1-й РНА, и прежде всего их командиров, заявив, что все они — военные преступники. Парламент княжества отказал в этом, потребовав от советской стороны предоставления вразумительных доказательств их преступлений. В результате комиссия не смогла представить ничего из того, что могло бы доказать ее обвинения, и правительство Лихтенштейна отвергло ее требование.

Тем не менее, несмотря на твердую позицию Лихтенштейна, Б. А. Смысловский все же был вынужден допустить членов советской репатриационной комиссии к личному составу своей армии. После собеседования двести человек поддались на уговоры и выразили желание вернуться в СССР.

С. Г. Чуев в своей книге «Проклятые солдаты. Предатели на стороне III рейха» пишет:

«В период пребывания Смысловского в Вадуце его посетил глава американской разведслужбы в Европе Аллен Фостер Даллес и другие специалисты. Хольмстон стал для них бесценным источником информации о положении в СССР — все это время он поддерживал связь со своей агентурой в Стране Советов. Некоторое время спустя он передал всю свою агентуру своему бывшему непосредственному начальнику — генералу Рейнхарду Гелену, руководившему немецкой разведслужбой в американской оккупационной зоне Германии. Фактически можно предположить, что Смысловский выторговал у Запада жизнь и безопасное существование чинам своей армии в обмен на возможности своей разведывательной сети».

* * *

В сентябре 1947 года русские получили визы и вместе со своим бывшим командиром отплыли в

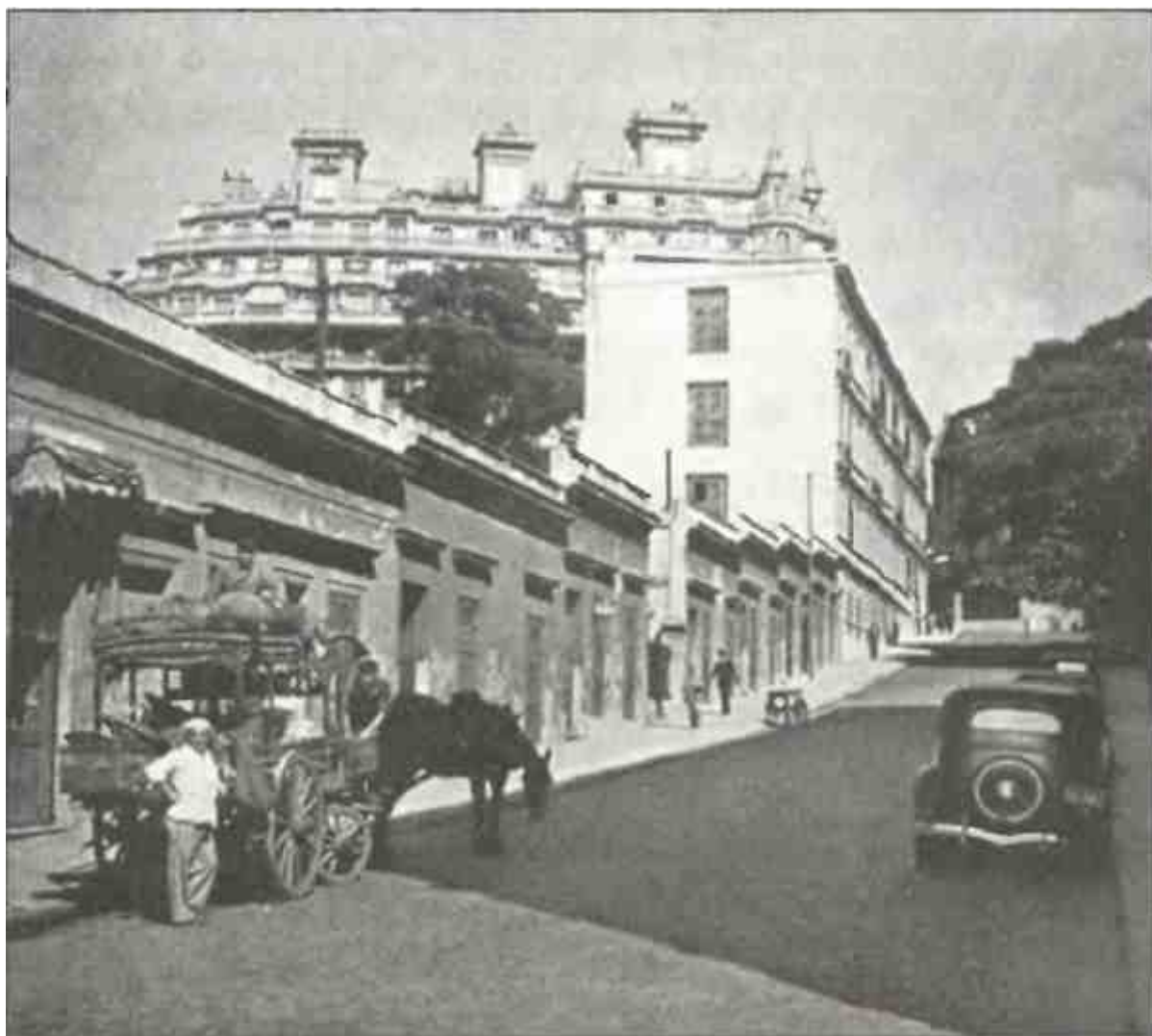
Аргентину. Все транспортные расходы, связанные с этим, оплатило княжество Лихтенштейн.

Таким образом, примерно сто русских людей перебрались в Буэнос-Айрес. Среди них был и генерал Б. А. Смысловский с женой Ириной Николаевной.

В 1948 году Б. А. Смысловский основал в Аргентине Российское военно-освободительное движение имени генералиссимуса А. В. Суворова (так называемый «Суворовский Союз»). Эта организация стала издавать свою газету, потом — журнал «Суворовец». Девизом издания стали слова великого русского полководца: «Мы русские, с нами Бог!», а лозунгом — «Националисты всех стран, соединяйтесь!»

Живя в Буэнос-Айресе, Б. А. Смысловский писал статьи на военные темы и претендовал на роль ведущего аналитика русского зарубежья в этой области. В 1957 году нью-йоркское «Всеславянское издательство» выпустило в свет книгу Б. А. Смысловского «Война и политика. Партизанское движение».

Кроме того, он читал лекции в Военной академии по тактике антипартизанской войны.

Буэнос-Айрес в первой половине XX века

Б. А. Смысловский не мог не понимать, что благополучие русских эмигрантов зависит от благосклонности к ним аргентинских властей. После прибытия в Буэнос-Айрес он добился аудиенции у «сильного человека» Аргентины Хуана Доминго Перона. От себя лично и от имени своей «армии» он поздравил его с избранием на пост президента страны, а на страницах газеты «Суворовец» постоянно заверял, что в случае необходимости готов выступить на защиту Аргентины. В то время главным

гипотетическим противником страны считались Соединенные Штаты, куда Б. А. Смысловский несколько раз выезжал «по неким секретным делам». Но вряд ли он выполнял поручения президента Перона.

Как бы то ни было, правительство Перона не чинило препятствий деятельности Б. А. Смысловского и его «Суворовскому Союзу». «Перон нас держит под своим крылом», — не раз говорил своим людям Б. А. Смысловский. Для поддержания связи с ним военное министерство Аргентины выделило специального офицера. Тайная полиция Аргентины в дела «Суворовского Союза» не вмешивалась, каких-либо ограничений с ее стороны на проведение собраний и других мероприятий не было.

Более того, очень скоро Б. А. Смысловский стал советником Хуана Доминго Перона по антипартизанским операциям и борьбе с терроризмом. Одновременно он весьма преуспел в бизнесе, но жизнь в Аргентине ему не нравилась. В своих письмах он частно сообщал, что скучает по Лихтенштейну.

Немало места уделил фигуре Б. А. Смысловского журналист-международник Нил Никандров, более четверти века работающий в Латинской Америке и написавший книгу об Иване Лукьяновиче Солоневиче, русском публицисте, мыслителе, журналисте и общественном деятеле, тоже эмигрировавшем в Аргентину в 1948 году и умершем в Монтевидео 27 апреля 1953 года. В частности, он пишет:

«В Аргентине, Бразилии и Парагвае, — везде, где обосновались бывшие военнослужащие ПРНА, Смысловский был популярной фигурой. Прагматик по натуре, он обладал мощным инстинктом выживания: был многоликим, изворотливым, красноречивым и решительным в тех „чреватых последствиями“ нестандартных обстоятельствах, на которые был щедр XX век. Он умел выбрать наиболее подходящую линию поведения в меняющихся исторических условиях и достоверно играть ее. Стоит ли говорить, что к Солоневичу Смысловский-Хольмстон повернулся самой привлекательной стороной своего „полифонического имиджа“, подчеркивая при каждом удобном случае, что как истинно русский человек всегда придерживался монархистских убеждений и идеалов Исторической России».

Б. А. Смысловский и И. Л. Солоневич стали друзьями, и последний «при любой возможности заглядывал к генералу „на рюмку чая“».

По словам Нила Никандрова, Б. А. Смысловский «взялся за нелегкую задачу объединения русской эмиграции в Аргентине, чтобы затем использовать этот опыт на всем пространстве Русского рассеяния». Базовой организацией объединения должен был стать упомянутый «Суворовский Союз».

Нил Никандров отмечает:

«Генерал воспитывал членов „Союза“ на идеях исключительности и самобытности российской государственности, биологической мощи и непобедимости русского народа, который даже в условиях временного поражения способен „переварить любого оккупанта“».

У Б. А. Смысловского в Аргентине было немало недоброжелателей. Некоторые из них утверждали, что он самовольно присвоил себе звание генерал-майора. Говорили, что ссылки на то, что немецкое командование подписало приказ в самом конце войны, сомнительны. Бои шли на улицах Берлина, капитуляция была неминуема, и вряд ли в подобных условиях кто-то из высших чинов вермахта стал бы думать о присвоении русскому полковнику очередного воинского звания. Недруги Б. А. Смысловского считали, что мундир генерала был им заранее припасен для ведения переговоров с властями Лихтенштейна: так, мол, представительнее!

По этому поводу Нил Никандров пишет:

«Конечно, выяснить истинность этих утверждений в условиях Аргентины было трудно. О любых попытках подобного рода Смысловскому стало бы известно. Он никогда не забывал о своей профессии контрразведчика и создал в среде русских эмигрантов разветвленную сеть информаторов.

Говорили, что на эту специфическую работу военное министерство Аргентины выделяло Смысловскому необходимые финансовые средства. Трудно сказать, знал об этом Солоневич или нет, но соответствующие слухи „по русскому Буэнос-Айресу“ циркулировали. Правда, часто говорили не о военной контрразведке, а о тайной полиции. Если у эмигранта, устраивающегося на работу, была рекомендация Смысловского, никаких проблем не возникало. Члены „Суворовского Союза“ привлекались для изучения прибывших в страну „Ди-Пи“^[23] с „советским прошлым“. Самые проверенные лица Смысловского вели наблюдение за советскими учреждениями в стране, используя для этого автотранспорт, предоставленный „Сексьон эспесиаль“».

И. Л. Солоневич, приехав в Аргентину, основал газету «Наша страна», издающуюся по сей день, и создал Народно-монархическое движение, также то сих пор существующее. Кое-кому это не нравилось. В результате аргентинские власти заинтересовались им, и вскоре был поставлен вопрос о его высылке из страны.

Нил Никандров констатирует:

«Смысловский-Хольмстон был тем человеком, который мог повлиять на аргентинские власти в „деле Солоневича“, предотвратить его высылку. Благодаря „карманной“ контрразведке, Смысловский знал о том, где и кем пишутся доносы, был осведомлен об их содержании. Более того, в одном из руководящих кабинетов „Сексьон эспесиаль“ с ним советовались по поводу того, давать или нет ход „обвинительным письмам“. Именно под этим названием они были зарегистрированы в учетном отделе охраны».

У Смысловского были разные варианты действий. Он мог сказать: я уверен в том, что Солоневич никогда не имел отношения ни к Коминтерну, ни к Коминформу, и, тем более, к НКВД-МГБ. Он мог сказать, что Солоневич лояльно относится к хустисиалистскому режиму^[24] и президенту Перону. В конце концов, Смысловский мог поручиться за Ивана. Этого было бы достаточно, чтобы закрыть „дело Солоневича“. Тем не менее, беседуя с представителем „Сексьон эспесиаль“, он не сказал ни слова в защиту писателя. Обвинений Солоневича в „работе на коммунистов“ не поддержал, но дал понять аргентинцам, что дальнейшее пребывание писателя в Буэнос-Айресе чревато конфликтами, выяснением отношений и скандалами среди русских эмигрантов. Не преминул Смысловский предсказать, что этим воспользуется советское посольство, вербуй агентов и соблазняя эмигрантов видами на возвращение в Советский Союз.

Доносам дали ход, и Смысловский фактически определил дальнейшую судьбу Солоневича.

Во второй половине июля 1950 года опальный публицист поднялся на борт пароходика, курсировавшего по Рио-де-ла-Плата между Буэнос-Айресом и Монтевидео. В № 50 от 5 августа 1950 года „Нашей Страны“ появилось извещение „От Редакции“: „Ввиду того, что Иван Лукьянович Солоневич по состоянию своего здоровья и по другим, независящим от него, обстоятельствам, покинул пределы Аргентины, издателем и редактором газеты „Наша Страна“ с 1 августа с.г. является Всеволод Константинович Дубровский“».

В самом деле, в 1950 году И. Л. Солоневич был выслан из Аргентины. И здесь вряд ли можно утверждать, что Б. А. Смысловский «фактически определил дальнейшую судьбу Солоневича». Дело в том, что русская белая эмиграция в Аргентине относилась к основателю «Нашей страны» весьма неоднозначно. Многим была не по душе резкость суждений Ивана Лукьяновича и его антидворянский пафос. Высылка его из Аргентины стала следствием целого ряда доносов, написанных в аргентинскую «Сексьон эспесиаль» (политическую полицию) группой весьма непохожих друг на друга деятелей русской эмиграции. Всем им И. Л. Солоневич, верный своей привычке едко высмеивать как левых, так и ультраправых «пузырей потонувшего мира», причинял неудобства. Под доносами, обвиняющими И. Л. Солоневича в антиперонизме и прочих грехах, стояли чрезвычайно разношерстные подписи: от монархиста Н. И. Сахновского до меньшевика Н. А. Чоловского, издателя журнала «Сеятель».

После высылки И. Л. Солоневича распространялись несколько вариантов слухов. Одни говорили: «Слава Богу, что выслали — советский агент!» Другие утверждали, что его выслали по настоянию советского посольства, но при этом газету не закрыли, и Солоневич продолжает в ней писать. Нашлись и такие, кто уверял, что Иван Лукьянович вообще никуда не уезжал, а все это разыграно, чтобы он мог работать спокойно.

Однако ближе всего к истине была та версия, что действительно имело место множество доносов.

В. К. Дубровский пытался убедить И. Л. Солоневича не разбрасываться на внутриэмигрантскую полемику. В письме от 27 сентября 1950 года он призывал:

«Ты только посмотри „с холодным вниманием вокруг“, что творится в эмиграции. Грызутся все. Каждый, кому доступна пишущая или типографская машина, делает это печатным способом, кому недоступна — бегаёт с доносами. Мне кажется, что на этом фоне очень выгодной была бы серьёзная позиция и линия, устремлённая в будущее, мимо этого гнусного настоящего. Для этого ты должен переключить свои мысли в другую плоскость и заставлять машинку не „местию дышать“, а рисовать те „контуры будущей России“, которые ты ведь можешь сделать настолько интересными, что люди будут зачитываться».

В. К. Дубровский был прав. Именно он, искусно маневрируя, сумел сохранить «Нашу страну». Что же касается Б. А. Смысловского, то ему тоже приходилось маневрировать. К тому же известно, что, находясь в эмиграции, в начале 50-х годов он призывал американских политиков не развязывать атомной войны против СССР, потому что это была бы война на уничтожение русского народа. Утверждают, что на Лубянке даже сочли его подходящим объектом для вербовки («Настроен не только пацифистски, но и патриотически!»), но якобы в ходе дальнейшего изучения «вопроса» в Буэнос-Айресе выяснили, что надежды на успех — никакой. Вероятно, ярый монархист И. Л. Солоневич, сумевший за короткий срок поспорить со всеми, плохо вписывался в сложные аргентинские «маневры» Бориса Алексеевича...

* * *

В середине 60-х годов по приглашению генерального штаба ФРГ Б. А. Смысловский стал советником западногерманского Генштаба, где проработал до отставки в 1973 году. Последние тринадцать лет жизни Б. А. Смысловский прожил в милом ему княжестве Лихтенштейн, куда он вывел остатки своих солдат в 1945 году.

Умер Борис Алексеевич Смысловский 5 сентября 1988 года на 91-м году жизни. Похоронен он в Вадуце на небольшом кладбище, примыкающем к местной церкви.

*Памятник на территории
храма Всех Святых у метро
«Сокол» (Москва)*

Глава седьмая

ГЕНЕРАЛ А. П. БАЛК — ПОСЛЕДНИЙ ЦАРСКИЙ ГРАДОНАЧАЛЬНИК СЕВЕРНОЙ ПАЛЬМИРЫ

20 октября 1957 года в Сан-Паулу (Бразилия) скончался Александр Павлович Балк — известный русский государственный деятель, с ноября 1916 года бывший градоначальником Петрограда.

Этот человек родился в 1866 году. Он происходил из славной фамилии фон Балкенов, старинного дворянского рода, перебравшегося в Россию в середине XVII века, при царе Алексее Михайловиче. По одним данным, основателем рода считался некий шведский лейтенант, чей сын Корнилиус, попав в плен и крестившись в православие, стал именоваться Михаилом. По другим данным, герр Балкен был чистокровный немец, который переселился из Вестфалии в Ливонию, принадлежавшую тогда королям из Стокгольма. Его отпрыск — майор шведской службы Николай фон Балкен — в 1653 году добровольно перешел в русскую армию, где в чине капитана занялся формированием регулярных, на европейский лад, полков. Впоследствии фон Балкены превратились в Балков, и один из них, тайный советник Петр Федорович Балк, занимал при императоре Александре I ответственную должность посланника в Рио-де-Жанейро. Но самым известным в этом роду считается генерал-лейтенант Михаил Дмитриевич Балк — герой Отечественной войны 1812 года.

Как видим, выходец из такой семьи не мог пройти мимо добросовестной государственной службы. К двадцати годам А. П. Балк окончил 1-й кадетский корпус (там он был однокашником будущего последнего министра внутренних дел Российской империи А. Д. Протопопова) и Павловское военное училище. После этого молодой дворянин был выпущен подпоручиком в 16-й Ладужский пехотный полк, а в 1887 году он был переведен в лейб-гвардии Волынский полк. В августе 1890 года он стал поручиком, в апреле 1898 года — штабс-капитаном, в мае 1900 года — капитаном. В 1903 году, уже в чине подполковника, А. П. Балк стал служить помощником Варшавского обер-полицеймейстера. Усердно хлебая жандармскую кашу, А. П. Балк попал, наконец, в поле зрения высших сфер: в конце 1906 года он уже был полковником, а в 1912 году, незадолго до 300-летия династии Романовых — генерал-майором.

После начала Первой мировой войны А. П. Балк занял пост варшавского градоначальника, однако уже в 1915 году, после занятия Варшавы германскими войсками, он получил всемиловейшее предписание поспешить в Москву, продолжая числиться на прежней должности.

10 ноября 1916 года А. П. Балк был назначен градоначальником Петрограда. Забрав жену, Веру Ипполитовну Занкевич (сестру Михаила Ипполитовича Занкевича, генерал-квартирмейстера Генштаба), сына и дочь, он тут же въехал в здание на Гороховой улице, где в то время находились Управление градоначальства и полиции.

Назначению этому явно поспособствовало близкое знакомство А. П. Балка с министром внутренних дел А. Д. Протопоповым, с которым они вместе учились в Кадетском корпусе. Утверждается, например, что, представляя однокашника государю Николаю Александровичу и государыне Александре Федоровне, дальновидный министр заверил: «Он — хороший человек и будет свой».

Генерал А.П. Балк

* * *

Прибыл в Петроград А. П. Балк не в самое простое время. Он вынужден был расчищать всю ту грязь, которая повсеместно и ежеминутно прорывалась из недр отравленного тяжелой войной и смутой столичного общества. Тем не менее генералу многое удавалось. Он, например, поправил работу парализованного до этого городского транспорта, обучив полицейских вождению трамваев (при этом начатое еще в 1913 году строительство второй магистрали пришлось прекратить). Было открыто движение по Дворцовому мосту через Неву. Был предпринят ряд активных мер для устранения забастовок и перебоев в снабжении города продовольствием. Однако этим достижения «своего человека» ограничились. Да и что он мог еще сделать, если голова буквально пухла то от забастовок, то от топливных неурядиц, то от продуктовых очередей.

В декабре 1916 года после убийства Григория Распутина А. П. Балк получил от императрицы Александры Федоровны приказ произвести обыск в доме Ф. Ф. Юсупова, подозреваемого в этом преступлении. Но градоначальник, взвесив все «за» и «против», предупредил князя, дав ему возможность уничтожить все улики.

24 февраля 1917 года вся полнота власти в городе была передана командующему войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенанту Сергею Семеновичу Хабалову. 26 февраля была распущена Государственная Дума, а на следующий день открылось первое заседание Петросовета, органа революционной диктатуры пролетариата и крестьянства.

Фактически А. П. Балк стоял во главе Петрограда в течение почти четырех месяцев, и ему суждено было «закрыть» длинный перечень царских градоначальников Северной Пальмиры. Безуспешно пытаясь организовать противодействие революционным силам, А. П. Балк был не просто смещен с должности, но и

арестован. Произошло это днем 28 февраля в Адмиралтействе. Сначала он содержался на гауптвахте бывшего штаба Отдельного корпуса жандармов (на Фурштадтской улице), затем его перевели в Петропавловскую крепость.

Любопытнейшие подробности своего ареста и сопутствовавшей этому обстановки А. П. Балк оставил в своих воспоминаниях, написанных в 1929 году в Белграде. Он пишет:

«Шум толпы во дворе, топот многих ног по широким и отлогим лестницам и крики... Толпа ворвалась и заполнила всю комнату. Мы встали. Из толпы выделились три фигуры. Прапорщик в стрелковой форме: пьяное, сизое, одутловатое лицо, весь в прыщах, глаза, заплывшие в жиру. В руках держал большой маузер, который он поочередно наводил в упор на наши физиономии (так боевой офицер, даже будучи пьяным, никогда делать не будет). Одет был по форме во все новое походное снаряжение (очевидно, форму получил во время разграбления воинского склада). Другой — совсем молоденький солдатишка, белый, с прекрасным нежным цветом лица, тоже одет хорошо, но не по форме. В расстегнутом пальто с красными погонами и выпушками. Был пьян. В руках держал обнаженную офицерскую шашку с анненковским темляком, страшно размахивал ею над нашими головами и по временам делал вид, что хочет заколоть нас. Кричал он больше всех и упивался ролью вождя восставшего народа. Очень похоже, что оба эти „героя“ просто переодетые гражданские! Наглость же „прапорщика“ и этого „солдатика“, проявляемая по отношению к генералам, указывает на их жидовское происхождение. Но даже жиду, человеку, который всех презирает, кроме себя, чтобы явиться арестовывать высшее военное командование города, необходимо было для смелости принять горячительного напитка. Между этими двумя стояла все время меланхолично, совсем смиренная с проседью баба. Была опоясана поверх длинного пальто шашкой на новом широком ремне (новый ремень также указывает на армейский разграбленный склад).

Пьяные солдатишка и прапорщик, вытаращив глаза, смотрели грозно на меня и не успели еще разинуть рты, как я громко, чтобы вся толпа услышала, сказал: „А вот я гадоначальник. Арестуйте меня и ведите в Думу“, — и пошел вперед из комнаты. Мне дали дорогу, раздались крики радости, и вся толпа бросилась за мной... Я быстро спускался по лестницам. Все сослуживцы мои, не отставая, держались вместе. Генерал Хабалов в коридоре незаметно присоединился к нам...

Мы завернули налево, и здесь нас остановили. Стояло два громадных грузовика-платформы. „Влезайте“... Шофер дал ход. Грузовик рванул и сразу налетел на чугунную тумбу, выворотил ее, но сам испортился, и, несмотря на все усилия рассвирепевшего шофера, не двигался с места.

В это время мимо Градоначальства из Гороховой улицы выскочил автомобиль и открыл стрельбу из пулемета. Окружавшую нас толпу охватила паника. Все бросились на землю, и началась беспорядочная стрельба во все стороны... Я почувствовал струю теплого воздуха справа. „Господи, хоть бы скорей прикончили“, — глубоко вздохнув, сказал полковник Левисон и крепко прижался ко мне. Были слышны стоны, ругательства.

Стрельба продолжалась минуты две. Наконец, стреляющий автомобиль проскочил дальше. Толпа сейчас же успокоилась...

Я крикнул: „Ну, если нет автомобиля, ведите нас в Думу пешим порядком“. Я быстро пошел, желая избежать Невского, на Дворцовую площадь. Несколько вооруженных человек окружили нас, и мы вышли на поворот к Дворцовому мосту. Здесь на наше счастье наткнулись на автомобиль с частной публикой. Наши конвоиры, которых не особенно радовала перспектива идти пешком далекий путь, быстро высадили пассажиров и крикнули нам: „Живо садись!“ Автомобиль облепили солдаты и частные лица... Все стреляли вверх, кричали „ура“ и махали оружием над нашими головами... Выехали на Дворцовую набережную, почти пустынную, и пошли быстрым ходом мимо грандиозно-строгой линии дворцов. Вахтеры и дворники,

молча и сочувственно, как мне казалось, смотрели на нас. Я почти каждый день ездил набережной, и они знали меня в лицо.

У Зимнего Дворца навстречу нам шли два английских офицера. Одного я знал хорошо в лицо, фамилию забыл, но фигуру его, необычно длинную и поджарую, знал каждый, кто бывал в „Астории“. Так вот этот офицер своеобразно приветствовал нас. Он остановился, повернулся к нам лицом, засунул руки в карманы и, пригибаясь назад во все свое длинное туловище, разразился громким хохотом, а потом что-то кричал и указывал на нас пальцем...

У въезда в Государственную Думу и за решеткой стояла плотная масса народа... Автомобиль остановился у главного входа в Думу, и мы без задержки быстро прошли внутрь, куда именно — не помню. Комната большая, заставленная столами, а за ними — победители — преимущественно еврейская молодежь».

А. П. Балка и генерал-майора М. И. Казакова, командира жандармского дивизиона, отделили от остальных. Просьбу грандоначальника не разъединять арестованных не уважили. Двух генералов повели по длинному светлomu коридору в так называемый Министерский павильон, а остальных — на второй этаж.

Далее А. П. Балк вспоминает:

«Конвой наш, восемь человек, состоял частью из солдат с винтовками, а частью из евреев-юношей, делающих революцию. Только что выпущенные из тюрем, они с особенным увлечением, вместе с солдатами, отбивали шаг по узким коридорам. Опоясанные патронными лентами, держа высоко в вытянутых руках револьверы самых ужасающих систем, они упивались своей великой исторической ролью идти во главе революции».

* * *

Уже в июне 1917 года А. П. Балк был освобожден по решению Временного правительства. Получив это известие, генерал заявил, что не покинет тюрьму, пока не удостоверится, что со всеми чиновниками, которые были его подчиненными, поступили строго в рамках закона.

После освобождения генералу была назначена «усиленная пенсия». Он уехал в Москву, а оттуда в Новочеркасск. Там он стал участником Белого движения, вступив в Добровольческую армию, которая начала формироваться в ноябре 1917 года генералом М. В. Алексеевым, а потом прибывшим на Дон генералом Л. Г. Корниловым.

В марте 1920 года А. П. Балк был вместе с остатками Белой армии эвакуирован из Крыма в Салоники. Потом из Греции он перебрался в Белград. В Белграде он возглавлял объединение ветеранов Волынского полка, был начальником Белградского отдела Общества русских офицеров в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев.

* * *

В 1945 году, вероятно, по стопам одного из своих предков-дипломатов, А. П. Балк покинул Белград и направился в Бразилию.

Сделать это явно имело смысл, так как многие «русские белградцы» пострадали после того, как сербская столица была освобождена Советской армией. Достаточно привести пример Василия Витальевича Шульгина — одного из лидеров фракции националистов в Государственной Думе, который вместе с А. И. Гучковым в марте 1917 года принял на станции Дно манифест об отречении, подписанный

императором Николаем II. Этот пожилой уже человек спокойно жил в Белграде, а в конце 1944 года к нему позвонили в дверь. На пороге стояло несколько советских офицеров, и в руках у них были огромные пакеты с провизией. «Вот, пришли навестить и отдать должное такому знаменитому человеку!» — сказали они. Такие улыбчивые, симпатичные... В. В. Шульгин пригласил их войти. По русскому обычаю накрыли стол, развернули пакеты. Старший из гостей предложил: «Давайте выпьем! За Победу, одну рюмочку! Вы должны!» В. В. Шульгин не посмел отказаться.... А очнулся он уже в Москве, на Лубянке...

После этого, по решению Особого совещания при МГБ СССР, В. В. Шульгин был приговорен «за враждебную коммунизму и антисоветскую деятельность» к тюремному заключению сроком на двадцать пять лет. Правда, после смерти И. В. Сталина, в 1956 году, В. В. Шульгин был освобожден, и ему позволили поселиться в доме престарелых города Гороховца Владимирской области, а затем в самом Владимире.

Умер В. В. Шульгин в 1976 году, а через четверть века по заключению Генеральной прокуратуры Российской Федерации он был реабилитирован.

Случай этот наделал много шума в Белграде, а посему А. П. Балк решил не искушать судьбу, переехав в далекий Сан-Паулу. Там он и скончался в 1957 году, прямо в 40-летний юбилей Великого Октября. В Бразилии он жил не очень счастливо, но деятельность коммунистов полезной для всего человечества уж точно не признавал (как вынужден был это делать затравленный В. В. Шульгин). Таксистом (как многие русские эмигранты) он тоже не работал и выпивку советским туристам в ресторане не подавал...

В.В. Шульгин

Глава восьмая

РУССКИЕ КАЗАКИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Как мы уже говорили, русская диаспора в Аргентине, наиболее многочисленная в странах Латинской Америки, была по преимуществу аграрной, то есть состояла из лиц, занимавшихся сельскохозяйственным трудом. Эти люди сохранили свой родной язык и многое из русских культурных традиций, а их компактное проживание в сельской местности, необходимость взаимовыручки в тяжелых условиях латиноамериканского климата и, возможно, само традиционное общество аграрной Аргентины, лишь способствовали этой тенденции.

В Аргентину из России переехали в основном бывшие белогвардейцы и казаки. Последние с удовольствием занялись на новой родине сельским хозяйством, хотя процесс становления агробизнеса в эмигрантской среде и протекал с колоссальными трудностями. Однако стремление преодолеть ассимиляцию и сохранить привычный уклад жизни очень помогло казакам. Со временем многие из казаков, ставших фермерами, добились впечатляющих успехов. В результате в настоящее время почти две трети агропродукции Аргентины производится на землях и предприятиях, освоенных и основанных выходцами из России.

Русская колония в Аргентине существует до сих пор. В одном только Буэнос-Айресе насчитывается около 100 000 русскоязычных эмигрантов и их потомков. Живут они распыленно, за исключением района так называемой «Нахаловки» в Шварцвальде, пригороде Буэнос-Айреса, где на базе двух казачьих колоний вырос компактный русский жилой массив.

Немало казаков и их потомков живет и в других странах Латинской Америки.

* * *

Следует отметить, что репрессии, обобщенно и емко называемые «расказачивание», были задуманы идеологами «мировой революции» задолго до 1917 года. Они считали казачество «контрреволюционным сословием» и «опорой самодержавия», которую при установлении диктатуры большевиков следовало уничтожить. Л. Д. Троцкий объявил: «Казаки — единственная часть русской нации, способная к самоорганизации. По этой причине они должны быть уничтожены поголовно».

Вскоре казаки и сами на примерах жестоких реквизиций и конфискации поняли, кто пришел к власти, организовались и изгнали большевиков из своих станиц. Вслед за этим, уже в январе 1919 года, по инициативе председателя ВЦИК Я. М. Свердлова была принята секретная директива ЦК РКП (б) «Об истреблении казачества». В результате все казаки поголовно были объявлены контрреволюционерами, и с ними начали производить массовую расправу.

Общая численность казачества в России в 1917 году составляла не менее 4,4 млн человек (по некоторым данным, их было более 6 млн человек). Из общей численности казаков Донское войско насчитывало более 2,5 млн казаков, Кубанское — 1,4 млн, Терское — 250 тыс. Общая численность Амурского, Уссурийского, Сибирского и Забайкальского казачьих войск составляла чуть меньше 1 млн человек. Уральское казачество насчитывало более 150 тысяч человек.

Результатом красного геноцида стало то, что через четыре года казаков осталось чуть более двух миллионов человек. Тихий Дон, например, в самом прямом смысле стал кроваво-красной рекой: тела

убитых казаков большевики тысячами скидывали в воду, так как захоронить такое количество им было просто физически невозможно, и их течением выносило в открытое море. В 1919 году даже Турция, сама несколькими годами ранее совершившая полуторамиллионный геноцид армян, вынуждена была направить ноту протеста правительству России против подобного «загрязнения» Черного моря.

* * *

После поражения белых в Гражданской войне значительная часть казаков предпочла добровольный уход в эмиграцию. После страшных зверств большевиков они не ждали ничего хорошего для себя от новых хозяев России. Донские, кубанские, терские и астраханские казаки уходили в изгнание двумя большими потоками. Первый поток пошел в начале 1920 года после поражения А. И. Деникина из Новороссийска по морю в Турцию, а затем в страны Европы и Латинской Америки. Второй поток пошел в ноябре того же года после разгрома Белого движения на юге России, и шел он из Крыма тем же маршрутом.

В 1920–1922 годах в Китай ушли оренбургские, сибирские, забайкальские, амурские и уссурийские казаки. Они селились целыми казачьими станицами по ту сторону советско-китайской границы, но со временем многие из них тоже оказались в Латинской Америке.

Казаки, уходя в эмиграцию, эвакуировали кадетские корпуса, военные училища, увозили с собой войсковые и полковые реликвии, сохраненные до нашего времени в эмигрантских казачьих обществах, разбросанных по всему миру.

Не все казаки выдержали испытание разлукой с родиной. Некоторые, поддавшись на обещания советской власти, вернулись домой, где очень скоро были брошены в лагеря или расстреляны.

Интенсивное уничтожение казачества длилось до 1924 года. Затем ЦК РКП(б) решил «отойти от политики поголовного расказачивания и превратить казаков в обычных граждан». Казакам было разрешено выбрать в местные органы власти наиболее уважаемых людей. Они и выбрали. Правда, потом почти все казачьи избранники были расстреляны: среди них не было большевиков, а новая власть не признавала плюрализм.

Число казаков в стране стремительно уменьшалось: в 1926 году на Дону осталось не более 45 % от дореволюционного казачьего населения, в Уральском войске — 10 %. В других войсках — до 25 %. Были уничтожены практически все казаки старше пятидесяти лет — гордый народ должен был быть лишен памяти и традиций...

Начавшаяся в казачьих землях коллективизация привела к новым жертвам, репрессиям и высылкам. Теперь трудолюбивых казаков расстреливали и ссылали, называя их кулаками. Теперь основной удар пришелся по казакам, сочувствовавшим или воевавшим за советскую власть.

* * *

Одним из самых известных русских казаков, оказавшимся в результате в Аргентине, был Василий Акимович Харламов — депутат Госдумы всех четырех созывов от Области войска Донского, монархист, член партии кадетов, с 1918 года — председатель Донского круга, активный участник Белого движения.

Этот человек был родом из семьи казачьего офицера (его отцом был урядник Аким Михайлович Харламов). Он родился 1 января 1875 года на хуторе Кременском Усть-Быстрианской станицы Области войска Донского. По окончании местной школы он поступил в Донскую духовную семинарию, где в то время учился другой славный донской казак, блестящий представитель казачьей интеллигенции Мирон Афиногенович Горчуков (1873–1952), ставший потом видным педагогом и общественным деятелем (с

1949 г. он проживал в США и был профессором Духовной академии при Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле, штат Нью-Йорк).

По окончании Семинарии Василий Акимович поступил в Московскую духовную академию, а потом научный интерес толкнул его поступить в Московский университет на историко-филологический факультет, который он окончил в 1904 году.

После окончания Московского университета В. А. Харламов работал преподавателем в Новочеркасской гимназии, стал автором нескольких работ по истории и этнографии Донского края. В период революции 1905 года В. А. Харламов уже преследовался за политическую деятельность, а в 1906 году стал членом партии кадетов.

В. А. Харламов, будучи одним из образованнейших донских казаков, живо относящимся к общественным и политическим проблемам своего времени и проникнутым стремлением быть защитником казачьих прав и интересов, был депутатом всех четырех Государственных Дум от Области войска Донского. С этого времени он вышел на широкую арену общественной и политической деятельности и таковым оставался до самой революции.

В годы Первой мировой войны В. А. Харламов был председателем Доно-Кубанского комитета Всероссийского земского союза.

После Февральской революции 1917 года он был назначен Временным правительством России председателем Особого закавказского комитета (ОЗАКОМ). Кроме того, он входил в состав ЦК партии кадетов, через него ЦК осуществлял контакты с атаманом А. М. Калединым. А в ноябре 1917 года он возглавил Объединенное правительство Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей (ЮВС).

После Октябрьской революции В. А. Харламов предложил ввести контроль за распределением и продажей угля, что фактически означало запрет на его вывоз с Дона. В донесении от 28 ноября 1917 года американский консул в Тифлисе Феликс Смит сообщил в Госдепартамент США, ссылаясь на информацию В. А. Харламова, что переговоры об объединении сил против большевиков велись ЮВС с казаками Урала, с украинской Центральной Радой, с командиром 1-го польского корпуса генералом Юзефом Довбор-Мусницким и с Сибирью. При этом Смит характеризовал В. А. Харламова как «надежного человека». На совещании, которое В. А. Харламов имел с Феликсом Смитом, британским генералом Шором и полковником Шардиньи (главой французской военной миссии на Кавказе), он просил помощи западных держав как людьми, так и материальными средствами.

В. А. Харламов был видным участником Белого движения на Дону. Будучи с 1918 года председателем Донского круга, 20 октября 1917 года провозгласившего независимость Дона, в своей деятельности он ориентировался на А. И. Деникина. В начале февраля 1920 года В. А. Харламов вошел в Донское правительство Н. М. Мельникова, созданное А. И. Деникиным.

В том же 1920 году В. А. Харламов эмигрировал в Белград, а потом в Прагу. В Праге он читал лекции по русской истории в местном университете, редактировал исторический сборник «Донская летопись». В 1921 году В. А. Харламов участвовал в создании Демократической группы Партии народной свободы во главе с П. Н. Милюковым.

По свидетельствам современников, во время Второй мировой войны В. А. Харламов был чужд вождизму и находился вне всякого сотрудничества с нацистами. Относительно Адольфа Гитлера он никаких иллюзий себе не строил. После войны, как и многим другим русскими эмигрантами, В. А. Харламову пришлось переехать из Европы в далекую Аргентину. Умер Василий Акимович в Буэнос-Айресе 13 марта 1957 года.

* * *

В 1951 году группа русских писателей, поэтов и журналистов, проживавших в Аргентине, приступила к изданию литературно-художественного сборника «Южный крест». Сборник начал выходить в Буэнос-Айресе, и в его создании принимали участие в том числе и донские казаки Анатолий Бор (псевдоним бывшего бойца Русской освободительной армии Анатолия Борща) и Валентина Краснова.

Эмигрировал в Аргентину и ряд других представителей творческих профессий, происходивших из казаков. Так, например, в 50-е годы с издательством «Сеятель» в Буэнос-Айресе и с газетой «Наша страна» сотрудничал терский казак Михаил Байков (сборник рассказов «Русская честь», повесть «Сердце Кавказа», сборник сатиры и юмора «Суслики с билетами», сборник криминальных рассказов «Следы преступления» и т. д.); в начале 70-х годов в издательстве «Наша страна» в Буэнос-Айресе вышел роман «Студенты первой пятилетки» кубанской казачки Валентины Богдан; много стихов было написано и частично опубликовано проживавшей в Аргентине и США донской казачкой Валентиной Каргальской (урожденной Косоротовой); в 70–80-е годы в ряде изданий казачьего зарубежья публиковались стихи проживавшей в Аргентине казачки Л. И. Маминой и т. д.

Выпускница Екатеринодарской консерватории Л. Г. Казамарова до Второй мировой войны была солисткой оперы в Белграде, а после войны она продолжила музыкально-вокальную и режиссерскую деятельность в Аргентине.

В 30-е годы в Сербии существовал казачий хор под управлением Антона Павловича Черного, исполнителя-бандуриста, который в 50-е годы жил и работал в Буэнос-Айресе.

Очень известен в начале 50-х годов был собранный в том же Буэнос-Айресе казаком Дмитрием Михайловичем Авраменко «Ансамбль русской песни», который потом много лет выступал в различных городах Аргентины. Фактически этот ансамбль был первой искрой на горизонте русского искусства в Латинской Америке. Он был создан после войны в Австрии, а потом переехал в Аргентину почти со всеми хористами и всеми костюмами (боярские, украинские и казачьи). Ансамбль состоял из 28–30 человек. Лучшими его солистами были Елена Герцог, Тамара Багговут, Владимир и Нина Сталманис и очень красивый баритон Виктор Трофимов.

Руководитель хора Д. М. Авраменко в свое время окончил Московскую консерваторию и до войны работал в знаменитом Ансамбле песни и пляски А. В. Александрова. Хористы Д. М. Авраменко собирались на репетиции два раза в неделю, после работы. Для концертов снимались лучшие залы Буэнос-Айреса. С большим успехом ансамбль гастролировал в Бразилии и Чили. Кроме народных песен ансамбль исполнял и классический репертуар. В частности, в 1953 году были поставлены фрагменты из оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». Успех был огромный. К сожалению, с отъездом в 60-х годах Д. М. Авраменко в США ансамбль распался.

* * *

Среди наиболее известных представителей казачества, живших в Латинской Америке, можно назвать донского казака А. М. Пятницкого, который в 30-е годы работал геологом и исследователем флоры и фауны в Аргентине (одна из горных вершин была названа его именем).

Известно и имя сотника В. В. Обручева, который в 1948 году был избран атаманом «Казачьего Союза» в Аргентине.

Также активное участие в создании «Казачьего Союза» в Аргентине принимал Николай Макарович

Дмитренко, родившийся в 1900 году в станице Старо-Минской. В 1920 году он эмигрировал в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. В 1939 году в результате злостной провокации политических противников он был арестован белградской полицией, а потом изгнан в Польшу. Во время Второй мировой войны он выехал на работу в Германию, а оттуда, в 1947 году, эмигрировал в Аргентину. Н. М. Дмитренко много лет был атаманом «Казачьего Союза» и умер от раковой опухоли в легком в июле 1961 года. В 1965 году в Буэнос-Айресе вышел небольшой сборник статей и очерков памяти этого кубанского казака.

В марте 1964 года в Буэнос-Айресе скончался Юрий Владимирович Сербии — уроженец станицы Кугаейской, герой Первой мировой войны и полковник Генштаба русской армии. После окончания Николаевской военной академии он занимал должность старшего адъютанта в штабе 5-й Кавказской казачьей дивизии. В 1-м Кубанском походе он состоял начальником штаба при генерале В. Л. Покровском. Во 2-м Кубанском походе он был начальником штаба 1-й Кубанской казачьей бригады генерала Покровского, а с осени 1917 года — начальником штаба дивизии, развернутой на основе этой бригады. В 1920 году в боях в Крыму он был контужен снарядом, который убил генерала Н. Г. Бабиева. После поражения Белой армии Ю. В. Сербии перебрался на греческий остров Лемнос, а потом переехал в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, где проживал в городе Сараево и служил в местном отделении военного ведомства. После Второй мировой войны полковник переехал в Аргентину, где стал постоянным сотрудником журнала «Часовой», в котором им был размещен ряд статей военно-исторического характера.

В феврале 1979 года в Буэнос-Айресе после тяжелой болезни скончался полковник Иван Федорович Сулацкий. Этот человек родился в 1889 году в Новочеркасске, воспитывался в Донском Императора Александра III кадетском корпусе, по окончании которого, в 1906 году, он поступил в Константиновское артиллерийское училище. Из училища он был выпущен хорунжим в Донскую артиллерию. Всю Первую мировую войну он провоевал в составе 14-й Донской конной батареи, а после революции был откомандирован в штаб Донского атамана. В 1918 году он участвовал во взятии родного Новочеркасска, а в апреле 1920 года был командирован Донским атаманом в Белград, как говорилось в приказе, «для развития заграничной информации». После разгрома Белой армии И. Ф. Сулацкий служил офицером-воспитателем во 2-м Донском кадетском корпусе, эвакуированном в Сербию. Потом, уйдя из корпуса, он поступил в университет, на геодезическое отделение технического факультета. По окончании университета он все время находился на государственной службе. Оказавшись в Аргентине, он работал по специальности в разных частных фирмах вплоть до выхода на пенсию.

В Бразилии в эмиграции до самой смерти жил Иван Диомидович Павличенко (1889–1961) — кубанский казак, генерал-лейтенант, участник Первой мировой войны. В начале 1918 года он вместе со своим казачьим полком перешел на сторону Добровольческой армии. Потом он командовал дивизией в Кавказской армии генерала П. Н. Врангеля. В мелких стычках и крупных сражениях он получил девятнадцать ранений. После разгрома Белой армии он эвакуировался на остров Лемнос, потом жил в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. В городе Нови Сад он организовал группу джигитов, с которой начал успешно гастролировать. Джигиты переезжали из города в город, натягивали веревки, прикрепленные к кольям (так они отмечали места для публики). Ни стульев, ни скамеек не было, и публика смотрела представление, сидя прямо на земле. Чтобы оповестить жителей о готовящемся выступлении, джигиты, возглавляемые самим генералом, одетые в парадные формы, черкески, башлыки, с кинжалами и шашками, проезжали по главным улицам города и кричали, что казаки готовы показать чудеса верховой езды.

Главными номерами программы были следующие: казаки на полном скаку рубили шашками глиняные подоби́я вражеских фигур, кололи ликами тряпичные манекены, затем начиналась «джигитовка» — перепрыгивание в галопе с одной лошади на другую, «ножницы» над седлом, поднимание с земли

платочков, бросаемых присутствовавшими дамами и т. п. Потом переходили к имитации боевых действий: например, скачущий казак падал с лошади, будто он убит или ранен, к нему подлетал другой, укладывал своего коня рядом, грузил на него раненого и увозил с поля боя. А еще два казака на скаку играли в карты, пили водку и ссорились, причем один сидел на шее лошади, а другой — на ее крупе. Устраивали и пирамиды, где один казак стоял на плечах у двух других, скачущих рядом.

Был конец 20-х годов. Уже почти все сербские города успели повидать джигитовку, публики на эти представления собиралось все меньше и меньше, дела шли все хуже и хуже. И как раз в это непростое время И. Д. Павличенко получил возможность повести переговоры с правительством республики Перу о переселении туда большой группы казаков для освоения ненаселенных территорий. В эмигрантских кругах тогда стали говорить, что казаки едут, чтобы «сесть на землю». Разных разговоров было много. Например, нашлись люди, которые стали утверждать, что генерал Павличенко хочет заработать на этом деле, но было немало и тех, кто не сомневался в чистоте его побуждений.

Наконец, в 1929 году И. Д. Павличенко выехал с группой переселенцев в Перу, однако попытка создать казачью земледельческую колонию в этой стране закончилась неудачей. После этого генерал поселился в Сан-Паулу, в Бразилии, где и скончался 9 августа 1961 года.

Вместе с И. Д. Павличенко в Перу в 1929 году переехал и донской казак Николай Гуцаленко — по отцовской линии потомок знаменитого атамана Гонты, залившего кровью врагов всю Украину.

Получилось так, что этот человек стал едва ли не последним русским «перуанцем», оставшимся в этой стране. Его с полным правом можно называть перуанцем, ибо из Перу он не выезжал, всю жизнь провел в этой стране, стал перуанским подданным, отцом и дедом многочисленного перуанского семейства. Когда начался исход павличенковцев, Николай Гуцаленко остался в Перу и начал работать на какой-то гасиенде «вакери» (ковбоя). Вскоре стал капоралем, то есть начальником группы «вакерос». Подкопив денег, казак Гуцаленко обзавелся собственной гасиендой, скотом, женился на местной женщине, потом у них пошли дети. Потом гасиенд стало несколько, поголовье скота множилось в геометрической прогрессии, и Николай Гуцаленко превратился в зажиточного перуанца.

Когда годы дали о себе знать, Николай Гуцаленко распрощался с сельским хозяйством и переселился в городок Арекипа, что на юге страны. Всего в Перу он прожил 55 лет (он умер в Арекипе в 1999 году), и все его дети получили русские имена: Татьяна, Маруся, Андрюша, Леночка и Давидка. Незадолго до смерти он написал:

«...но это все так, а по душе они перуанцы-католики. Научил любить их Родину и честно служить ей, но я, хоть и принял перуанское подданство, перуанцем не сделался. Много меня заставили страдать за то, что я русский: сперва преследовали как коммуниста, а во время войны — как монархиста-германофила. Хотел бы умереть в Чили — там есть русское кладбище, но где бы меня ни закопали, душа моя, раньше, чем попасть на Суд Божий, полетит по русскому небу от края до края, от Иркутска, где я родился, до Умани — родины моих родителей и дальше через Армавир в Новороссийск, откуда навсегда покинул я мою Родину в туманный день 13 января 1920 года».

Отметим, что в 1929 году вместе с генералом И. Д. Павличенко в Перу высадились целая группа кубанских казаков. Перуанское правительство выделило им 15 000 кв. км в восточных предгорьях Анд для обустройства казачьей земледельческой колонии (всего туда планировалось переселить две тысячи казаков).

Казаки прибыли в Перу со своим священником, врачом и педагогическим персоналом. Удивленный дисциплиной и сплоченностью казаков, президент Перу Аугусто Легия-и-Сольседо объявил, что все средства, ассигнуемые на эмигрантов, будут выделены одним лишь казакам. Более того, узнав, что в

Европе находится до 30 000 казаков, перуанское правительство приняло решение о выделении на казачьи семьи по 30 га земли, а одиноким казакам — по 10 га. При этом была обещана помощь на переезд, постройку дома, приобретение скота и сельхозинвентаря при условии поэтапного погашения выделенных денег сельскохозяйственной продукцией.

Нетрудно себе представить, с каким энтузиазмом казаки ухватилась за такую перспективу: уехать за океан, в тропики, где круглый год лето... Понятно, что не только молодежь увлеклась этой идеей и приняла участие в ее реализации. Среди людей, купившихся на щедрые обещания, можно упомянуть полковника Леонида Павловича Овсиевского и полковника фон Мекка (его вдова до сих пор живет в столице Перу).

Короче говоря, многие поехали в эту малоизвестную в России страну. Разговоры временно прекратились, а потом до того же Белграда стали доходить письма из Перу. Первая информация была тревожной. В то время в Белграде выходил юмористический журнал «Бух», так вот в нем тут же появились злорадные заметки о том, что ехали казаки, чтобы «сесть на землю», а оказалось, что сидеть пришлось на колючих кактусах.

К сожалению, как это часто бывает, планы оказались далеки от реальности: тяжелые условия жизни и смена правящего режима в Перу (президент Аугусто Легия-и-Сольседо оставался у власти до 1930 года, а потом он был смещен со своего поста и заключен в тюрьму после военного переворота во главе с полковником Луисом Санчесом Серро, который оставался у власти до 1933 г.) очень скоро вытолкнули почти всех казаков в другие страны. Недаром казаки генерала Павличенко распевали модифицированную казачью песню:

Эх, Перу, ты наша каторга,
Заграничная тюрьма.
На твоих лесах тропических
Дух казачий умирал...

Появились возвращенцы. Одним из первых был полковник Л. П. Овсиевский, вернувшийся в Сербию. Но вернувшиеся очень мало рассказывали о том, что им пришлось пережить в далеком Перу. В основном информация сводилась к следующему: отвезли в девственный поросший густым лесом район, показали землю, которую нужно обрабатывать, но ни жилья, ни сельскохозяйственных машин не предоставили. Как в таких условиях обустроить казачью земледельческую колонию?

А еще через некоторое время память об уехавших в Перу русских людях поросла травой забвения.

Именно так получилось, что русских в Перу всегда было немного, даже после исхода из послевоенной Европы в Латинскую Америку значительной части эмигрантов второй волны. И все же они сумели построить на одной из больших улиц Лимы Свято-Троицкую церковь, до сих пор являющуюся единственным православным храмом в Перу, одной из достопримечательностей перуанской столицы.

Руководил строительством и сбором средств князь А. Н. Чегодаев. Церковь была освящена 16 октября 1955 года епископом РПЦЗ Леонтием Чилийским и Перуанским. С первого дня и вплоть до своей кончины службы вел глубоко почитаемый всеми прихожанами русский священник отец Серафим Фетисов (1908–1998).

* * *

Самое прямое отношение к Латинской Америке, к Аргентине, имеет Николай Николаевич Краснов (1918–1959), внучатый племянник атамана Войска Донского Петра Николаевича Краснова, в 1919 году эмигрировавшего в Германию, сотрудничавшего с немцами, возглавлявшего Главное казачье управление

(оно занималось формированием казачьих частей для борьбы против СССР) и казненного советскими властями в 1947 году.

Н. Н. Краснов родился в 1918 году в Москве в семье полковника Генерального штаба Николая Николаевича Краснова и Веры Александровны (урожденной Плетневой). Жизнь Н. Н. Краснова началась с трагедии: его дед, профессор Плетнев, был арестован московской ЧК вскоре после его рождения, а потом расстрелян. После этого Красновы переехали на юг России и Николай Николаевич (старший) воевал в Белой армии. В 1919 году Н. Н. Краснов (младший) был вывезен родителями в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. Там он окончил юнкерское училище, служил офицером в королевской армии, состоял членом антикоммунистической организации «Збор». После нападения фашистской Германии на Югославию Н. Н. Краснов принимал участие в боях с немцами, попал в плен. Освободившись из плена, он добровольно, дабы способствовать избавлению России от коммунизма, вступил в немецкую армию и добился направления на Восточный фронт, где воевал в составе элитной дивизии «Бранденбург». При организации Русского охранного корпуса генерала Б. А. Штейфона на Балканах Н. Н. Краснов вступил в его ряды.

В 1944 году Н. Н. Краснов женился на Лидии Федоровне, старшей дочери профессора Ф. В. Вербицкого.

В начале мая 1945 года семья Красновых вместе с сотнями других казаков, воевавших в составе Казачьего отдельного корпуса (Казачьего стана), сдалась в плен англичанам. После окончания войны в числе многих других офицеров Казачьего стана Н. Н. Краснов был выдан советским властям, а Лидия Федоровна Вербицкая-Краснова в 1947 году вместе с родственниками уехала в Аргентину, почти не надеясь, что ей когда-либо еще доведется увидеть мужа.

В 1955 году, уже при Н. С. Хрущеве, Н. Н. Краснов был освобожден из советского концлагеря и при содействии шведского консула получил возможность уехать в Западный Берлин. Оттуда он перебрался в Гётеборг, а оттуда, с огромными сложностями (у него не было специального паспорта), — в Аргентину. Там он встретился с женой, потом поступил работать чертежником в немецкую фирму и вскоре купил дом. Очень скоро Н. Н. Краснов был избран атаманом Донской станицы имени П. Н. Краснова, начал принимать активное участие в жизни русской колонии в Буэнос-Айресе. В частности, он стал одним из основателей Русского театра в Буэнос-Айресе и Общества друзей русского театра, сам много выступал на сцене как актер.

Н. Н. Краснов умер в 1959 году от сердечного приступа прямо на сцене во время спектакля А. Н. Островского «На бойком месте».

Ирина Вербицкая, внучка профессора Ф. В. Вербицкого (Л. Ф. Вербицкая-Краснова была сестрой ее отца), вспоминает:

«В Буэнос-Айресе Коля увлекался игрой в эмигрантском Обществе друзей русского театра, вместе с такими актрисами как Люся Седова-Бочагова и Ирина Ланская. И он внезапно умер на сцене, в последние минуты последнего акта пьесы Островского „На бойком месте“. Коля сидел на диванчике с Люсей Седовой и вдруг откинулся и захрипел. Я подумала: „Неужто заснул?“ Однако он стал соскальзывать с диванчика на глазах недоумевающей публики. Мой отец и я бросились за кулисы, но когда прибежали, он уже был мертв. Осталось невыясненным, скончался ли он от естественных причин, от разрыва сердца, или ему „помогли“ чекисты. В последнем антракте он курил папиросу и пил сок. Но после его смерти ни окурка, ни его стакана найти не удалось. Лиля отказалась делать вскрытие. Она хотела похоронить Колю похристиански и сказала, что если его убили чекисты, то убийц все равно не найдут. Впрочем, Лиля считала, что ее мужа так или иначе убили коммунисты: непосильной работой в концлагере или же отравой — это ей было безразлично.

Скончавшийся в возрасте 41 года от роду Николай Краснов младший провел большую часть своей сознательной жизни либо на войне, либо в плену, либо на каторге. Но все-таки исполнились его два заветных желания: написать книгу, обещанную генералу П. Н. Краснову (она вышла и по-английски в США под названием „The Hidden Russia“); встретиться с любимой женой и ее обеспечить. Он оставил Лиле выплаченный дом и пенсию».

Н. Н. Краснов был похоронен на кладбище в г. Сан-Мартине (провинция Буэнос-Айрес). Л. Ф. Вербицкая-Краснова пережила мужа на десять лет.

* * *

Хорошо известен в Латинской Америке и еще один представитель рода Красновых, кстати, одного из самых знаменитых на Дону. Это Михаил Семенович Краснов-Марченко, внучатый племянник атамана Петра Николаевича Краснова и бригадный генерал чилийской армии.

Этот человек был единственным сыном казненного в СССР генерала С. Н. Краснова^[25] и дочери кубанского офицера Дины Владимировны Марченко.

Михаил Краснов-Марченко родился 15 февраля 1946 года в австрийском Тироле. Он появился на свет в лагере для военнопленных казаков, воевавших на стороне гитлеровской армии, всего через несколько дней после того, как его отца, С. Н. Краснова, союзники выдали НКВД.

В 1948 году его матери удалось бежать из лагеря и перебраться в Чили. На борту корабля «Мерси», заполненного беженцами, Дина Владимировна Краснова-Марченко с матерью (Марией Юсуповной Марченко, кубанской казачкой и женой Владимира Марченко, сотника Кубанского казачьего войска) и сыном прибыли в порт Вальпараисо. Произошло это 19 августа 1948 года.

В числе сотен вновь прибывших эмигрантов они первоначально были размещены в палатках на территории Национального стадиона Сантьяго. Позднее Дине Владимировне удалось снять небольшую квартирку, состоявшую из двух комнат и туалета, в одном маленьком городском пансионе. В последующем положение семьи Красновых улучшилось. Дело в том, что Дина Владимировна в юности получила университетское образование в Париже и владела шестью языками, в том числе испанским. Это позволило ей получить работу переводчика в МИДе Чили. Таким образом, мать Михаила Краснова-Марченко смогла зарабатывать на хлеб для своей семьи.

Начальное образование Михаил Краснов-Марченко получил в школе «Республика Аргентина», а среднее — в лицее «Артуро Алессандри Пальма». В 1963 году, несмотря на несогласие матери, Мигель Красснофф (так Михаила теперь звали на испанский лад) поступил в военное училище, которое закончил в 1967 году со званием младшего лейтенанта пехотных войск. После этого он служил в пехотном полку «Ранкагуа» в городе Арика и в пехотном полку «Карампангве» в городе Икике. В 1971–1973 годах он был инструктором Военного училища в Сантьяго.

После этого Мигель Красснофф принял активное участие в перевороте 11 сентября 1973 года, свергнувшем правительство Сальвадора Альенде. В результате в декабре 1973 года он стал начальником отдела безопасности и личной охраны главы Военной хунты Чили генерала Аугусто Пиночета.

В 1974 году он прошел курс подготовки в американской военной школе «Escuela de las Américas» в Панаме, где занял первое место в группе из 65 офицеров различных южноамериканских государств. По возвращении в Чили Мигель Красснофф был прикомандирован к DINA (Dirección de Inteligencia Nacional), Управлению национальной разведки — органу безопасности, созданному Хунтой для борьбы с подрывными группировками, действовавшими в стране.

В декабре 1974 года он был награжден высшей национальной медалью «За мужество» (не присуждавшейся до того момента уже сто лет). Награжден он был за разгром одной из таких группировок и ликвидацию руководителя террористической организации MIR (Movimiento de Izquierda Revolucionaria) боевика Мигеля Энрикеса. Молодому офицеру — сыну казненного казачьего генерала — как никому другому в Чили было понятно, к чему может привести страну диктатура крайне левых. Таким образом, борьба с коммунистами в Латинской Америке стала для него продолжением борьбы отца.

В том же 1974 году Мигель Красснофф спас жизнь Кармен Кастальо Эчеверриа, подруге Энрикеса и дочери руководителя партии Христианских демократов. Рискую жизнью, он доставил ее в военный госпиталь Сантьяго.

В 1975 году Мигель Красснофф командовал батальоном 1-й Горной дивизии, сражавшейся в Андах с прокоммунистическими террористическими группировками.

В 1980 году он в числе десяти лучших учеников окончил Военную академию и получил звание майора. После этого майор Красснофф стал доцентом в Военной академии, где он читал курсы оперативно-тактического мастерства и теории информации. С 1982 года он находился при ставке командующего армией. После окончания курсов Генерального штаба в Бразилии он получил звание подполковника и был назначен в штаб 5-й дивизии. С февраля 1986 года он служил в ставке Генштаба, с конца того же года — был командиром 8-го пехотного полка.

В августе 1989 года Мигель Красснофф, командовавший в то время гарнизоном города Темуко, получил звание полковника. Потом он был начальником штаба 4-й дивизии, а в 1995 году ему было присвоено звание бригадного генерала. Как видим, при генерале Аугусто Пиночете Мигель Красснофф сделал блистательную карьеру военного. За годы службы в чилийской армии он был награжден Военной звездой чилийских Вооруженных сил, Большой звездой «За воинские заслуги» и Звездой славы за заслуги перед Генеральным штабом. В 2000 году генерал вышел в отставку на должность директора гостинично-санаторного комплекса для военных.

Следует отметить, что в это время политическая ситуация в Чили коренным образом изменилась. До марта 1990 года Аугусто Пиночет пребывал на посту президента Чили, являясь одновременно главнокомандующим вооруженными силами страны. Однако потом, после референдума диктатор передал власть избранному гражданскому президенту Патрисио Эйльвину, а сам остался лишь на посту командующего армией. 11 марта 1998 года Аугусто Пиночет подал в отставку, а в октябре того же года лег на операцию в одну из частных клиник в Лондоне. Там он и был подвергнут аресту на основании ордера, выданного судом Испании. Испанская сторона требовала экстрадиции обвинявшегося в массовых репрессиях бывшего диктатора, но лондонский суд признал, что Пиночет, оставаясь пожизненным сенатором Чили, пользуется неприкосновенностью.

Уже тогда Мигель Красснофф, отвечая на вопросы газеты «Станица», касающиеся задержания Аугусто Пиночета в Англии, сказал:

«Ситуация в Чили сегодня чрезвычайно неопределенная. Подлый международный заговор социалистов-марксистов, поднявшихся против генерала Пиночета, в настоящее время — Сенатора Республики, привел к его задержанию в Англии. Подавляющее большинство чилийцев активно и публично отвергает позицию Англии и Испании в этом позорном деле. К сожалению, большая часть чилийской и международной прессы освещает нашу позицию недостаточно или вовсе игнорирует ее. Мы все — участники революции 1973 года — затравлены, оскорблены, унижены и подвергаемся репрессиям только из-за того, что избавили страну от марксистской чумы. Никого в действительности не интересует „правосудие“ и „права человека“. Ложью, хитростью и интригами сегодняшние марксисты создали патетическую картину, в которой извратили исторические факты, касающиеся их и их сообщников. Они не

хотят сами нести ответственность за то, что в прошлом привели эту прекрасную страну к катастрофе, действуя насилием, террором и преступлениями для достижения абсолютной власти. Когда это не получилось, они прикрыли себя покровом безнаказанности и притворного страдания за своих „товарищей“ — и продолжают добиваться реванша разными способами, включая измены и бесчестные поступки. К сожалению для Чили, мы практически все еще поляризованы на две непримиримые враждующие стороны, не способные прийти к единому мнению как по поводу генерала Пиночета, так и по поводу будущего страны. Последствия этого могут быть воистину трагичными и непредвиденными. Жду и надеюсь на Бога, что мы все же одумаемся и не допустим новых потрясений, и не только в нашей стране, но и во всем мире. В случае же с Чили повторяю: никоим образом нельзя прикрывать преступления и геноцид миллионов людей, пострадавших от рук последователей сатанинской доктрины марксизма-ленинизма. Нельзя натравливать людей на того, кто спас Чили от массового террора, который осуществляли коммунисты во всех тех странах, где они утверждались у власти. Несмотря на сложную обстановку в стране, мы — чилийцы — сохраняем национальное достоинство, честь и жизнестойкость. Мы никогда не откажемся от своих принципов и ценностей. Чилийцы, дав отпор коммунистам и защищая генерала Пиночета, дают миру пример чести, целеустремленности и стойкого патриотизма!»

В конце октября 1998 года Аугусто Пиночет был освобожден под залог. При этом он должен был оставаться в одной из лондонских больниц под постоянной охраной полиции. В марте 2000 года домашний арест бывшего диктатора закончился, и он вылетел в Чили, где был помещен в военный госпиталь в Сантьяго. Там против него тут же было возбуждено судебное преследование по обвинению в массовых убийствах, похищениях и пытках людей. Однако уже в июле 2001 года суд признал Аугусто Пиночета страдающим старческим слабоумием, что послужило причиной освобождения от привлечения к уголовной ответственности.

Аугусто Пиночет

Как видим, уже в конце 90-х годов в Чили развернулась компания по установлению ответственности за нарушения прав человека, совершенные четверть века назад. А в 2000 году пришедшие к власти левые силы (33-м президентом страны стал лидер демократической оппозиции Рикардо Фройлан Лагос Эскобар) развязали в стране кампанию по дискредитации многих высших офицеров чилийской армии, участвовавших в событиях 1973–1974 годов. Сначала, естественно, хотели отыгаться на генерале

Пиночете. Из-за преклонного возраста и слабого здоровья — не получилось. И тогда его враги решили отомстить ближайшим сподвижникам бывшего диктатора.

В результате к пожизненной каторге был приговорен отставной майор Карлос Эррера. Среди осужденных оказался генерал Артуро Альварес Скохилья, бывший начальник разведки сухопутных сил (он получил десять лет тюрьмы). Большие сроки получили еще три генерала.

В числе соратников Пиночета, попавших под преследование, оказался и отставной генерал Мигель Красснофф. Летом 2001 года он был арестован, и начался суд над ним. Сторонники Мигеля Крассноффа не без иронии говорили, что этот арест можно рассматривать как своеобразную «благодарность» чилийских либералов за мужественный поступок 1974 года (напомним, что тогда он спас жизнь упомянутой выше Кармен Кастальо Эчеверриа).

В одном из писем из тюрьмы отставной генерал писал:

«На данный момент ситуация кажется мне довольно сложной из-за несправедливости и влияния политических причин... Мы живем при нынешнем правительстве с теми же лицами, что привели Чили к катастрофе 70-х годов. Надеюсь, что смогу сохранить твердость во время судебных процессов — это дает мне право называть себя Красновым и казаком!»

Обвинили отставного генерала в причастности к преступлениям, совершенным во время его службы в разведке DINA. Одновременно Франция предъявила ему обвинение в пытках французского гражданина — некоего Альфонса Шанфро, который был членом террористической группировки MIR.

На последнем выступлении в зале суда Мигель Красснофф заявил:

«Несмотря на обвинения, я сохраняю бодрое настроение и непоколебимую веру в Бога. Никогда гнусные личности, которые насильствовали Чили, не покорят меня! Я солдат и казак, и во мне живы традиции казачества и предков-мучеников! Пусть все знают, что я казак и горжусь тем, что сделал в жизни, нося мундир офицера чилийских сухопутных сил!»

Генерал Мигель Красснофф

В мае 2004 года Мигель Красснофф был приговорен к пятнадцати годам заключения по обвинению в соучастии в похищении журналистки Дианы Фриды Арон Свиgiliски. Потом, в июне 2006 года, он получил еще десять лет заключения по обвинению в соучастии в похищении и последующем исчезновении Рикардо Тронкосо Муньоса и братьев Эрнана и Марии Гонзалес Иностроза. В декабре 2006 года отставной генерал был приговорен еще к пяти годам тюремного заключения по обвинению в соучастии в похищении инженера Эухенио Монти Кордеро и Кармен Диаз Даррикаррере — боевиков-коммунистов, находившихся в заточении на территории превращенной в тюрьму Виллы Гримальди, а затем пропавших без вести.

В настоящее время бригадный генерал запаса Мигель Красснофф отбывает свой срок в тюрьме Кордильера в Сантьяго, а справедливость этого приговора оспаривается рядом российских общественных организаций.

Естественно, сам Мигель Красснофф не признал себя виновным ни по одному из предъявленных ему пунктов обвинения, так как большая часть из них, по его мнению, вообще не имеет каких-либо оснований или является бездоказательной.

Этот человек гордится тем, что носит фамилию Краснов. Судьба обошлась с ним жестоко. Впрочем, так часто случается с теми, кто честно исполняет свой долг. К сожалению, о людях очень часто судят по успеху, несчастная же судьба вменяется в вину. Отставной чилийский генерал Мигель Красснофф, сын казака Семена Краснова и казачки Дины Марченко, ни в чем не винит Судьбу, у многих тысяч русских эмигрантов в эпоху, когда все понятия нравственности, чести и долга были совершенно стерты и уничтожены, она сложилась не слишком справедливо.

На суде Мигель Красснофф как-то сказал:

«Среди замученных — мой троюродный дед, атаман Петр Николаевич Краснов, и мой отец, генерал

Семен Николаевич Краснов, а также все члены высшего казачьего руководства. Я ни на кого не таю обиду. Мужественные воины Белой Армии со своими принципами, ценностями и верой умерли с осознанием того, что сражались за правое и достойное дело. Пусть их дела и поступки рассудит время... У меня трое детей: сын и две дочери. Моя супруга — испанка. Но именно она привила детям интерес ко всему, что связано с Россией. В них живет чувство гордости за то, что они Красновы».

Время, конечно же, рассудит. Время — лучшее лекарство. Оно открывает правду и разоблачает ложь. К сожалению, слишком часто все это происходит, когда для конкретного человека это уже не имеет никакого значения. Разве что — для его памяти...

Глава девятая

РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ-ЭМИГРАНТЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Одним из первых поселился в Латинской Америке художник-декоратор, живописец и архитектор Николай Алексеевич Фердинандов (1886–1925), перебравшийся туда из Нью-Йорка в 1919 году. Имя этого человека в России почти неизвестно, чего нельзя сказать о Венесуэле.

Судьба этого человека весьма примечательна. Он родился в Москве 14 апреля 1886 года в интеллигентной русской семье, глава которой был выходцем из обнищавшего аристократического рода в Эстляндии. Дети в семье Фердинандовых не были обделены талантами: Борис Алексеевич Фердинандов (1889–1959) стал актером, работал в знаменитом МХТ, был талантливым театральным сценографом и режиссером; Лидия Алексеевна была актрисой, снимавшейся в лирических мелодрамах европейского кинематографа начала XX века; Владимир Алексеевич был отличным скрипачом. Но, пожалуй, самым одаренным был Николай Алексеевич.

Он занимался сначала в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, затем — в Высшем художественном училище Академии художеств Санкт-Петербурга, экспонировал свои работы на московских выставках, путешествовал по Египту, Греции, Италии и Франции. В 1913 году на Международной художественной выставке в Риме за декоративные работы он был удостоен Золотой медали.

Николай Алексеевич страстно любил путешествовать, и во время одного из них он «застрял» в Соединенных Штатах. Впрочем, «застрял» — это не то слово. Просто он не захотел участвовать в империалистической бойне, начавшейся в 1914 году. При этом его заветным желанием было вернуться на Родину, но не просто так, а уже прославленным художником.

Из США из-за болезни (чахотки) в 1918 году он был вынужден перебраться на тропический венесуэльский остров Маргарита, где и начался главный период его творчества. Позднее он поселился в столице Венесуэлы Каракасе. Там он начал активно участвовать в художественной жизни этой страны, в деятельности местного Общества изящных искусств. Он объединил вокруг себя художественную молодежь, искавшую собственные пути в искусстве. Сейчас невозможно представить себе искусство Венесуэлы без Николаса Фердинандова. «Эль Русо» — так звали его друзья. Во всех значимых монографиях о художниках Венесуэлы 20-х годов присутствует его имя.

Знаменитый венесуэльский писатель Ромуло Гальегос назвал Николаса Фердинандова «человеком, зажигающим маяки» неслучайно. Была в этом человеке какая-то удивительная способность пробуждать в других людях творческое одухотворение. В частности, магия этого человека и художника, оказавшая заметное влияние на культурную жизнь Венесуэлы и ее живопись, особым образом отразилась на судьбе великого венесуэльского художника Армандо Реверона (1889–1945). Этот выдающийся мастер называл своего русского наставника «Мой маэстро». А ведь тело самого Реверона сейчас покоится в Национальном пантеоне, там же, где нашел свой вечный покой великий Симон Боливар.

Остров Маргарита (Венесуэла)

В 1920–1922 годах Н. А. Фердинандов неоднократно экспонировал на проходивших в Венесуэле выставках свои живописные (в духе импрессионизма) и декоративные работы, усердно занимался изучением и изображением глубоководной флоры и фауны.

В 1923–1924 годах он жил на острове Кюрасао в Карибском море. Ему предложили там работу, но остров стал для него ловушкой, так как обещанной работы он так и не получил. А 7 марта 1925 года художник умер. Старая болезнь — чахотка — все-таки доконала его.

Николай Алексеевич Фердинандов умер в полном расцвете творческих сил. Ему не было и сорока лет, и он завещал опустить свой прах в Карибское море...

До нашего времени сохранилось не более 50–60 работ художника, в основном в Национальной галерее изобразительных искусств в Каракасе. Они были переданы туда вдовой Фердинандова — венесуэлкой Соледад Гонсалес (к сожалению, большая часть художественного наследия художника, перевезенного родственниками во Францию, погибла во время гитлеровской бомбежки). Могила «Эль Русо» находится в административном центре Кюрасао Виллемстаде, на протестантском кладбище. К сожалению, мало кто из соотечественников навещает ее.

О жизни и творчестве Н. А. Фердинандова можно подробнее узнать из книги «Человек из страны голубых снегов», изданной на испанском языке журналистом Константином Сапожниковым, работавшим в 1983–1988 годах в Венесуэле. Эта книга была издана к столетию со дня рождения художника на средства АПН (Агентства Печати Новости). В подготовке книги принимала активное участие Национальная галерея Венесуэлы, в которой очень бережно и любовно хранятся картины Н. А. Фердинандова.

В 1988 году АПН издало в Венесуэле вторую книгу, посвященную Н. А. Фердинандову. В нее вошли все

самые яркие воспоминания о нем венесуэльцев, а также новые материалы, собранные Константином Сапожниковым в Москве и на острове Кюрасао. Обе книги были хорошо приняты венесуэльской общественностью, им были посвящены рецензии и телепередачи.

* * *

Последние годы жизни провел в Каракасе патриарх украинского национального искусства, доктор искусствоведения Василий Григорьевич Кричевский (1872–1952), работавший в области живописи, графики, архитектуры, театра и декоративно-прикладного искусства. Изнуренный болезнями, он умер 15 ноября 1952 года.

В. Г. Кричевский — уникальная фигура в истории украинского искусства XX века, один из основателей Украинской академии искусств, профессор и руководитель ряда высших школ в Киеве, Миргороде и Львове — родился 31 декабря 1872 года в селе Ворожба Лебединского уезда Харьковской губернии. Он был самым старшим из восьми детей мещанина Григория Акимовича Кричевского и его жены Прасковьи Григорьевны.

Высшего художественного образования Василий Кричевский не получил. Учеба мальчишки ограничилась школой в родном селе и Харьковским технико-железнодорожным училищем. Окончив учебу, 15-летний юноша начал работать помощником чертежника в Харьковской городской управе. Он с удовольствием перерисовывал и вычерчивал альбомные образцы фасадов, архитектурных деталей, скульптурных украшений, пытаясь точно воспроизвести оригиналы. Старательность и умение одаренного парня привлекли к нему внимание известного архитектора города С. И. Загоскина (1863–1919).

В 1889 году профессор архитектурного проектирования в Харьковском технологическом институте Сергей Илиодорович Загоскин взял Василия Кричевского к себе техническим помощником и поселил его в своей семье вместе со своими сыновьями. Под руководством С. И. Загоскина и с помощью его сыновей В. Г. Кричевский дополнил свое обучение. У него же он получил образование по архитектурной специальности и научился технике акварели.

С. И. Загоскина часто навещали гости, местные и приезжие. И Василий Кричевский встречался здесь с архитектором Франциском Шустером, с художниками Михаилом Врубелем, Григорием Мясоедовым, Львом Жемчужниковым, с писателем Константином Станюковичем, с пианистом Антоном Рубинштейном и многими другими творческими людьми. Бывая в Харькове, к Загоскиным несколько раз приезжал и композитор Петр Ильич Чайковский.

Отдавая должное отношению С. И. Загоскина к себе и его роли в своем воспитании и образовании, В. Г. Кричевский потом часто говорил, что он был для него вторым отцом и творческим учителем.

В конце 1892 года С. И. Загоскин решил, что его воспитанник уже достаточно подготовленный к самостоятельной архитектурной карьере, и помог ему устроиться в Городскую управу помощником харьковского городского архитектора Альфреда Шпигеля. Через год В. Г. Кричевский перешел работать как проектировщик в службу Дорог и Строений Курско-Харьковско-Азовской железной дороги. Одновременно он стал работать три вечера в неделю в Проектном бюро известного харьковского архитектора академика А. Н. Бекетова (1862–1941).

В 1894 году В. Г. Кричевский женился на своей далекой родственнице Варваре Марченко. От этого брака у него было четверо детей — двое старших умерли в детстве, два младших — сыновья Николай (1898–1961) и Василий (1901–1985) стали со временем хорошими художниками. Женившись, В. Г. Кричевский построил себе одноэтажный каменный дом, где устроил художественную студию.

Последовавший за этим успех среди харьковской публики вызывал у В. Г. Кричевского желание получить высшее художественное образование. Он поехал в Санкт-Петербург, где показал свои работы профессорам Академии искусств. Они предложили В. Г. Кричевскому выполнить копию большой акварели, только что полученной из Парижа. Художник быстро сделал вещь, почти не отличающуюся от оригинала. После этого уважаемые профессора вынесли единодушный вердикт: перед ними — сформировавшийся мастер, которому нет необходимости тратить время на учебу. В. Г. Кричевский прислушался к их совету и послал работы на выставку Санкт-Петербургского общества акварелистов. Несмотря на довольно закрытый характер общества, его члены пригласили уроженца села Ворожба к участию в своих выставках.

Несмотря на успехи на художественном поприще, В. Г. Кричевский стремился реализовать и в сфере архитектуры. В начале XX века он создал десятки проектов частных домов и общественных учреждений, продемонстрировав при этом безупречное знание конструктивных, композиционных и декоративных особенностей разных стилей. Но Василий Григорьевич искал собственный путь, олицетворением которого стал спроектированный им дом Полтавского губернского земства (1903–1908 гг.).

В 20–30-х годах В. Г. Кричевский создал проекты Дома писателей в Киеве и музея Тараса Шевченко на Монашней горе в Каневе. В эти годы ему приходилось работать под жестким партийным контролем, отстаивая едва ли не каждую деталь придуманного им декоративного оформления. В конце концов, на одном из бесчисленных совещаний, когда главный партиец республики Станислав Викентьевич Косиор (1889–1939) высказал какие-то очередные замечания, В. Г. Кричевский не сдержался. Он сказал, что архитектору не придет в голову давать советы сапожнику, и поэтому он не считает приемлемым, когда сапожник поучает архитектора. Власть имущий промолчал, но сказанного В. Г. Кричевскому не простил. Со временем в прессе появилась статья тогдашнего секретаря Союза архитекторов УССР, в которой утверждалось, что якобы В. Г. Кричевский по приказу украинских буржуазных националистов придал плану музея Тараса Шевченко форму креста.

Вторая мировая война застала В. Г. Кричевского в Киеве. Там он познал все «радости» оккупации: голод, холод, болезни, мыкание по чужим домам. В 1943 году художник с семьей выехал на Запад. Некоторое время он работал во Львове, а со временем через Братиславу, Бжецлав и Аугсбург добрался до Парижа, где жил его сын от первого брака Николай, тоже ставший художником.

В. Г. Кричевский оказался в «вожделенной Мекке художников всего мира» в июле 1945 года. Его сын Николай жил неподалеку от Лувра. Париж, Лувр, Монмартр... Эти слова музыкой звучат в сердцах людей искусства. Да и сама атмосфера города не могла не побуждать к творчеству, не вдохновить В. Г. Кричевского на новые произведения. И он с головой погрузился в работу.

Художник Вадим Павловский, пасынок мастера, издавший в 1974 году в США монографию, посвященную В. Г. Кричевскому, вспоминает:

«Свои картины он продавал неохотно, только в случае материальной потребности. Многие из них купил у него один состоятельный украинец, инженер Симон Созонтов. Предлагал купить все нарисованное Кричевским за полмиллиона франков, но художник не согласился».

В Париже Василий Григорьевич прожил три года. Все это время его дочь от второго брака Галина Кричевска-Линде, муж которой — инженер-геолог Линде — подписал контракт с венесуэльской нефтяной компанией и уехал в Каракас, звала родителей к себе. Невесело, в раздумьях встретил свое 75-летие В. Г. Кричевский. Наконец, в 1948 году вместе с женой — Евгенией Щербаковской-Кричевской — он поднялся на высокую палубу океанского лайнера, чтобы отплыть в неизвестную и чужую Венесуэлу.

Екатерина Киндрас в статье «Венесуэльское солнце украинского гения» пишет:

«Судьба в изгнании была для Василия Кричевского такой же немилосердной мачехой, как и для

большинства талантливых украинских художников на чужбине».

Город красных крыш, как называли Каракас, был тихим, провинциальным, но живописным. В городе не хватало воды, не было электричества, но работал исторический музей, правда, один на всю столицу. Улицы были покрыты слегка розовой пылью, которая при малейшем дожде превращалась в непролазную грязь, но было много тепла и солнца, которые так любил Василий Кричевский.

Именно тепло и солнце стали определяющими в венесуэльском цикле художника. Рисовал он каждый день и много, не пропуская ни одного случая уловить красоту природы и пропустить ее через фильтр своего гения. На дворе всегда работал стоя, никаких мольбертов с собой не носил. Рисовал небо, горы, цветы или орнаментальные узоры — это последнее было его утешением.

Вскоре произведения Кричевского привлекли внимание, и его имя становится известным в художественных кругах венесуэльской столицы. Когда на ежегодную выставку в салоне его просили дать две работы, он приносил четыре. Ему так хотелось успеть реализоваться как художнику и в Каракасе. Но художественная жизнь там только формировалась, и мастер часто с горечью в голосе отмечал неприхотливость, а иногда и эстетическое невежество местной публики. За весь венесуэльский период жизни Кричевского были организованы только три обзорные выставки, где экспонировались его произведения.

В далекой Венесуэле В. Г. Кричевский не мог прожить и дня, чтобы не рисовать родную Украину. Рисовал родное село Ворожбу, Богдана Хмельницкого на Софийской площади в Киеве, работал над альбомом крестьянских домов Украины... Но прожитые годы мешали мастеру. Он сильно болел. Впрочем, и прикованный к постели, Василий Григорьевич продолжал работать.

Екатерина Киндрась пишет:

«Материальные затруднения, переезд в старенький душный дом в бедном пригороде Каракаса, где жена Кричевского за два года жизни поймала 77 скорпионов, удручали мастера. Но он держался, были и светлые дни в такой жизни. Приближалось 80-летие со дня рождения, и украинские художники Нью-Йорка, планируя организовать в Америке его персональную выставку, обратились с просьбой прислать произведения. Болезни не отпускали, но сердце еще билось и, главное, хотелось рисовать. Все было бы хорошо, если бы не один смертоносный конверт. Теперь уже невозможно узнать, кто из неизвестных „доброжелателей“ прислал весной 1952 года его вместе с украинским журналом, изданным в Америке. В нем Кричевский прочитал статью „Украинская архитектура в XX веке“ О. Тимошенко, в которой утверждалось, что проект оформления фасада и внутреннее убранство знаменитого дома Полтавского земства принадлежит не ему, а Сергею Васильковскому[26].

У старого художника задрожали руки, по щекам потекли слезы. Его лишили Родины, а теперь пытаются украсть его искусство. Измученное страданиями сердце мастера не выдержало такого надругательства — случился сердечный приступ, после которого он уже не встал».

Василия Григорьевича Кричевского похоронили на городском кладбище Каракаса. В конечном итоге выдающийся украинец все же стал и выдающимся венесуэльцем. Работы В. Г. Кричевского теперь занесены в Национальную энциклопедию Венесуэлы, что свидетельствует о признании его вклада в культурное наследие этой страны.

Творческое наследие Василия Григорьевича — это сотни полотен, эскизов, переплетов, десятки эскизов для помещений и декораций для кино. Значительная часть работ художника находится за рубежом, в основном в Украинском музее в Нью-Йорке. В 2003 году внучка В. Г. Кричевского[27] Оксана Линде де Очоа, родившаяся в Венесуэле в 1948 году, передала около трехсот работ деда в дар украинским музеям.

* * *

После скитаний по Сербии, Италии и Франции в Каракасе (Венесуэла) поселился воспитанник Одесской художественной школы Евгений Андрович, выставлявший свои произведения в центральном художественном салоне венесуэльской столицы в 1964–1966 годах.

Здесь жили также живописец и рисовальщик Владимир Нешумов, приехавший из Парижа в конце 60-х — начале 70-х годов, и архитектор и живописец Леонид Тарасов. В 70-х годах в Каракасе, в галерее «Уголок Парижа» (El Rincon de Paris), была устроена выставка этих художников, на которой экспонировались главным образом пейзажи и натюрморты.

В начале 50-х годов из европейских лагерей для перемещенных лиц попал в Каракас художник-портретист и педагог Михаил Михайлович Хрисогонов, эмигрировавший сначала в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, где он был преподавателем рисования в Донском Императора Александра III кадетском корпусе. В 1973 году в Каракасе проходила его персональная выставка. В этом же городе он и скончался 11 июня 1982 года на 91-м году жизни.

* * *

Что касается художников, живших и работавших в Аргентине, то прежде всего следует назвать имя замечательного мастера скульптуры из дерева Степана Дмитриевича Эрьзя (настоящая фамилия Нефедов).

Этот человек, которого называли «русским Роденом», родился в 1876 году в селе Бaeво (Алатырский уезд Симбирской губернии) в семье крестьянина. Первые уроки изобразительного искусства он получил в иконописных мастерских Алатыря и Казани (с четырнадцати лет он расписывал храмы с артелями богомазов). С 1901 по 1906 год он учился сначала в вечерних рисовальных классах Строгановского училища, а затем в Московском училище живописи, ваяния и зодчества у С. М. Волнухина и П. П. Трубецкого (знаменитого Паоло Трубецкого, русского князя, художника и скульптора, жившего и работавшего в основном в Италии).

Степан Эрзя. Автопортрет

С 1906 по 1914 год Степан Дмитриевич жил и работал в Италии и Франции, с 1920 по 1926 год — преимущественно на Кавказе. В 1926 году он выехал с выставкой во Францию. Из этой поездки он не вернулся, после чего начался длительный эмигрантский период в его жизни и творчестве.

С 1927 по 1950 год, то есть более двадцати лет, С. Д. Эрзя-Нефедов жил и работал в Аргентине. Там его звали Эстебан Эрзя. В эту страну он попал случайно. В начале 20-х годов он выполнил несколько работ для одного аргентинца. Тот работы принял и... исчез, не заплатив ни копейки. Будучи в 1927 году с выставкой в Париже, Степан Дмитриевич решил разыскать проходимца в Аргентине. Прохвоста он, разумеется, не нашел. Но неудача была компенсирована успешной выставкой, вызвавшей самые благожелательные отклики в местной прессе, и неожиданным заказом, который получил русский ваятель: сделать портрет президента страны Иполито Иригойена, победившего на выборах в 1916 году. Заказчикам портрет понравился. Его установили во дворце как ценное произведение искусства. Это был первый портрет иностранного президента, сделанный российским мастером. Однако скульптуру постигла печальная участь. В сентябре 1930 года президент Иригойен был свергнут военными во главе с генералом Урибуру, а скульптуру уничтожили.

Политические пертурбации не сказались на творчестве «русского Родена», который решил остаться в Аргентине. Здесь он создал самые значительные свои произведения — «Толстой», «Моисей», «Бетховен», «Сократ», «Христос», «Иоанн Креститель». В Аргентине С. Д. Эрзя надеялся осуществить и свою давнюю мечту — использовать горный рельеф как основу для грандиозного монумента. На горных отрогах Кордильер, в районе города Кордовы, он задумал поставить изваяния генерала Хосе де Сан-Мартина, национального героя Аргентины, или маршала Бернардо О'Хиггинса, национального героя Чили, в XIX веке возглавлявших в своих странах восстание против испанских завоевателей. Однако очередной государственный переворот 1943 года, в результате которого к власти в стране пришел Хуан Доминго Перон, сломал эти планы.

Александр Невский. Скульптура работы Степана Эрзя

Тем не менее в Аргентине российскому скульптору в основном сопутствовал успех. Его работы выставлялись в самых престижных залах, включая Национальный салон Буэнос-Айреса. Экспозиции следовали одна за другой. Аргентинское правительство и муниципалитет столицы не раз отмечали Эстебана Эрзю всевозможными премиями. Газеты Буэнос-Айреса называли его гениальным художником, а его работы «единственными и неповторимыми». Российскому скульптору даже предложили аргентинское гражданство, но он отказался.

В 1950 году 74-летний Степан Дмитриевич принял твердое решение вернуться в Советский Союз.

Он скончался в Москве 24 ноября 1959 года и был похоронен в Саранске, в родной Мордовии.

* * *

В 1936 году в Буэнос-Айрес из Парижа приехал театральный художник и живописец Константин Васильевич Попов (1897–1952).

Потомок донских казаков, он родился в 1897 году, учился живописи в Москве (его учителем был К. А. Коровин), а в 1920 году покинул Россию. Три года занятий живописью в Италии и пятнадцать лет в Париже сформировали из него прекрасного театрального художника и живописца. Он активно работал в театрах «Атенео» и «Колон», выполнял стенные декоративные росписи, много занимался станковой живописью — писал пейзажи, портреты, натюрморты.

С 1936 по 1952 год было организовано около сорока персональных выставок К. В. Попова, причем не только в Буэнос-Айресе, но и в других городах Аргентины (Росарио, Байя-Бланка, Мар-дель-Плата, Тукуман). Участвовал он в работе различных художественных салонов, а также в культурной жизни местной русской колонии, в том числе в работе Пушкинского комитета, председателем которого был Михаил Александрович Нечаев (1880–1945), бывший офицер лейб-гвардии Семеновского полка, похороненный ныне на Британском кладбище Буэнос-Айреса.

Тесная дружба связывала К. В. Попова с известной аргентинской поэтессой Альфонсиной Сторни (1892–1938), которой он посвятил немало произведений.

Сейчас картины Константина Васильевича находятся в музеях Буэнос-Айреса и Росарио, а также в университетах Тукумана, Байя-Бланка и Мар-дель-Плата.

* * *

В конце 1948 года с большой группой беженцев из СССР, живших до этого в странах Европы, в Буэнос-Айрес прибыл живописец и иллюстратор Константин Николаевич Гедда (1891–1977). Там прошли последние почти тридцать лет его жизни. До конца своих дней К. Н. Гедда много и плодотворно работал, создав на основе мелких зарисовок ряд интересных картин (маслом и акварелью) из жизни простых людей Аргентины. Среди его произведений особенно примечательны те, что посвящены местным скотоводам гаучо, на которых художник практически всегда изображал своих любимых лошадей. К. Н. Гедда не обходил вниманием и различные сюжеты из жизни своего народа («Сенокос», «Русская тройка зимой»), создал он и немало портретов.

Жизнь в Аргентине имела для художника свои сложности. Организация выставок в специальных залах стоила очень дорого, и лишь в 1953 году ему удалось устроить персональную выставку в одной из престижных художественных галерей Буэнос-Айреса (вторая небольшая выставка его произведений состоялась в одной из школ города).

Несколько большие возможности представить свое творчество К. Н. Гедда получил, когда взялся иллюстрировать исторические романы русского писателя Михаила Дмитриевича Каратеева, бывшего штабс-капитана, жившего главным образом в Уругвае и умершего 24 октября 1978 года в Монтевидео. Для этих книг Константин Николаевич выполнил свыше ста иллюстраций, показав не только хорошее знание той далекой эпохи, но и композиционное мастерство и профессионализм рисовальщика. Работы эти очень нравились и самому автору романов.

* * *

В 1948 году из Европы в Буэнос-Айрес прибыли еще два известных художника — Анатолий Александрович Соколов (1891–1971) и Борис Иванович Крюков (1895–1967). Оба они оставили заметный след в искусстве Аргентины.

В частности, А. А. Соколов получил здесь новые стимулы для творчества в области давно интересовавшей его исторической и батальной живописи. Он родился в Петродворце, в семье придворного, отвечавшего за охоту царя. Мать будущего художника, урожденная Ольшанская, выросла в семье генерала наряду с ее двенадцатью братьями, которые все служили в армии. Военная карьера была семейной традицией, которую лелеяли поколениями. Отец Анатолия не был исключением. И все же он не видел ничего плохого в том, что с пятилетнего возраста его сын никогда не расставался с мелками, красками и бумагой. На самом деле, когда ребенок показал склонность к красоте и искусству, это нашло большую поддержку родителей.

Он подружился с Кузьмой Петровым-Водкиным. Его учителями были Д. Н. Кардовский и Б. М. Кустодиев. Его любимым наставником тем не менее был А. И. Савинов — опытный живописец и график, квалифицированный учитель. Ранние выставки А. А. Соколова встретили широкое признание.

К 1926 году жизнь, казалось, возвратилась в нормальное русло. А. А. Соколов женился на Александре Ивановне Матюхиной. Вскоре у них родился сын Игорь. Счастливый перерыв, однако, не длился долго. В 1932 году А. А. Соколов был арестован. Сын и брат царских офицеров, он провел девять месяцев в одиночном заключении, ожидая решения большевистского суда. Осужденный к десяти годам рабского труда в ГУЛАГе (Главном Управлении исправительно-трудовых ЛАГерей ОГПУ), А. А. Соколов продолжал рисовать и в лагере для того, чтобы сохранить здравый ум. Он был лишен общения со своей семьей и всей страной в течение пяти долгих лет.

Из лагерей художника выпустили в 1937 году без права жить в его родном городе Ленинграде. Ему дали двенадцать часов, чтобы упаковать вещи и уехать. Следуя совету друга, А. А. Соколов переехал в Симферополь. Крым, когда-то земля изобилия, встретил его голодом. И все снова и снова Анатолий Александрович находил спасение в живописи. Он работал ночь и день. Именно его картины в конечном счете спасли семью от голода. Местные власти решили покровительствовать художнику. На Всекрымской выставке 1937 года в Симферополе многие из его картин, включая «Взятие Перекопа», «Ходоки на приеме у Ленина» и «Праздник урожая в колхозе», были хорошо приняты критиками.

В 1938 году А. А. Соколов был избран в руководство Союзом художников Крыма. Начало Второй мировой войны застало его и его семью в Симферополе. И еще раз судьба нанесла сокрушительный удар, превратив его самое дорогое имущество в пыль в один момент: во время воздушного налета здание, где хранились все картины А. А. Соколова, было уничтожено. Ни одной картины не сохранилось. Бомбежки продолжались по всей территории Крыма, и в 1942 году, боясь за свою семью и высылку его сына на принудительные работы в Германию, А. А. Соколов решил бежать в нейтральную страну. Замаскировавшись под раненого румынского солдата, скрывая маленького Игоря среди своего имущества, в сопровождении жены, одетой в униформу медсестры, Анатолию Александровичу удалось пересечь границу СССР с Румынией. Через семь месяцев семья оказалась в Швейцарии.

В Швейцарии А. А. Соколов нашел мир, бедность и неуверенность. И еще раз живопись помогла ему вернуть свою жизнь в нормальное русло. Он выставлялся на многих выставках в Швейцарии, Австрии и Лихтенштейне. Однако послевоенная Европа не могла гарантировать безопасность для художника и его семьи. Под давлением И. В. Сталина любой русский, который уехал из СССР во время войны, мог быть выслан обратно, что фактически означало непосредственный арест и принудительную высылку в Сибирь.

Чтобы этого не произошло, в 1950 году А. А. Соколов эмигрировал в Аргентину — первую страну, которая открыла свои двери для послевоенных российских беженцев. Не зная языка, не имея знакомых, в новой чужой стране, Анатолий Александрович, вместе с женой и сыном, черпал поддержку и вдохновение в своей творческой работе. Глубоко тоскуя по дому, именно во время этого периода художник написал выдающиеся российские пейзажи. Далее живописец нашел убежище в прошлом Аргентины. Он начал

серьезно изучать историю и литературу этой страны.

Вскоре, вдохновленный героикой узанного, А. А. Соколов осуществил новый проект, названный «Генерал-освободитель Хосе де Сан-Мартин пересекает Анды». Он посвятил его генералу Хосе де Сан-Мартину (1778–1850), одному из руководителей войны за независимость испанских колоний в Латинской Америке.

В поисках нужного образа художник объездил всю страну и все-таки нашел человека, похожего на своего героя. Это был простой крестьянин из окрестностей Буэнос-Айреса. В результате грандиозное полотно, впервые представленное на выставке, посвященной 100-летию со дня смерти Хосе де Сан-Мартина, было удостоено золотой медали и диплома Министерства культуры Аргентины. Позже эта работа была куплена музеем генерала, а в 1953 году Национальный конгресс Аргентины выкупил картину для своей главной палаты.

После этого авторитет художника чрезвычайно вырос. Музеи и государственные учреждения начали заказывать ему все новые и новые картины. Он создал ряд произведений, посвященных различным эпизодам аргентинской истории, например, «Армия генерала Бельграно переправляется через реку Парану» и большой портрет «Освободитель Дон Хосе де Сан-Мартин». В 1954 году по специальному заказу одной из галерей Буэнос-Айреса он создал четыре больших стенных панно: «Колумб открывает Америку», «Конкистадоры», «Порт Аргентины» и «Аргентина сегодня». Картины А. А. Соколова экспонировались во многих аргентинских городах, а также в Чили, Боливии и Парагвае. Из более чем ста работ, составивших живописное наследие Анатолия Александровича, двадцать пять тесно связаны с Аргентиной. В прессе справедливо отмечалось, что все крупные полотна, «посвященные Аргентине, являются историческим достоянием этого государства, и имя Анатолия Соколова никогда там не будет забыто».

Теперь А. А. Соколов был знаменит, и его имя стало известно даже в США. И вот однажды он нашел в своем почтовом ящике письмо из Калифорнии. Это было письмо от его давно потерянного брата, о котором говорили, что он пропал без вести. На самом деле он отступил в восточном направлении вместе с Белой армией, пересек всю Россию, достиг Китая и в конце концов попал в Сан-Франциско.

Без задержки А. А. Соколов переехал в Соединенные Штаты. В 1962 году к нему присоединились его жена Александра Ивановна и сын Игорь. Казалось, все закончилось благополучно, семья была наконец воссоединена. Но, переехав в Калифорнию, А. А. Соколов вскоре пережил очень сложную операцию на сердце, которая «съела» все его сбережения. Но и в этих условиях огромная энергия и талант не позволили ему сдаться. В течение последних десяти лет жизни в США художник написал девятнадцать монументальных картин.

Умер Анатолий Александрович Соколов в мае 1971 года в Сан-Франциско (Калифорния), так и не завершив задуманный им цикл картин, которые должны были показать историю образования независимых Соединенных Штатов.

В разных видах и жанрах искусства проявил себя в Аргентине Борис Иванович Крюков. Он учился и работал на Украине, из оккупированного фашистами Киева попал сначала во Львов, затем в Краков, оттуда — в Австрию. После переезда в Аргентину он неоднократно устраивал персональные выставки в престижных художественных галереях Мюллер (1949, 1951, 1952 и 1954 гг.) и Ван Риэль (1956 и 1958 гг.), экспонировался на выставках в США и Канаде. В это же время он создавал иконы и мозаики для украинских храмов различных конфессий за рубежом. Критика Аргентины и США, как правило, весьма положительно оценивала его произведения, а в 1970 году в Буэнос-Айресе был издан богато иллюстрированный альбом «Boris Kriukow» с обстоятельной вступительной статьей на испанском, украинском и английском языках.

Особенно заметный вклад внес Б. И. Крюков в иллюстрирование и оформление книг. В 50–60-е годы

он тесно сотрудничал с издательствами, выпускавшими литературу на украинском языке (для них он проиллюстрировал около восьмидесяти книг), а также с издательствами «Атенео», «Атлантида» и другими. За иллюстрации к «Дон Кихоту» Мигеля Сервантеса и «Дон Сегундо Сомбра» Рикардо Гуиральдеса на конкурсах 1964 и 1965 годов Б. И. Крюков был удостоен премий. На протяжении пятнадцати лет он рисовал также карикатуры для выпускавшегося на украинском языке сатирического журнала «Метла».

* * *

Кроме А. А. Соколова и Б. И. Крюкова в Аргентине жили и работали еще несколько художников из России.

В частности, с 1950 по 1982 год здесь жил и работал Игорь Николаевич Шмитов (1922–1982). Получив художественное образование в Загребе, Вене и Мюнхене, он приехал в Буэнос-Айрес уже сложившимся художником, участником ряда европейских выставок. И. Н. Шмитов известен главным образом как иконописец, его работы в этом жанре были представлены на персональных выставках 1957, 1970 и 1980 годов, а также на посмертной выставке 1983 года. Успешно работал он также как театральный художник-декоратор, пейзажист и иллюстратор (в частности, проиллюстрировал несколько произведений Ф. М. Достоевского).

* * *

В Каракасе (Венесуэла) 18 января 1951 года умер Николай Федорович Булавин, казачий есаул и художник, участник Первой мировой и Гражданской войн, эмигрант с 1920 года. Он окончил Пражскую академию художеств, а во время Второй мировой войны сражался в казачьих частях против СССР, после чего, в 1947 году, эмигрировал в Латинскую Америку.

Крайне интересные факты из жизни Н. Ф. Булавина в Венесуэле можно найти в книге Н. В. Денисова «Житие казака Генералова», в которой автором использованы сохранившиеся фрагменты биографических записок Александра Германовича Генералова, сына белого генерала, атамана Нижне-Донского округа Всевеликого войска Донского Германа Эрастовича Генералова.

Был июнь 1947 года. Первую партию переселенцев в тропическую Венесуэлу американцы везли на большом транспортном корабле «Генерал Штургис». А. Г. Генералов вспоминает:

«На палубе ко мне подошел уверенный человек средних лет в берете и представился: „Николай Федорович Булавин!.. Да. Потомок Булавина, поднимавшего восстание на Дону. Его внуки ушли потом с Дона на Кубань. Стало быть, я кубанский казак. Есаул Кубанского войска царского производства. И обер-лейтенант немецкой армии казачьей дивизии фон Панвица. И еще дипломированный художник — художественных академий в Петербурге и Праге. Мне сказали, что ты тоже художник. На вот тебе карандаш и бумагу, нарисуй что-нибудь“.

В один момент я набросал парусную лодочку на море. Булавин сказал: „Да, ты художник. Хочешь, будем работать вместе? Ты умеешь разделявать под орех? Нет? Я тебя научу“.

Мы стояли у борта, смотрели в даль океана. Тяжело перекачивалась зыбь. Океан был пустынен, ни одного парохода вблизи, ни дальнего дымка над палубой такого же, как и мы, океанского странника. Давно отстали летевшие за кормой чайки. Неведомо, что ждало нас в чужих землях, коль рядом, за бортом, резиново качалась свинцового цвета вода, постепенно обретая бирюзовые краски, тоже далекие от земного мира, являя лишь всполохи летающих рыбок, веерами разлетающихся от бортов тяжелого, набитого народом, судна...

Булавин еще раз глянул на рисунок с морем и парусом, продолжил разговор: „Ты почему решил ехать в Венецуэлу? Хочешь устроить жизнь на новой родине?“ „Нет! — сказал я в ответ. — Я хочу посмотреть на пальмы и поскорее, при первой возможности, вернуться в Европу. Наймусь матросом и вернусь“. — „Да ты же мой товарищ по настроению! Я тоже хочу переждать там до третьей мировой войны, а когда она начнется, вернуться в Европу и воевать против большевиков“».

Транспорт прибыл в венесуэльский порт Ла-Гуайра, что рядом с Каракасом. Была ночь, глубокая темнота, а вдали горело множество огней.

«Булавин сказал: „Смотри, какие там небоскребы, и все светятся!“

Утром, когда рассвело, мы увидели то, что приняли за небоскребы: впереди была гора, по склонам застроенная маленькими домиками из картона, фанеры и кусков жести. Каждый такой домик имел электрическое освещение, и ночью весь этот муравейник выглядел величественно.

Утренний вид вселял уныние. Безрадостное, бедное скопление этих карточных лачуг на склоне горы, лишенной зеленой растительности. Рыжая, глинистая земля. Колючки кактусов. Пальму я заметил только одну — искривленную, полусохшую, полуупавшую — кокосовую пальму.

Булавин, осмотрев это великопечальное бедствие и безысходности, произнес, глядя на меня в упор: „Ты приехал сюда посмотреть на пальмы и сразу вернуться! Посмотри на эту грустную пальму, и скорей спрячемся в трюм, чтоб нас отвезли обратно!..“»

Все это было очень печально, а Россия была так далеко...

На третий день корабль поставили к причалу. Рабочие порта бросали русским на палубу фрукты, а те в ответ бросали им пачки папирос. Их пока было в достатке, так как американцы выделили каждому прибывшему в Венесуэлу по картонной коробке папирос и по десять долларов.

«Институт венесуэльской иммиграции нанял для нас автобусы, чтоб отвезти в Каракас — столицу Венесуэлы. Погрузились. Горными дорогами добрались до города, расположенного в обширной котловине между гор и холмов, на высоте около тысячи метров над уровнем Карибского моря, где и принял наш транспорт порт Ла-Гуайра. Семьи поместили в специально приготовленный большой отель „Иммигрант“, холостяков разбросали по маленьким отелям. Нам сказали, что институт будет оплачивать наше проживание и питание в отелях, пока подберем себе работу».

Н. Ф. Булавин с А. Г. Генераловым поселились в небольшом отеле «Конкордия», находившемся в самом центре города. Николай Федорович разглядел вывеску книжного магазина, зашел в него и заявил: «Мы художники, нам нужны акварельные краски и акварельная бумага». Ему ответили по-русски: «Пожалуйста, сколько угодно! Возьмите все, что нужно вам. В долг. Когда заработаете, отдадите!»

Александр Германович в Донском Императора Александра III кадетском корпусе учился у уже упомянутого нами М. М. Хрисогонова, и тот научил его рисовать классически. Н. Ф. Булавин сказал ему, что «это» теперь не модно, что теперь «в ходу» импрессионизм и экспрессионизм. А еще он сказал, что долго возиться с каждой картинкой непрактично, с точки зрения быстрой и дешевой продажи.

А. Г. Генералов все понял и тут же быстро набросал картинку: пальмы, море, горы, кактусы, банановые деревья. Все было сделано яркими красками — ему почему-то подумалось, что венесуэльцам именно такое должно понравиться.

Далее он рассказывает:

«Все наши художества, сотворенные не просто в приливе вдохновения, а почти в экстазе, подогреваемые желанием побыстрее обзавестись деньгами, мы быстро распродали... Хорошо обмыли удачу, успех.

И Булавин стал громко, на всю улицу, ругаться по-русски. А я, мне ничего не оставалось делать, как успокаивать товарища: „Николай Федорович, не ругайся так громко. В Каракасе есть русские, которые живут здесь давно. Услышат, неловко нам будет!“ — „Их мало. Только сорок семей на весь Каракас. И будет чудо, если мы их встретим!“

И чудо не замедлило, свершилось. К нам подошла седая дама и сказала: „Ой! Как приятно слышать родной русский язык! Вы давно из России?“ Булавин как ни в чем не бывало сделал даме полупоклон, сказал: „Мы давно из России, мы белые эмигранты. Я прожил двадцать пять лет в Чехии, а он — в Югославии“. — „А мы сорок лет как из России. Мой муж доктор Имбэр. А вы, кажется, прибыли недавно и еще не устроены на работу? Вот вам визитная карточка моего мужа“.

Булавин, похоже, решил „зацепить“ и эту русскую даму нашими художествами: „Мы пейзажисты-художники, продаем акварели“. — „Так зайдите к нам завтра же! И принесите, если имеются, русские виды. Мы их у вас купим. Моя дочь София Имбэр напишет вам рекомендательные письма в рекламные компании, где требуются художники“.

У нас не было русских картин. Но мы сейчас же нарисовали. Булавин нарисовал чешские Великие Татры, называя их Кавказскими горами — Эльбрус, Казбек, и русскую тройку в стиле экспрессионизма. А я нарисовал шишкинских медведей.

По визитной карточке мы легко нашли квартиру доктора Имбэра. Находилась она вблизи нашего отеля. Позвонили. Открыл сам доктор в ярмолке. Булавин ему представился, взяв „под козырек“, то есть приложив ладонь к художественному берету: „Есаул Кубанского войска Булавин!“ И доктор радостно „козырнул“. Коснувшись ладонью ярмолки, сказал: „Я тоже офицер — армии Керенского. А вы офицер царской армии? Были и в Белой армии? Были и в немецкой армии? И вы не убили ни одного человека?“ — „Нет! — сказал Булавин. — Не убил. Я не был в немецкой армии. Я сидел в концлагере у немцев. Меня самого чуть немцы не убили“. — „Ой! Так вы пострадали от немцев. Проходите, пожалуйста, выпьем кофе. Моя дочь напишет вам рекомендательные письма в рекламные компании — в АРК, в БРАКО. Покажите ваши акварели“.

Мы развернули свои акварели.

„Ой, какие красивые родные русские виды! Эльбрус! Казбек! Тройка! Медвежата! Я все куплю!“

Булавин одну и ту же гору, когда продавал акварель русским, называл Эльбрусом или Казбеком. Когда продавал чехам, говорил — Великие Татры, когда покупали немцы, называл — Шпиц Инзбрук. Для венесуэльцев он рисовал — Шпиц Боливар».

Вскоре в Венесуэлу из Европы пришел второй транспорт с беженцами, затем — третий. На одном из них из Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев прибыл художник-портретист М. М. Хрисогонов, учитель А. Г. Генералова. Когда они увиделись, Михаил Михайлович вдруг сделал вид, что не узнает бывшего ученика. «Я не русский, я грек Крисогоно, — заявил он. — Да, я говорю по-русски, но я не русский». Александр Германович был удивлен и не знал, как на это реагировать. И тогда Михаил Михайлович объяснил: «Шура! Я скрываю, что я русский, потому что здесь всех русских считают за коммунистов. А картинки покупают богатые люди. Они не будут покупать у „коммуниста“. И тебе советую не говорить твоим клиентам, что ты русский, и не подписывать картины русской фамилией, лучше — каким-нибудь псевдонимом».

Н. Ф. Булавин с А. Г. Генераловым продолжали жить в отеле «Конкордия». Хозяин отеля поставил им старый стол на балконе второго этажа и разрешил пачкать его красками. Стало удобно рисовать. Параллельно они искали работу. Сначала им пришла в голову мысль стать матросами. Они даже зарегистрировались в корабельной конторе. Но «морские дела» затянулись. Вскоре им подвернулось

другое дело, им предложили стать артистами-джигитами...

А. Г. Генералов вспоминает:

«На первую репетицию предстояло явиться в новый цирк-амфитеатр, предназначенный для боя быков. Когда мы пришли в точно назначенное время, Булавин потребовал аванс на обмундирование: „Я не намерен протирать об седло мои последние штаны!“»

На этом их с Булавиным «выступления» на арене цирка закончились.

Далее происходило следующее:

«С Булавиным мы дольше всех других приехавших в Венесуэлу из Европы находились на содержании института иммиграции. Жили в отеле „Конкордия“ бесплатно, потому что ответственный за нас чиновник института взял у нас много картин для продажи, а нам не заплатил ни боливара. Продал, мол, в долг, но должники не отдают деньги, и попросил дюжину новых наших картин. Но и за них с нами не рассчитался. Так и продолжалось два месяца: чиновник продавал наши картины, а нам продлевал содержание в „Конкордии“. Впрочем, мы успевали рисовать не только для чиновника, немало наших — „русских“, „чешских“, „немецких“ и „местных“ — пейзажей украсило стены квартир и особняков венесуэльской столицы, окрестных городков и селений.

И все же к концу второго месяца „вольготная“ наша жизнь в Каракасе закончилась. Чиновник направил нас в городок Маракай, в отдел института иммиграции с письмом к его другу — председателю Маракайского отделения института. Чиновники хорошо договорились, и маракайский чиновник принял нас с Булавиным, как только что приехавших из Европы.

Мы готовились к любой черной работе, но нас поселили в отеле „Ингенио Боливар“, устроенном в бывшем имении Боливара — освободителя Венесуэлы, в тридцати километрах от городка. И — „забыли“.

Место называлось Сан-Матео. Это было живописное село с речкой, на вид чистой, но зараженной тропической болезнью „биярсией“. И нас предупредили, что в речке купаться нельзя.

Но рядом простиралось еще более живописное озеро.

В большом колониальном доме Боливара жили семьи земледельцев из Югославии — сербов, хорватов и русских казаков белой эмиграции, женатых на сербках.

Казаки рассказывали: „По приезде нас обещали посадить на землю, а повезли через узкий перешеек, как Перекоп, на полуостров, на котором ничего не растет. Песок и колючки. И попробовали посадить нас там, на песок и на колючки, а мы воспротивились. Тогда нас привезли сюда. Мы тут ловим рыбу в озере и продаем в Маракайе. Жены наши делают искусственные цветы и тоже продают в Маракайе. Живем тут, как на курорте, на всем готовом. Каждые три недели нам меняют простыни, хорошо кормят, еду привозят из Маракайя — из „семидор популар“ — из народных столовых, которые учредил президент Венесуэлы Ромуло Бетанкур во всех городах страны. Народные столовые с завтраками, обедами и ужинами за один боливар. Но мы не платим этот боливар, за нас платит институт“.

Бумагой и акварельными красками мы запаслись в Каракасе, так что сразу начали рисовать и ездить на автобусе в Маракай продавать наши картинки. Булавин продолжал писать чешские Великие Татры, поскольку чехов оказалось в тропическом городке много. Венесуэльцы требовали у художника свой Шпиц Боливар. И требуемое от Булавина получали.

Я увлекся тропическими видами окрестностей, рисуя их в классическом стиле, то есть в реальном изображении, но с допущением более ярких красок и фантазий. Булавин называл это импрессионизмом, а мой учитель Хрисогонов, когда в Каракасе я показал ему свои пейзажи, пришел в восторг и определил это — „оригинальным стилем преувеличенной яркости“. Он говорил мне: „Ты выдумал новое художество, так

и продолжай утрировать тона, цвета. Этот синий цвет не хуже синего периода Пикассо. Я дам тебе несколько уроков, чтобы усовершенствовать твою новую школу, и тогда тебе нужно будет переменить подпись, потому что под твоей подписью Генералова, и Булавина тоже, вся Венесуэла заполнена дешевыми картинками“.

С Булавиным мы договорились: не делать друг другу конкуренции! Он мне сказал: „Шура! Ты продолжай изображать свои тропические виды и не копируй с меня мои Татры, а я не стану писать тропики!“»

Их пребывание-гостевание в «Ингенио Боливар» затянулось. Казаки продолжали ловить рыбу, а их торговля картинками процветала, но потом вдруг пришел приказ из Каракаса: «Немедленно устроить всех на работы!»

Всех посадили на грузовик и привезли на край города, на место, где уже шли приготовления к постройке лагеря для европейских переселенцев. Была залита цементная площадка, а рядом лежали составные части бараков — дощатые стены и крыши. Русским строго приказали: «Слезайте! Выгружайте ваши вещи, ставьте бараки и живите здесь!»

Все послушно выгрузились, кроме А. Г. Генералова с Н. Ф. Булавиным. Последний сказал: «Я не собака. Я европеец! Везите нас в отель, я сам буду платить!»

Его поняли, и их обоих отвезли в самый дешевый маракайский отель, где они сняли помещение, просто место под навесом. Потом их, не мешкая, повезли на работу — им, как художникам, было предложено красить стены местной тюрьмы. Они, естественно, отказались, предпочтя рисовать и продавать картинки. Рисовать и продавать... И спать под навесом на свежем воздухе. Потом они вернулись в Каракас, в тот же отель «Конкордия». Но теперь они уже сами должны были платить за проживание, за хлеб насущный, за все на свете...

Николай Федорович Булавин, как мы уже говорили, умер в Каракасе 18 января 1951 года. Александр Германович Генералов прожил в столице Венесуэлы гораздо дольше: он погиб под колесами автомобиля 22 марта 1993 года. После смерти Н. Ф. Булавина он долго жил на юге страны — за рекой Ориноко, в семье своего товарища по кадетскому корпусу В. А. Вишневого. Потом, по возвращении в Каракас, его принял в свой дом другой его кадетский товарищ Б. Е. Плотников, в семье которого он и жил до самой своей кончины.

* * *

В Чили в 50-х годах жил и плодотворно работал русский художник Сергей Николаевич Байкалов-Латышев (1906–1983).

Он родился в далекой Маньчжурии, ровно через год после Русско-японской войны.

В своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Кадетская Переключка», выходящем в Нью-Йорке на русском языке с 1971 года, Сергей Николаевич рассказывает:

«Моя мать, отпрыск потомственных и убежденных запорожцев, самый младший, четырнадцатый по счету, ребенок, до 25 лет безвыездно прожила под теплым крылышком родителей на дедовском хуторе под Сумами. Ее же мать, а моя бабушка, смолянка строгих правил, решив однажды, что излишняя грамотность девочкам неприлична (а их была целая дюжина), нашла остроумный способ воспитания без всяких бонн и гувернанток — всем девочкам в большом саду построила каждой по деревянному домику: учитесь быть хорошими хозяйками. Моя же мать у деда выпросила старую баню, где и поселилась, и ее хозяйство были всякие звери и птицы, которыми в изобилии снабжали ее приятели — деревенские

мальчишки».

Отец Сергея Николаевича был уроженцем Москвы, выпускником Чугуевского юнкерского училища. Когда началась Русско-японская война, чтобы быть вблизи мужа, его жена пошла на фронт сестрой милосердия. После окончания войны и рождения сына они жили в Харбине. В 1912 году отец Сергея Николаевича в чине штабс-ротмистра получил назначение начальником конно-вьючной пулеметной команды 1-го Заамурского конного полка. Юный Сережа очень любил смотреть на учебные стрельбы, которыми руководил отец.

Свои детские впечатления он описывает следующим образом:

«Прибегая домой, я хватал карандаш и бумагу, заполняя ее решительными каракулями всех цветов. Малиновым огнем плевались пулеметы, неслись зарядные ящики на кривых колесах, бежали солдаты с пулеметными лентами, синие, желтые и рыжие кони с вьюками — инвалиды на все четыре ноги, скакали во все стороны и т. д. Одним словом, весь пафос пережитого волнения выкладывался здесь на листах бумаги. Не забыты были также и бесконечные паровозы с вагонами, весь день напоминавшие о себе гудками. Для них было необходимое дополнение — дым вился из трубы бесконечно длинной спиралью. Без этого паровоз — не паровоз, он не живой».

В 1914 году «дальневосточная идиллия» закончилась. Отца девятилетнего Сергея перевели в Киев. Потом пронеслось еще несколько бурных лет, и Сергей, уже в качестве кадета Сводного Киево-Одесского корпуса, оказался в эмиграции в Сараево. Это был 1920 год. Так в казарме короля Петра началось его зарубежное бытие.

В Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, приютившем тысячи беженцев из России, С. Н. Байкалов-Латышев получил архитектурное, художественное и отчасти философское образование. Впоследствии он вспоминал:

«После корпуса не сразу я попал в Белград. А в самом Белграде не сразу взялся за кисти. Прошли еще годы студенчества в Белградском Университете, где сменил я два факультета: технику на философию с тем, чтобы в результате сама жизнь не заставила бы меня взять в руки сакраментальные орудия искусства живописи — карандаш и кисть.

Первым дебютом были зарисовки характерных типов улиц Балканской столицы: разносчики, пильщики-албанцы, чистильщики улиц и сапог и т. д. Рисунки понравились и меня уговорили напечатать открытки. Поначалу их очень неохотно брали киоски, а в одном так просто обругали... Тогда же нашелся мой первый соблазнитель — вступить на тернистый путь художника, и был это Коля Тищенко-Слон — 5-го выпуска Крымского кадетского корпуса. Он был уже известным сотрудником юмористического журнала „Остриженный Еж“, под псевдонимом „Тэн“. Его ценили, как лучшего бытового карикатуриста. Его чувство юмора, умение подметить характеры, врожденная критическая наблюдательность с добродушной веселостью в рисунках, пользовались большим успехом. Предложил он и мне попробовать свои силы в „Еже“. С его помощью рисунки были приняты, что, конечно, меня обнадежило... Слон указал мне на ошибки в самой технике рисунка и дал совет мне сделать роковой шаг — записаться на вечерний курс рисунка художника Добровича. Первый шаг был сделан. С открытием же школы художника-академика Младена Иосича, я стал студентом и этой школы в течение последующих четырех лет».

В Белграде С. Н. Байкалов-Латышев близко сошелся с русским художником Степаном Федоровичем Колесниковым, замечательным рисовальщиком и исключительным колористом в пейзаже, а также с художником-маринистом Арсением Петровичем Сосновским и его супругой художницей Галиной Георгиевной Бояджиевой, закончившей еще в Москве Строгановское училище.

Во время Второй мировой войны С. Н. Байкалов-Латышев вступил во 2-ю Конную казачью дивизию,

вначале офицером связи, а затем командиром 6-го эскадрона. Он был награжден двумя орденами.

После войны, опасаясь преследований, Сергей Николаевич отправился в Чили, «страну исключительно живописную и благодатную богатством мотивов для живописца». В Чили оказалось много прекрасных художников, и в течение года в одном Сантьяго можно было насчитать от 300 до 350 индивидуальных выставок и с десятков официальных салонов.

В своих воспоминаниях Сергей Николаевич рассказывает:

«По приезде, я не сразу стал выставляться, и первый мой дебют был отмечен в газетах весьма похвальной критикой, в которой главным образом были отмечены выставленные морские пейзажи. Оказалось, что здесь море — одна из любимейших тем, как для художников, так и для публики. И в Чили был известный мастер Казанов-старший, ездивший в Россию, чтобы специально посетить мастерскую прославленного мариниста Ивана Константиновича Айвазовского».

В Чили С. Н. Байкалов-Латышев смог спокойно продолжить профессиональную деятельность художника. Почти ежегодно он устраивал свои персональные выставки в разных городах и участвовал во многих конкурсных официальных салонах, устраиваемых в Сантьяго и в Вальпараисо. В результате он был замечен как критикой, так и публикой. Когда же он получил ряд наград в салонах и похвальную критику за свои морские пейзажи, за ним утвердилось звание выдающегося художника-мариниста.

Сергей Николаевич рассказывает:

«Два слова о выставках. В Чили, да и во всей Южной Америке, любят живопись. Поэтому если для художника его персональные выставки нечто вроде именин, то для публики это художественное событие — праздник. Вернисаж с коктейлем и речами, с празднично-нарядной публикой создает повышенное настроение. Это парадный прием гостей автором художником. Неоднократно мне приходилось устраивать такие праздничные коктейли на своих выставках, иногда со своими учениками. В большом выставочном зале, специально для этого предназначенном, размеров в двадцать на десять метров, еженедельно сменялись художники, оживляя столицу и ее культурный уровень.

Однако существует превратное мнение, и особенно во Франции, что в Южной Америке в таких больших городах, как Мехико, Лима, Буэнос-Айрес, Сантьяго и т. д., вовсе отсутствует настоящая артистическая жизнь. Но вопреки этому предвзятому и ошибочному мнению, кроме своих собственных артистических сил, постоянно гостят корифеи всех отраслей пластического и вокального искусств. И особенно часты визиты разных первоклассных балетов, певцов, певиц и художников из Европы и Соединенных Штатов, когда они являются средством политической пропаганды, что теперь везде в моде».

Высоко ценились в творчестве С. Н. Байкалова-Латышева и его пейзажи и иконы, выполненные в стиле сербской и русской иконописных школ.

Художник рассказывает:

«Остается сказать несколько слов о росписи греко-арабского православного храма в Винья-дель-Мар, морском курорте Чили. Для выполнения этой задачи пригласили художника и изографа Владимира Яковлевича Предаевича, известного еще в Югославии, где он расписывал много сербских православных храмов. И церковь на Опленце. Там была усыпальница сербских королей. За эту работу он был удостоен высокой награды — ордена Белого Орла. Храм в Винья-дель-Мар был построен по проекту русского архитектора Вадима Константиновича Федорова. Предаевич и я расписали иконостас. Я написал иконы северных и южных врат и двухметровые иконы поклонного ряда. А также написал фрески Рождества Воскресенья и Крещения Господня.

Чтобы расписать православный храм, нам — художникам — пришлось выдержать борьбу с греко-

арабским комитетом по постройке этого храма. Мы старались доказать, что нельзя расписывать храм под итальянскую живопись, а нужно настоящее православное религиозное искусство.

Такую же борьбу, как ни странно, пришлось мне выдерживать при росписи нашего русского православного храма, доказывая нашим прихожанам, что православная икона в технике русской школы иконописания — это не художественный каприз, но литургическая необходимость для православного храма. Мне пришлось выдержать очень много разговоров на эти темы, обдумывая аргументацию, чтобы она стала убедительной для всех в одинаковой степени. Из этой борьбы и размышлений польза оказалась та, что на тему религиозного искусства я написал ряд статей в газетах и журналах».

Сейчас иконы работы С. Н. Байкалова-Латышева находятся во многих православных храмах Южной и Северной Америки (Буэнос-Айрес, Каракас, Лос-Анджелес). Одно время он даже читал лекции по православной иконографии в университете Сантьяго. В 1970 году в Чили был издан альбом его рисунков «Cerros de Valparaíso» (Холмы Вальпараисо), дающий представление об этом художнике как о мастере городского пейзажа.

Перед приходом к власти в Чили Сальвадора Альенде С. Н. Байкалов-Латышев покинул эту гостеприимную страну и переселился в Испанию, где продолжил заниматься искусством, пока тяжелая болезнь не заставила его перебраться в дом престарелых во французском Сан-Рафаэле. Там он и умер 9 апреля 1983 года от рака желудка.

Бывший в то время редактором журнала «Кадетская переключка» Н. В. Козякин в статье о Сергее Николаевиче написал:

«Сергей Байкалов-Латышев — талантливый художник, славянофил и русский патриот, один из деятельных сотрудников нашего журнала — принадлежал к тем людям, о которых поэт сказал:

Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были...»[\[28\]](#)

* * *

Известно, что с 1929 по 1931 год со знаменитым Диего Риверой, мексиканским живописцем-монументалистом и политическим деятелем левого толка (о нем подробнее будет рассказано ниже, в главе, посвященной Л. Д. Троцкому), сотрудничал Виктор Михайлович Арнаут (1896–1979). Уроженец села Успеневка под Запорожьем, сын священника и донской казачки, он после окончания гимназии в январе 1915 года был направлен в Елисаветградское кавалерийское училище, где прошел ускоренное девятимесячное обучение и получил чин прапорщика. После этого он был назначен младшим офицером первого эскадрона 5-го уланского Литовского полка и находился в нем вплоть до заключения Брестского мира. В октябре 1917 года Виктор Михайлович был выбран командиром эскадрона. Потом он принимал участие в Гражданской войне, был награжден орденом Святого Георгия. После разгрома Белой армии он эмигрировал в Китай.

В Харбине В. М. Арнаут первоначально писал иконы, затем переквалифицировался в лепщика. Одновременно с этим он учился рисованию в студии «Лотос» у М. А. Кичигина. Потом по приглашению Георгия Иосифовича Клерже, бывшего начальника штаба атамана Семенова, также оказавшегося в китайской эмиграции, он поступил кавалерийским инструктором на конезавод маршала Чжан Дзо-лина в Мукдене.

В Мукдене В. М. Арнаут вступил в брак с Лидией Васильевной Блонской, дочерью помощника военного агента в Китае Василия Васильевича Блонского. Последний дал деньги на учебу. Получив визу, в

1925 году В. М. Арнаутков выехал в Сан-Франциско, где поступил в Калифорнийскую школу изящных искусств. По окончании школы и прибытии семьи Виктор Михайлович поехал в Мексику к знаменитому художнику-монументалисту Диего Ривере и стал его учеником. По возвращении из Мексики В. М. Арнаутков работал в Сан-Франциско, оформлял станции метро, дом Всемирной библиотеки, принимал активное участие в общественных мероприятиях для поддержки СССР, особенно во время Второй мировой войны. С 1939 по 1963 год он был профессором в Стэнфордском университете.

Осенью 1961 года была сбита автомобилем и умерла жена В. М. Арнаутова, в браке с которой он имел трех сыновей — Михаила, Василия и Якова. Через два года, после выхода на пенсию, он выехал на жительство в СССР, оставаясь американским гражданином. Поселился художник в Мариуполе. В СССР он выполнил большое количество работ, из которых наиболее известны мозаичное панно «Покорение космоса» на ДOME связи и памятник жертвам фашизма в Мариуполе. Кроме того, он оформлял аэровокзал «Мариуполь». Семь лет В. М. Арнаутков прожил в Мариуполе, был избран членом Союза художников СССР. Потом он женился на искусствоведке Нонне Толепоровской и стал проживать с ней в Ленинграде.

В. М. Арнаутков умер 22 марта 1979 года и был похоронен на Ленинградском Богословском кладбище. В 1980 году его останки были перезахоронены в Жданове (Мариуполе).

Глава десятая

НИКОЛАЙ ЯВОРСКИЙ — ОСНОВАТЕЛЬ БАЛЕТНОЙ ШКОЛЫ НА КУБЕ

В 1931 году гаванское Общество музыкального искусства (Sociedad Pro-Arte Musicale — SPAM) учредило при принадлежавшем ему театре «Аудиториум», построенном в 1928 году (после Кубинской революции он стал называться театром имени композитора Амадео Рольдана), платные курсы чтения и декламации, игры на гитаре, а также собственную балетную школу. За всю историю Кубы эта школа стала первым учебным заведением, профессионально и целенаправленно занявшимся преподаванием классического танца. Руководить школой пригласили случайно оказавшегося в то время в Гаване русского эмигранта Николая Петровича Яворского.

Этот человек родился в Одессе 23 февраля 1891 года. В молодости он брал уроки классического танца у солиста Одесского театра Казимилова. В годы Первой мировой войны Н. П. Яворский был офицером-артиллеристом, затем в Гражданскую сражался против Красной армии в составе Вооруженных сил Юга России (ВСЮР). В 1920 году он эмигрировал в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, где стал танцевать на сцене Белградского народного театра. Потом он принимал участие в «Русской частной опере в Париже». И, наконец, в 1931 году он оказался на Кубе, в Гаване.

Алисия Алонсо

С первого дня организации балетной школы Н. П. Яворский активно взялся за работу. Первые уроки у известного иностранного преподавателя, выступавшего на самых знаменитых сценах Европы, надолго врезались в память его кубинских учеников. Многие из них стали впоследствии главными фигурами

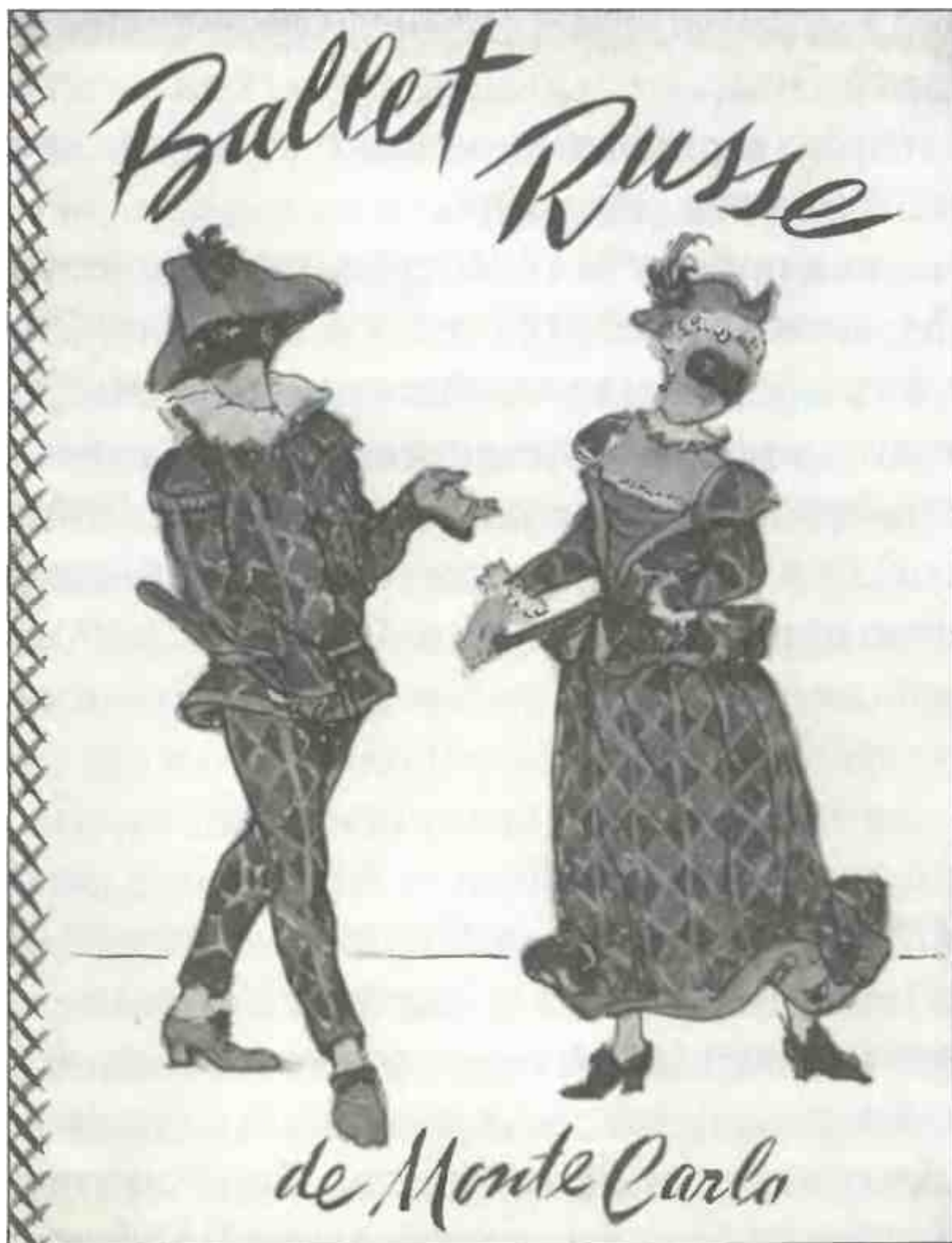
кубинского национального балета, и среди них выделялась выдающаяся кубинская балерина Алисия Эрнестина Мартинес (Алонсо), родившаяся в декабре 1921 года.

В конечном итоге Н. П. Яворский, благодаря присутствию бывшему офицеру дисциплине, настойчивости и энтузиазму, стал настоящим подвижником развития балета на Кубе.

Уже 29 декабря 1931 года в театре «Аудиториум» с большим успехом прошло первое публичное выступление воспитанниц Н. П. Яворского. 9 января 1932 года в том же театре состоялось их повторное выступление с аналогичной программой. Юные кубинские танцовщицы вновь не подвели своего русского учителя и закрепили прошлогодний успех. Первый сезон балетной школы SPAM завершился 1 июня 1932 года, и тогда столичные газеты опубликовали сообщение о наборе на следующий год. Первым же кубинским балеринам теперь нужно было готовиться к новым постановкам и совершенствовать свое мастерство под неустанным руководством любимого преподавателя.

Ключевым спектаклем следующего сезона стала постановка полной версии балета П. И. Чайковского «Спящая красавица». Премьера состоялась 26 октября 1932 года. Н. П. Яворский адаптировал сложную хореографию Мариуса Петипа к весьма скромным пока еще техническим возможностям своих подопечных. Принцессу Аврору танцевала безусловная фаворитка Н. П. Яворского Дельфина Перес Гурри. Алисия Мартинес, которой едва исполнилось одиннадцать лет, выступала в сольной партии Голубой птицы. По воспоминаниям очевидцев, она прекрасно справилась с этой сложной мужской партией. Уже тогда она поняла, что балет — это вся ее жизнь. Костюмы и декорации кубинского художника Рохелио Далмау, с этого дня оформлявшего практически все балетные спектакли SPAM, добавили постановке изящества и очарования. Фоторепортажи о премьере долго не сходили со страниц модных иллюстрированных журналов «Сосьяль» и «Картелес».

Следующие несколько лет деятельности балетной школы SPAM прошли под знаком развития творческого потенциала прежних и новых учеников и учениц. К 5 ноября 1933 года Н. П. Яворский подготовил новую концертную программу, вновь представленную зрителям театра «Аудиториум». Буквально на глазах совершенствовавшая свою танцевальную технику Алисия Мартинес выступала в хореографических этюдах на музыку разных композиторов. В тот вечер отличились и некоторые из учениц Н. П. Яворского последнего набора: сестры Ольга и Елена Томсон, Хосефина де Карденас, Карола Панераи. В следующем году были поставлены «Голубой Дунай», «Полька-коклет», «Половецкие пляски». Эти спектакли стали свидетельством мощного творческого роста целой плеяды молодых кубинских артистов.

Афиша «Русского балета Монте-Карло»

Примерно в то же время, пользуясь краткой остановкой в Гаване одного из бывших директоров «Русской частной оперы в Париже» Василия Григорьевича Воскресенского, руководившего в те годы труппой «Русского балета Монте-Карло» (Ballet Russe de Monte Carlo), Н. П. Яворскому удалось договориться о включении наиболее способных своих воспитанниц в состав русской труппы. Там, по его мнению, они смогли бы окончательно занять позиции профессиональных танцовщиц, приобрести большой

опыт выступлений за рубежом и серьезно повысить свой технический уровень. Первой в Европу, согласно подписанному в Гаване соглашению, в конце марта 1935 года отправилась Дельфина Перес Гурри. Примерно тогда же Гавану покинула и Марта Эндрюс, которой предстояло выступить в Нью-Йорке в ансамбле великого испанского танцовщика Висенте Эскудеро.

Оценивая работу Н. П. Яворского в балетной школе SPAM, можно сказать, что его педагогическая деятельность достигла кульминации к весне 1937 года. 10 мая его ученики представили на сцене театра «Аудиториум» «Лебединое озеро» П. И. Чайковского. Впервые в своей артистической карьере Алисия Мартинес исполняла партию Одетты-Одилии.

Последней крупной работой Н. П. Яворского для гаванского Общества музыкального искусства стала постановка балета-юморески «Времена года», созданного на музыку Фрица Крейсlera, Лео Делиба, П. И. Чайковского и некоторых других композиторов. Она имела место в марте 1938 года.

Закончив очередной курс обучения весной 1939 года, Н. П. Яворский навсегда расстался с гаванским Обществом музыкального искусства. Если смотреть в ретроспективе, то за годы его работы в SPAM через школу прошло около полутора тысяч учеников, многие из которых уже тогда не без успеха начали карьеру профессиональных артистов балета.

Освободившись от опеки SPAM, Н. П. Яворский развернул активную деятельность по созданию собственной балетной школы, основной задачей которой должно было стать создание профессиональных балетных трупп, состоящих из кубинских артистов. Балетная студия Николая Петровича была торжественно открыта 27 июня 1939 года, и уже к осени 1940 года она могла похвастаться определенными успехами. 12 ноября ее ученицы выступали в балетной программе, приуроченной к открытию выставки автомобилей в фешенебельном гаванском отеле «Насьональ». Выпускницы Н. П. Яворского показали хореографическую фантазию на афрокубинские темы «Бабалао» в исполнении Маргариты Лекуона, а также балет-композицию «Автомобили люкс» на музыку разных композиторов. 27 декабря того же года на арендованной сцене театра «Аудиториум» ученицы школы Н. П. Яворского совместно с Гаванским хоровым обществом Марии Муньос де Кеведо показали большую программу, составленную из балетных номеров, чередующихся с выступлениями хора.

Н. П. Яворский руководил собственной частной балетной студией в Гаване до 1941 года. Потом он оставил ее на попечение Марты Эндрюс и уехал в Сантьяго-де-Куба, где ему предложили возглавить балетную школу.

В последние месяцы своей жизни Н. П. Яворский руководил балетной школой в маленьком городке Мансанильо. Там он и умер 9 октября 1947 года.

Считается, что Николая Петровича Яворского нельзя отнести к звездам мирового балета первой величины, однако все специалисты признают его неординарные педагогические заслуги как первого учителя целой плеяды выдающихся кубинских артистов. Фактически именно он стал основателем балетной школы на Кубе, и сделано это было в крайне неблагоприятных условиях. Для того чтобы понять, в каких, следует напомнить, что в 30–40-х годах прошлого века Куба, маленькая страна в Карибском бассейне, находящаяся под властью диктатуры Фульхенсио Батисты (он будет свергнут Кубинской революцией лишь в январе 1959 года). Все в стране было подчинено интересам США. Национальная культура, как и все национальное, правительством не поощрялась и не поддерживалась.

В эти годы создание национального балета не было первоочередной задачей. Более того, Куба никогда не имела собственных балетных традиций. Не было известных кубинских балерин. Не было своей школы балетмейстеров. Не было подходящей сцены. Широкие народные массы вообще не были знакомы с этим видом искусства. Работать в таких условиях, естественно, было крайне сложно.

Самыми известными учениками Н. П. Яворского стали выдающаяся танцовщица Алисия Мартинес (по мужу Алисия Алонсо) и балетмейстер Альберто Хулио Райнери Алонсо (брат мужа Алисии Мартинес). Именно они в 1948 году организовали национальную труппу «Балет Алисии Алонсо» (с 1959 года — Национальный балет Кубы). Кстати сказать, именно Альберто Хулио Райнери Алонсо в апреле 1967 года по просьбе Майи Плисецкой поставил для нее в Большом театре балет «Кармен-сюита» на музыку Родиона Щедрина, ставший одним из важнейших событий в развитии российского балета середины XX века. В августе того же года он поставил в Гаване другую редакцию балета для Алисии Алонсо (ее партнером выступил брат Майи Плисецкой Азарий Плисецкий).

Глава одиннадцатая

ЛИКВИДАЦИЯ Л. Д. ТРОЦКОГО

Как известно, Дев Давидович Троцкий (Бронштейн) — видный деятель международного коммунистического движения, теоретик и практик марксизма, один из организаторов революции 1917 года и создателей Красной армии, один из основателей и идеологов Коминтерна, в первом советском правительстве — нарком по иностранным делам, а потом, с 1918 по 1924 год, — нарком по военным и морским делам, член Политбюро ВКП(б) — в 1927 году, проиграв борьбу за власть И. В. Сталину, был снят со всех постов, исключен из партии и сослан в Алма-Ату.

Ослепительная звезда Л. Д. Троцкого в один миг закатилась, а в 1929 году в довершение ко всему он еще и был выдворен за пределы СССР.

В том же 1929 году Л. Д. Троцкий прибыл в Турцию — на остров Принкипо, что в Мраморном море, вблизи Константинополя.

Обосновавшись в Турции, Лев Давидович начал издавать «Бюллетень оппозиции», написал автобиографию «Моя жизнь», создал свое основное историческое сочинение «История русской революции», посвященное событиям 1917 года, а главное — он стал выдавать одну за другой обличительные статьи против И. В. Сталина. Последнему это, конечно же, не понравилось, и спецслужбам был дан приказ на подготовку плана физического устранения противника.

В 1932 году Л. Д. Троцкий перебрался из Турции во Францию, но прожил там недолго. В 1935 году он уже обосновался в Норвегии. И всюду неугомонный Лев Давидович продолжал критиковать политику советского руководства, опровергая утверждения официальной пропаганды и советской статистики. За это в 1932 году он был лишен гражданства СССР.

Л.Д. Троцкий

Следует отметить, что с такой непримиримой позицией Л. Д. Троцкому было нелегко где-то прочно осесть после высылки из СССР. Многие помнили его предреволюционные метания по Европе, знали его как радикального политика и крайне неуживчивого человека, генерирующего вокруг себя проявления агрессии и экстремизма. В свое время его выслали из Австрии и Германии, сажали за решетку в Испании и Франции, не впускали в Англию, Швейцарию и Италию. За прошедшие с тех пор годы это, конечно же, не могло забыться. В результате Норвегия, не желавшая ухудшать отношения с СССР, стала всеми силами стараться избавиться от столь опасного «гостя»: у Л. Д. Троцкого были конфискованы все его произведения, а сам он был помещен под домашний арест.

Полпред СССР в Норвегии И. С. Якубович потребовал немедленной высылки Л. Д. Троцкого из страны. Требовали его удаления и представители правых партий. Вопреки яростным протестам Льва Давидовича в декабре 1936 года правительство Норвегии приняло решение о высылке. Более того, ему даже стали угрожать выдачей советскому правительству.

* * *

Это было крайне нежелательно, и в конце 1936 года Л. Д. Троцкий решил покинуть негостеприимную Европу, найдя себе убежище в Мексике, подальше от Советской России и агентов Кремля.

19 декабря 1936 года он покинул Норвегию на нефтеналивном танкере «Руфь», который 9 января 1937 года прибыл в мексиканский порт Тампико.

В Мексике Л. Д. Троцкий поселился в доме художников Фриды Кало и Диего Риверы, находившемся на южной окраине мексиканской столицы — в Койоакане (слово «Койоакан» в переводе с языка ацтеков означает «логово»).

Магдалена Кармен Фрида Кало родилась в 1907 году в Койоакане в семье немецкого еврея Вильгельма (или, как его называли в Мексике, Гульермо) Кало и мексиканки Матильды Кальдерон. Интересно отметить, что бабушка Фриды по отцовской линии Генриетта Кауфман приходилась дальней родственницей матери Бориса Пастернака (такая вот «гремучая смесь», в очередной раз наводящая на мысль о том, как тесен мир).

Семья Фриды была не слишком дружной (союз ревностной католички и равнодушного к религии европейца изначально был обречен на неудачу). Родители все время ругались прямо на глазах у впечатлительной девочки. А в шестилетнем возрасте Фрида перенесла полиомиелит и после болезни на всю жизнь осталась хромой (ее правая нога была тоньше левой). В пятнадцать лет она поступила в Национальную подготовительную школу с целью изучать медицину. В этой школе и произошла ее первая встреча с будущим мужем, известным мексиканским художником Диего Риверой, работавшим там над очередной росписью стен.

Фрида Кало

Диего Мария Ривера был на двадцать с лишним лет старше Фриды (он родился в 1886 году в городе Гуанахуато на северо-западе Мексики). Учась в Академии художеств Сан-Карло в Мехико, он был премирован стипендией, которая позволила ему поехать в Испанию. В результате с 1907 по 1921 год Диего Ривера жил в Европе, учился в Академии художеств в Мадриде, а потом — в Париже и в Италии. Побывал он также в Бельгии, Нидерландах и Великобритании. Был близко знаком с европейской художественной элитой, в том числе с Пабло Пикассо.

В 1922 году Диего Ривера, придерживавшийся троцкистских взглядов, вступил в Мексиканскую коммунистическую партию. Одновременно с этим он стал одним из основателей мексиканской школы монументальной живописи, расписав огромное число стен общественных зданий[29].

Судьба «чарующе привлекательной хромоножки» Фриды тем временем складывалась не так удачно. Дождливый вечером 17 сентября 1925 года она попала в тяжелую аварию. Школьный приятель Алехандро взялся подвезти ее до дома, но автомобиль врезался во встречный трамвай. Несчастного выбросило из машины, а лопнувшая трамвайная дуга буквально распорала живот девушки, раздробив ей таз, сломав позвоночник, ключицу, правую ногу и несколько ребер. После этого Фрида целый год была прикована к больничной койке, и она еще находила в себе силы шутить: «Я лишилась девственности необычным способом». Проблемы со здоровьем остались у нее на всю жизнь. Впоследствии ей пришлось перенести несколько десятков операций, месяцами не выходя из больниц. К сожалению, несмотря на горячее желание, после этого несчастья она не могла уже стать матерью.

Именно после этой трагедии Фрида впервые попросила у отца кисти и краски. Для девушки изготовили специальный подрамник, позволявший писать лежа. Над кроватью прикрепили большое зеркало, чтобы она могла видеть себя. В результате первой картиной Фриды был автопортрет, и это навсегда определило основное направление ее творчества. «Я пишу себя, потому что много времени провожу в одиночестве и потому что являюсь той темой, которую знаю лучше всего», — любила говорить она.

В 1929 году Фрида Кало стала женой Диего Риверы. Ему было сорок три года, ей — всего двадцать два. Сближало двух творческих людей не только искусство, но и общие политические убеждения — они были коммунистами. Их бурная совместная жизнь стала легендой...

* * *

В начале 1937 года в доме Диего Риверы[30] и Фриды Кало[31] нашел убежище Л. Д. Троцкий.

Их дом в Койоакане был построен за три года до рождения Фриды: толстые стены, плоская крыша, один жилой этаж... Планировка дома была выполнена так, что комнаты всегда оставались прохладными (все они выходили во внутренний двор). Дом стоял всего лишь в нескольких кварталах от центральной городской площади. В течение тридцати лет облик дома не менялся, но Диего и Фрида сделали его таким, каким его теперь знают очень многие: они выкрасили его в ярко-синий цвет и украсили в традиционном индейском стиле[32].

На стене дома сейчас можно увидеть надпись: «Фрида и Диего жили в этом доме с 1924 по 1954 год». Это не совсем верно. До поездки в США, где Диего и Фрида провели четыре года (до 1934 г.), в этом доме они жили совсем мало. В 1934–1939 годах они жили в двух домах, построенных специально для них в жилом районе Сан-Анхеле. Затем последовали долгие месяцы, когда Диего не жил вместе с Фридой, не говоря уже о том периоде, когда они разъезжались, разводились и снова сочетались браком.

Дом Д. Риверы и Ф. Кало, где жил Л.Д. Троцкий

Переезд в Мексику спас Л. Д. Троцкого от полного политического краха и забвения. Решающую роль при этом сыграла Фрида Кало. Исключительно одаренная, неукротимо амбициозная, с внешностью «роковой женщины», замешенной на огненной смеси еврейской, испанской и индейской крови, уверенная в своем высшем предназначении, Фрида Кало в «эпоху войн и революций», конечно же, была сторонницей марксизма и феминизма.

Ее гениальный муж был левак не из последних. В 1932 году, например, когда он исполнил фреску площадью почти сто квадратных метров в Рокфеллер-центре на Манхэттене, его упрашивали убрать фигуру Ленина из росписи, не упростили — случился скандал. Заказчик остался крайне недоволен. Некоторое время фреску прятали под занавесом, а в начале 1934 года ее уничтожили антикоммунистически настроенные элементы. Но упрямый Ривера впоследствии воссоздал фреску в Мехико, в оперном театре Паласио-де-Белла-Арт.

В 1927 году он сразу увлекся двадцатилетней художницей, остроумной, смелой и явно талантливой, и вскоре сделал ей предложение.

Маргарита Шкляревская в своей статье «Фрида Кало, рожденная космосом» пишет:

«Маленькая, хрупкая, искалеченная девушка обладала такой могучей, колдовской даже силой женского очарования, что устоять он не мог. Бешеная страсть, сгусток чувств... Немедленный развод с женой и, как говорил он сам, „два года ползанья у ног“. Наконец, вожденная женитьба».

В тот момент Ривере было за сорок, и он был свободен — он только что расстался со второй женой Гваделупой Марин, матерью двух его дочерей. Но уже в день свадьбы Диего показал свой взрывоопасный нрав: перебрав текилы, он начал палить в небо из револьвера. Увещевания только распяляли разгулявшегося художника. Случился первый семейный скандал, и Фриде пришлось в тот вечер бежать к родителям. Правда, проспавшись, Диего пришел просить прощения...

Конечно же, она простила его. После этого молодожены переехали в свою первую квартиру, а потом — в ставший знаменитым «Голубой дом» в Койоакане, самом «богемном» районе Мехико, где они прожили много лет.

Их семейная жизнь буквально бурлила страстями. Они не всегда были вместе, но не могли жить и врозь. Их связывали отношения, пословаодногиз друзей, «страстные, одержимые и порой мучительные». В 1934 году Диего Ривера изменил Фриде с ее младшей сестрой Кристиной, позировавшей ему. Сделал он это, не скрываясь, прекрасно понимая, что наносит жене оскорбление, но при этом отношений с ней он порывать и не думал. Удар для Фриды и в самом деле получился жестоким. Гордая женщина, она своей болью не желала делиться ни с кем, она лишь выплеснула ее на холст. Получилась весьма странная картина: обнаженное женское тело, иссеченное кровавыми ранами. Рядом с ножом в руке, с равнодушным лицом стоит тот, кто нанес все эти ужасные раны. «Всего-то несколько царапин!» — так назвала это полотно ироничная Фрида.

Диего Ривера и Фрида Кало

После измены Диего она решила, что тоже имеет право на любовные приключения. Он не мог не

изменять. Она, будучи человеком гордым и самодостаточным, решила отвечать ударом на удар. В «искаленную девушку» влюблялись, подчас вызывая ответную реакцию, такие крупные фигуры, как знаменитый американский фотограф венгерского происхождения Николас Мюрей, один из первых авангардистов в скульптуре японец Исаму Ногучи, приобщивший ее к сюрреализму французский писатель Андре Бретон...

Это бесило Риверу. Позволяя самому себе любые вольности, он был нетерпим к изменам Фриды. Знаменитый художник был болезненно ревнив. Однажды, застав жену с Исамой Ногучи, Диего выхватил пистолет. К счастью, стрелять он не стал, зато Фрида осыпала его самыми последними ругательствами.

* * *

Поселившись в доме Диего Риверы и Фриды Кало, Л. Д. Троцкий, провозгласивший «диктат мысли, свободный от всякого контроля разума», очень сильно увлекся женой Риверы (кстати, мексиканцы вспоминают этот факт весьма неохотно). Удивительно, но не выходявший из дома без револьвера Диего Ривера смотрел на бурный роман Л. Д. Троцкого и своей жены сквозь пальцы.

Остается лишь задаваться вопросом, чем мог увлечь импульсивную и экзальтированную по натуре Фриду уже немолодой, сильно полысевший и изможденный «сверхчеловек», имя которого — «синоним революции», который был почти на тридцать лет ее старше? Одни говорят, мексиканская художница просто восхищалась «трибуном русской революции» и тяжело переживала его высылку из СССР. Она была счастлива, что благодаря их с Диего усилиям он нашел в Мехико долгожданный приют. Есть и другая версия: экспрессивная троцкистка будто бы не смогла устоять под напором «экстракта революции» и «лучшего большевика».

Мексиканский паспорт Н.И. Сеговой-Троцкой

Увлёкся и Л. Д. Троцкий. Более того, почти 60-летний революционер вел себя, как мальчишка. Он буквально потерял голову, на глазах у всех расточал Фриде чрезмерные комплименты, будто невзначай притрагивался к ее руке, тайком касался под столом ее колена, без конца передавал какие-то записки.

Кульминация наступила, когда Фрида Кало провела, наконец, сутки наедине с Л. Д. Троцким в загородном поместье Сан-Мигель Регла в 130 километрах от Мехико. После этого их отношения скрывать уже было невозможно, о них узнали и Диего Ривера, и жена Троцкого. Последовали серьезные объяснения. Жена Льва Давидовича Наталья Седова, узнав об изменах мужа, настояла на разрыве его отношений с любовницей. Вымаливая у жены прощение, Л. Д. Троцкий назвал себя «ее старой верной собакой»...

Естественно, после этого изгнанники вынуждены были покинуть «Голубой дом».

Если Лев Давидович так и не решился оставить жену, то между Диего и Фридой произошел разрыв. Разумеется, испортились отношения и между Риверой и Троцким. Удивительно, но, расставшись с Троцким, Фрида Кало вдруг стала называть его «надоедливый стариком», а потом, 7 ноября 1937 года, в день рождения Льва Давидовича, взяла и подарила ему свой «Автопортрет с письмом в руках».

Диего Ривера с Л. Д. Троцким уже больше не помирились. Более того, после того как состоялось роковое покушение на Троцкого, художник оказался в числе подозреваемых. Все знали, что Ривера насмерть разругался со своим гостем, так почему бы импульсивному мужу-рогоносцу не отомстить своему сопернику?..

В результате Диего Ривере пришлось практически бежать в Сан-Франциско. Перебраться туда ему помогла красавица Полетт Годдард — бывшая жена Чарли Чаплина, снимавшаяся в его знаменитом фильме «Новые времена».

В связи с покушением на Л. Д. Троцкого потом арестовали и Фриду. Правда, через несколько дней ее отпустили, и она тоже уехала в Сан-Франциско, где во второй раз вышла замуж за простившего ее Риверу.

Маргарита Шкляревская по этому поводу пишет:

«Потом в ее жизнь вошла бисексуальность. Все — для самоутверждения. Был ли ее любовником Троцкий, семью которого Кало и Ривера приютили в своем доме, сомнительно, доказательств тому нет. Но то, что жена Троцкого к Фриде ревновала, — точно».

* * *

В общем, земля слухами полнится. Как бы то ни было, никаких достоверных свидетельств романтической связи Л. Д. Троцкого и Фриды Кало нет. Однако дом Фриды и Диего его семья покинула. Это факт. Поселился Лев Давидович с Натальей Седовой в доме, купленном за 17 000 песо. Большую часть из этих денег дал один торговец книгами, уроженец Одессы. Средств на жизнь не хватало, и Лев Давидович занялся приусадебным хозяйством. Пока он разводил кроликов и писал статьи, в СССР его заочно приговорили к смерти.

Л.Д. Троцкий со своими мексиканскими грузьями в 1940 году

Дом, где поселился Л. Д. Троцкий, находился на улице Вены, в предместье Мехико — голом, пыльном, малолюдном. Теперь «пророк в изгнании» был осторожен. В доме установили стальные двери, возвели высокие стены, наладили круглосуточную вооруженную охрану. Человек, привыкший повелевать многотысячными армиями, теперь жил в страхе возможного покушения.

Все это было связано с тем, что в январе 1937 года Л. Б. Троцкий и его старший сын от гражданского брака с Натальей Седовой Лев Львович Седов — активный участник троцкистского движения — были объявлены вне закона.

А 16 февраля 1938 года живший в Париже Лев Львович вдруг умер. Умер он от банального аппендицита, и большинство политических сторонников Л. Б. Троцкого тут же сочло, что он был либо убит сталинскими агентами в больнице, либо отравлен ими ранее (до операции он болел около года). В 1956 году Марк Зборовский, агент НКВД, внедренный в 30–40-е годы в троцкистское движение, дал показания в американском суде, согласно которым получалось, что это он тайно устроил Л. Л. Седова в небольшую клинику, принадлежавшую русским эмигрантам, и сообщил о ее местонахождении своему руководству. Однако советский разведчик генерал П. А. Судоплатов, отвечавший в это время за проводимые НКВД убийства за рубежом, утверждает, что к смерти Л. Л. Седова советские агенты не имели никакого отношения. В своей книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы» он пишет:

«Сын Троцкого, Лев Седов, носивший фамилию матери, находился под нашим постоянным наблюдением. Он являлся главным организатором троцкистского движения в Европе после того, как в 1933 году приехал в Париж из Турции. Мы располагали в Париже двумя независимыми друг от друга агентурными выходами на него. В одной ведущую роль играл Зборовский (подпольная кличка „Этьен“, он же „Тюльпан“). О нем подробно написал Волкогонов. Другую возглавлял Серебрянский. Зборовский навел нас на след архивов Троцкого, а Серебрянский, используя полученную информацию, захватил эти архивы, спрятанные в Париже, и тайно доставил их в Москву. Он сделал это при помощи своего агента „Гарри“, находившегося в Париже, и агента, работавшего во французской полиции.

В книге „Троцкий“ Волкогонов утверждает, будто архивы были вывезены Зборовским, тогда как на

самом деле тот даже понятия не имел, как была использована добытая им информация. Волкогонов также пишет, что Зборовский помог убить Седова, находившегося в то время во французской больнице. Сын Троцкого, как известно, действительно скончался в феврале 1938 года при весьма загадочных обстоятельствах, после операции аппендицита. Доподлинно известно лишь то, что Седов умер в Париже, но ни в его досье, ни в материалах по троцкистскому интернационалу я не нашел никаких свидетельств, что это было убийство. Если бы Седова убили, то кто-то должен был бы получить правительственную награду или мог на нее претендовать. В то время, о котором идет речь, было много обвинений в адрес разведслужбы, которая якобы приписывала себе несуществующие лавры за устранение видных троцкистов, однако никаких подробностей или примеров при этом не приводилось. Принято считать, что Седов пал жертвой операции, проводившейся НКВД. Между тем Шпигельглаз, докладывая Ежову о кончине Седова в Париже, упомянул лишь о естественной причине его смерти. Ежов, правда, комментировал сообщение словами: „Хорошая операция! Неплохо поработали, а?“ Шпигельглаз не собирался спорить с наркомом, который постарался приписать заслугу „убийства“ Седова своему ведомству и лично доложил об этом Сталину. Это способствовало тому, что НКВД стали считать ответственным за смерть Седова.

Когда мы с Эйтингоном обсуждали у Берии план ликвидации Троцкого, об устранении его сына ни разу не упоминалось. Легко предположить, конечно, что Седов был убит, но лично я не склонен этому верить. И причина тут самая простая. Троцкий безоговорочно доверял сыну, поэтому за ним велось плотное наблюдение с нашей стороны, и это давало возможность получать информацию о планах троцкистов по засылке агентов и пропагандистских материалов в Советский Союз через Европу. Его уничтожение привело бы к потере нами контроля за информацией о троцкистских операциях в Европе».

Как бы то ни было, Л. Д. Троцкий считал, что его безопасности в Мексике имеет место угроза. Учитывая, что консульство США в Мексике мало что могло сделать для усиления этой безопасности, Л. Д. Троцкий начали усиленно добиваться визы на въезд в США. Сначала делалось это под предлогом ухудшившегося состояния здоровья, когда же медицинские обоснования оказались неубедительными, Л. Д. Троцкий изменил тактику и стал утверждать, что выезд в США нужен ему для проведения исторических исследований.

В хлопотах о визе прошел 1939 год, наступил 1940 год. Все это время сталинская агентура не оставляла Л. Д. Троцкого в покое. В частности, в 1937 году отказался от сотрудничества с ним некий Максим Либер, ранее занимавшийся устройством статей Л. Д. Троцкого в наиболее популярные американские журналы и заключавший контракты с крупными американскими издательствами на публикацию его книг (позднее этот Либер был разоблачен как агент НКВД). В Мексике Л. Д. Троцкий был окружен плотным кольцом «людей в штатском». Помимо прямых агентов НКВД, информацию о его деятельности регулярно передавали сотрудники посольств СССР в США и Мексике.

Одновременно с этим Л. Д. Троцкий регулярно узнал о расправах над своими близкими родственниками. В 1937–1938 годах были расстреляны его младший сын Сергей Львович Седов, старший брат Александр Давидович Бронштейн, первая жена Анна Львовна Соколовская и мужья дочерей. Тогда же были арестованы сестра Троцкого О. Д. Каменева, жена Б. А. Бронштейна, второй сын и дочь А. Д. Бронштейна, жена С. Л. Седова и ряд других более отдаленных родственников.

С самого начала пребывания Л. Д. Троцкого в Мексике давление на мексиканское правительство с целью добиться его высылки из страны было столь велико, что даже президент Ласаро Карденас, относившийся к «трибуну русской революции» с известной долей уважения, ни разу не отважился лично встретиться с ним.

В середине 1937 года улицы Мехико были обклеены листовками, в которых утверждалось, что

Л. Д. Троцкий в союзе с мексиканскими реакционными генералами готовит в стране государственный переворот.

Мексиканская резидентура НКВД не брезговала и самыми кустарными попытками организации террористического акта. Так, например, в начале 1938 года в дом Л. Д. Троцкого попытался проникнуть один подозрительный тип, выдававший себя за посыльного, принесшего подарок. После того как охранники отказались впустить его в дом, он скрылся, а потом поблизости нашли пакет с взрывчатым веществом.

Практически всю информацию, поступавшую к Л. Д. Троцкому из Европы, перехватывали.

Бывший секретарь Л. Д. Троцкого француз Жан ван Эйженоорт, работавший с ним еще в Турции, в своих воспоминаниях рассказывает, что Лев Давидович не сомневался в намерениях НКВД внедрить агентов в его окружение, но тем не менее в ряде случаев не демонстрировал должной осторожности.

В. З. Роговин в своей книге «Партия расстрелянных» рассказывает:

«Весной 1938 года секретари Троцкого обратились к европейским троцкистам с просьбой порекомендовать русскую машинистку. Вскоре пришел ответ, что чешская девушка, в совершенстве владеющая русским языком, готова приехать в Мексику, но имеются подозрения в том, что она является сталинисткой. Когда Эйженоорт сообщил об этом Троцкому, тот сказал: „Пригласим ее! Мы привлечем ее на свою сторону“.

14 мая Троцкий писал своему бывшему секретарю Яну Френкелю: „Она еще совсем молодая женщина, ей всего восемнадцать лет. Я не верю, что она может быть ужасным агентом ГПУ. Даже если она питает симпатии к сталинистам и скверные намерения по отношению к нам, мы чувствуем себя достаточно сильными для того, чтобы наблюдать за ней, контролировать и перевоспитать ее“. Спустя месяц, вновь сообщая Френкелю о готовности немедленно принять эту девушку, Троцкий добавлял: „Восемнадцатилетняя девушка не сможет устраивать в нашем доме заговоры: мы сильнее. Через два или три месяца она будет полностью ассимилирована“».

* * *

В мае 1940 года было совершено первое (неудачное) покушение на жизнь Л. Д. Троцкого. Руководил этим покушением тайный агент НКВД Иосиф Григулевич (литовский вариант — Юозас Григулявичус) [\[33\]](#).

Давид Сикейрос. Автопортрет

Этот человек был направлен в Мексику для организации убийства Л. Д. Троцкого в мае 1938 года. В ноябре 1939 года его вызывали в Москву для отчета о ходе готовившейся операции, а в феврале 1940 года он вновь прибыл в Мексику.

В ночь с 23-го на 24-е мая 1940 года именно Иосиф Григулевич организовал вооруженное нападение на дом Л. Д. Троцкого в Койоакане.

Группу налетчиков возглавлял мексиканский художник-монументалист и убежденный сталинист Давид Альфаро Сикейрос, в свое время служивший офицером в армии мексиканского президента Венустиано Каррансы и участвовавший в Гражданской войне в Испании (там он дослужился до чина полковника).

В ночь с 23-го на 24-е мая группа Сикейроса, состоявшая из двадцати человек, переодетых в форму мексиканской полиции и армии, подъехала к дому Л. Д. Троцкого на четырех автомобилях. Ворота открыл Роберт Шелдон Харт, один из телохранителей Троцкого. Нападавшие, во главе с Сикейросом (он был переодет в форму майора мексиканской армии), перерезали телефонные провода и ворвались во внутренний дворик, где «майор» и братья Ареналь открыли бешеный огонь по дому.

Потом, ворвавшись в комнату, где находился Л. Д. Троцкий, покушавшиеся, особенно не целясь, расстреляли все патроны (было выпущено более двухсот пуль) и поспешно скрылись. Перед этим они, правда, сумели разоружить наружную охрану виллы, состоявшую из четырех полицейских-мексиканцев, проникли в сад и блокировали телохранителей из числа американцев-троцкистов. Все остальное было выполнено из рук вон плохо.

От верной смерти Л. Д. Троцкого спасла жена. Услышав выстрелы во дворе, она вбежала в спальню мужа и столкнула его на пол, в промежуток между кроватью и стеной. Не пострадала и сама Наталья Седова, а внук Троцкого Сева, спрятавшийся под кроватью в детской, был лишь ранен шальной пулей в ногу. По воспоминаниям самого Сикейроса, неудача была связана с тем, что члены его группы были неопытными в подобных делах и очень волновались, в связи с чем перед началом операции для храбрости выпили приличную дозу спиртного.

Безусловно, члены группы Сикейроса не были ни профессиональными убийцами, ни сталинскими боевиками. Одно дело воевать с франкистами в Испании, совсем другое — пристрелить среди ночи двух беззащитных стариков и мальчика, обреченно забившихся в угол спальни. Существует версия, что Сикейрос и не стремился к совершению убийства.

Генерал П. А. Судоплатов, отвечавший за проводимые НКВД убийства за рубежом, в своей книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы» пишет:

«Группа Сикейроса имела план комнат виллы Троцкого, тайно переправленный Марией де Лас Эрас[34], до того как ее отозвали в Москву. Она дала характеристику телохранителей Троцкого, а также детальный анализ деятельности его небольшого секретариата. Эта весьма важная информация была отправлена мною Эйтингону[35].

В конце 1939 года Берия предложил усилить сеть наших нелегалов в Мексике. Он привел меня на явочную квартиру и познакомил с Григулевичем (кодовое имя „Юзик“), приехавшим в Москву после работы нелегалом в Западной Европе. Он был известен в троцкистских кругах своей политической нейтральностью. Никто не подозревал его в попытке внедриться в их организацию. Его присутствие в Латинской Америке было вполне естественным, поскольку отец Григулевича владел в Аргентине большой аптекой.

Григулевич прибыл в Мексику в апреле 1940 года и по указанию Эйтингона создал третью, резервную, сеть нелегалов для проведения операций в Мексике и Калифорнии. Он сотрудничал с группой Сикейроса. Григулевичу удалось подружиться с одним из телохранителей Троцкого, Шелдоном Хартсом. Когда Харт находился на дежурстве, в предрассветные часы в ворота виллы постучал Григулевич. Харт допустил непростительную ошибку — он приоткрыл ворота, и группа Сикейроса ворвалась в резиденцию Троцкого. Они изрешетили автоматными очередями комнату, где находился Троцкий. Но, поскольку они стреляли через закрытую дверь и результаты обстрела не были проверены, Троцкий, спрятавшийся под кроватью,

остался жив.

Харт был ликвидирован, поскольку знал Григулевича и мог нас выдать. Инцидент закончился арестом лишь Сикейроса...

Покушение сорвалось из-за того, что группа захвата не была профессионально подготовлена для конкретной акции. Эйтингон по соображениям конспирации не принимал участия в этом нападении. Он бы наверняка скорректировал действия нападавших. В группе Сикейроса не было никого, кто бы имел опыт обысков и проверок помещений или домов. Членами его группы были крестьяне и шахтеры с элементарной подготовкой ведения партизанской войны и диверсий.

Эйтингон передал по радио кодированное сообщение о провале операции. Сообщение поступило к нам с некоторым опозданием, потому что оно шло через советское судно, находившееся в Нью-Йоркской гавани, оттуда шифрограмма по радио ушла в Париж к Василевскому^[36]. Он передал ее в Москву, но не придавал сообщению особого значения, поскольку не знал шифра. В результате Берия и Сталин узнали о неудавшемся покушении из сообщения ТАСС. Не помню точной даты, очевидно, это было майским воскресеньем 1940 года. Меня вызвали на дачу к Берии — за мной прислали его машину. На даче были гости: Серов, тогдашний нарком внутренних дел Украины, и Круглов, заместитель Берии по кадрам. Когда я вошел, они обедали.

Генерал Н.И. Эйтингон

Берия, судя по всему, не хотел обсуждать наше дело в их присутствии. Он жестом отослал меня в сад, где росли субтропические растения, посаженные им в надежде, что они сумеют выжить в суровом московском климате. Садом занимались его жена Нина, агроном по образованию, и сын Сергей. Берия представил меня им и прошел со мной в дальний угол сада. Он был взбешен. Глядя на меня в упор, он начал спрашивать о составе одобренной мною в Париже группы и о плане уничтожения Троцкого. Я

ответил, что профессиональный уровень группы Сикейроса низок, но это люди, преданные нашему делу и готовые пожертвовать ради него своими жизнями. Я ожидаю подробного отчета из Мексики по радиоканалам через день-два. После нашего разговора мы вернулись в столовую, и Берия приказал мне немедленно возвращаться на работу и информировать его сразу же, как только я узнаю о дальнейших событиях».

Как видим, в книге генерала П. А. Судоплатова о группе Сикейроса написано очень мало, обтекаемо и расплывчато, а о провале группы — вполне определенно: «группа не была профессионально подготовлена для конкретной акции», и «Эйтингон по соображениям конспирации не принимал участия в этом нападении». Возможно, Сикейроса использовали «втемную»: получится — хорошо, нет — ничего страшного. Просто имела место демонстрация левого экстремизма, а им тогда «болела» вся Латинская Америка, в среде же творческой интеллигенции, к которой принадлежал Сикейрос, не быть «леваком» вообще считалось неприличным.

Следует еще раз сказать, что при организации покушения, чтобы пройти в дом, где жил Л. Д. Троцкий, было решено ввести в его круг «своего человека», который должен был открыть дверь вооруженным террористам. Этим человеком оказался Роберт Шелдон Харт, 23-летний охранник из США, всего полтора месяца назад прибывший в Койоакан. В назначенный день в четыре часа утра он открыл дверь, и члены группы Сикейроса проникли в дом.

Всеволод Платонович Волков^[37] впоследствии вспоминал:

«Около четырех часов утра возле дома появилась группа вооруженных людей. На звонок у ворот калитку открыл старший охранник Роберт Шелдон. Надо заметить, что вилла являлась небольшой крепостью с зарешеченными окнами, с колючей проволокой под током, с сигнализацией и охраной из добровольцев-троцкистов. Однако налетчикам удалось связать наружную охрану и запереть ее в караульном помещении. Как выяснилось позже, Роберт Шелдон оказался в числе заговорщиков и впустил их.

Стрельбу открыли из автоматов сразу в нескольких комнатах, не зажигая света, и вели около двух минут. Всего было истрачено две сотни патронов.

Я спал в соседней комнате, слышал и видел, как они стреляли. Услышав стрельбу, я выбежал из дома и вбежал в помещение, где была охрана. У меня с тех пор на пальце ноги остался небольшой шрам — одна пуля прошла, задев край моей ступни.

Затем нападавшие распахнули ворота и на двух автомобилях охраны умчались в темноту.

Спустя некоторое время я услышал в доме голос моего дедушки. В тот момент он мне показался несколько не испуганным, а даже радостным, будто ничего не случилось. Он был рад, что остался жив. Скорее всего, дедушку и бабушку спасла щель между кроватью и стеной, куда оба успели юркнуть.

С той поры дедушка каждое утро, как только дневной свет проникал в затемненную спальню, любил повторять: „Нам дали еще один день жизни, Наташа!“»

На протяжении месяца полиция потом разыскивала этого самого Роберта Шелдона Харта. Лишь 25 июня его тело с пулей в затылке было найдено во дворе дома, который арендовали участники неудавшегося покушения. Вслед за этим возникли две версии: большинство утверждало, что Харт был агентом НКВД, убитым своими поделыми из-за опасения, что он может рассказать лишнее, если попадет в руки полиции, Л. Д. Троцкий, напротив, оставался убежденным в том, что Харт был не участником покушения, а его жертвой. Он даже приказал прикрепить у входа на виллу мемориальную табличку с надписью: «В память Роберта Шелдона Харта, 1915–1940, убитого Сталиным».

Как бы то ни было, уже в июле 1940 года Иосиф Григулевич выехал из Мексики в США, а потом работал в странах Латинской Америки. В частности, он был резидентом в Южной Америке, занимался созданием агентурной сети НКВД в Аргентине, Чили, Уругвае и Бразилии, формировал диверсионные группы. В частности, осенью 1945 года он работал в Бразилии под именем Теодоро Кастро, гражданина Коста-Рики. В ноябре 1953 года он вернулся в Москву, где и скончался в 1988 году (похоронен на Донском кладбище).

Давид Альфаро Сикейрос после неудавшегося покушения скрылся в провинции, но вскоре был арестован. Он предстал перед судом, где заявил, что нападение преследовало целью не убийство Л. Д. Троцкого, а лишь «выражение протеста против его пребывания в Мексике». Суд благожелательно отнесся к подобному заявлению, и Сикейрос был оправдан. Правда, потом он все же был брошен в тюрьму за свою политическую деятельность, но в 1964 году власти освободили его под давлением международного общественного мнения. Он неоднократно приезжал в Москву (в 1927, 1955, 1958 и 1972 гг.). Сикейрос впоследствии стал знаменитым художником, чье монументально-декоративное сооружение «Полифорум» в Мехико известно во всем мире. Скончался он в 1974 году в городе Куэрнавака.

Руководство Мексиканской компартии сразу после неудавшегося покушения выступило с заявлением о том, что Сикейрос не является членом партии, что он — человек, не отвечающий за свои действия, «которого считают полусумасшедшим». По поводу подобных заявлений Л. Д. Троцкий писал:

«У Сикейроса были, несомненно, „недоразумения“ с теми или другими вождями Мексиканской компартии: зависть, интриги, взаимные доносы вообще характеризуют эту среду. Но Сикейрос никогда не рвал с Кремлем^[38]. Он всегда оставался верным агентом Сталина. В Испании он... вёл работу под руководством советских агентов ГПУ. Он вернулся в Мексику, как надежный агент Москвы. Все сталинские и полусталинские группы чествовали его».

В любом случае задача, поставленная И. В. Сталиным, осталась невыполненной. Вину за неудачное покушение решено было свалить на американца Роберта Шелдона Харта (Сикейрос поспешил доложить, что Харт их предал, и потому его люди стреляли в пустую кровать). Считается, что Харт был убит братом жены Сикейроса Луисом Ареналем, тоже живописцем. Когда покушавшиеся отмечали в ресторане «успех» своей акции, этот самый Луис Ареналь заявил:

— Давид, теперь ты станешь генералом!

— А тебе дадут народного художника! — со смехом парировал Сикейрос.

Однако шутки — шутками, но серьезные спецслужбы никогда не бросали и не бросают дела недоделанными. Жить Л. Д. Троцкому оставалось менее трех месяцев, и он прекрасно осознавал это. Его внук Всеволод Платонович Волков позднее вспоминал:

«После покушения были приняты дополнительные меры безопасности, и мы больше уже не выезжали за город. Кроме того, сторонники Троцкого в коммунистической партии США приняли решение усилить охрану дома, где жил дедушка. Был организован сбор денег, на которые укрепили забор и наняли еще охранников. Но сам Лев Троцкий считал, что все эти меры были несерьезны и напрасны. Он был уверен, что если спланируют еще одно покушение, оно будет организовано иначе. Да и манера его осуществления будет другой.

Однако он не хотел стать затворником, прекратив все отношения с внешним миром. Дом Троцкого никогда не был закрытым. К нам часто приходили журналисты, интеллектуальные люди того времени, даже люди из других стран приезжали».

Ю. В. Емельянов в своей книге «Троцкий. Мифы и личность» отмечает спокойствие Л. Д. Троцкого после покушения. Он пишет:

«Причина спокойствия Троцкого объяснялась тем, что он был внутренне готов к смерти и, может быть, гораздо в большей степени, чем признавался в этом самому себе. Где-то помимо своего сознания он уже признал, что проиграл схватку со своим смертельным врагом, и поэтому спокойно ждал неминуемого исхода».

* * *

Как известно, агент НКВД Рамон Меркадер, проникший в окружение Л. Д. Троцкого, смертельно ранил его 20 августа 1940 года, а 21 августа Лев Давидович умер.

Внук Л. Д. Троцкого Всеволод Платонович Волков потом вспоминал о Рамоне Меркадере и о том, что тот совершил:

«Этот человек был фанатом сталинизма, участником гражданской войны в Испании. Сейчас, когда стали доступны архивы КГБ, можно с большой точностью проследить все шаги по подготовке убийства Троцкого. Подготовка шла по следующей схеме: Сталин, Берия, Леонид Эйтингтон^[39], его любовница, Каридад Меркадер, и ее сын, каталонец Рамон Меркадер (под псевдонимом Джексон)^[40]. Именно они были людьми, убившими руководителя Красной Армии и соратника Ленина.

Эйтингтон участвовал в Гражданской войне в Испании под псевдонимом генерал Котов. Там же он сошелся с барселонской коммунисткой Каридад Меркадер, завербовав ее, а позднее и ее сына, Рамона Меркадера, в качестве агентов НКВД.

Рамон оказался прекрасным исполнителем. Очень умный, физически тренированный, он бегло говорил на нескольких языках и отличался редким самообладанием. Вдобавок имел быструю реакцию, фотографическую память, способность ориентироваться в темноте и усваивать сложнейшие инструкции. Будучи схваченным после убийства Троцкого, Рамон за месяцы интенсивных допросов не выдал никакой информации об НКВД. Его личность установили только в 1953 году.

В интересах задания назвавшись журналистом Жаком Моринаром, будущий убийца завел роман с Сильвией Агелофф, секретаршей Троцкого, и та никогда не сомневалась в искренности любви партнера. Он демонстрировал полное безразличие к политике, рассказывая с любовью о вымышленной им богатой матери в Бельгии.

Таким образом, Меркадер как поклонник Сильвии, а потом как журналист постепенно вошел в доверие к охране и самому Троцкому. Несколько раз дедушка рецензировал его статьи. Злоумышленник часто приглашал сотрудников охраны пообедать в дорогих столичных ресторанах. А когда он уезжал из Мехико, то оставлял свой автомобиль охране.

На роковую встречу 20 августа 1940 года Меркадер, несмотря на жару, явился с плащом через руку, пряча при себе кинжал, револьвер и ледоруб. Воспользоваться довелось последним. Когда Троцкий, сидя в кабинете, читал принесенный журналистский материал, Меркадер сзади ударил его ледорубом в темя.

Услышав в доме переполох, ожидавшие в машине за углом Эйтингтон и мать убийцы скрылись...

Я возвращался в хорошем настроении из школы, шагая по улице Венской, в конце которой стоял наш дом. Внезапно я заметил вдали нечто необычное: на пыльной дороге был небрежно припаркован автомобиль, а полицейские стояли у входа в дом. Я почувствовал, что в доме произошло нечто ужасное и что на этот раз мы окажемся менее удачливы, чем прежде.

Инстинктивно я ускорил свой шаг, быстро подошел к открытым воротам и вошел в сад, где столкнулся с американским охранником Гарольдом Робинсоном. Он был очень возбужден, держал в руках револьвер и громко повторял: „Джексон! Джексон!“

В этот момент я не понял значение этого восклицания. Какое отношение имел к тому, что случилось, приятель американской троцкистки Сильвии Агелофф? Но когда я подошел к дому, то натолкнулся на удерживаемого двумя полицейскими человека с лицом, покрытым кровью, которого немедленно узнал. Этого человека я знал как Джексона. Он повторял: „Моя мать в их руках! Они заставили меня сделать это!“

Подбежавшие телохранители деда начали избивать убийцу. Когда я приблизился к кабинету бабушки, то увидел его лежавшим на полу в окружении бабушки и сотрудников охраны. Он повторял: „Не убивайте его — он должен заговорить!“

Дедушка оказался прав, когда еще в 1936-м написал: „Сталин стремится нанести удар не по идеям своего оппонента, а по его черепу“».

Слова внука Л. Д. Троцкого, безусловно, нуждаются в пояснениях.

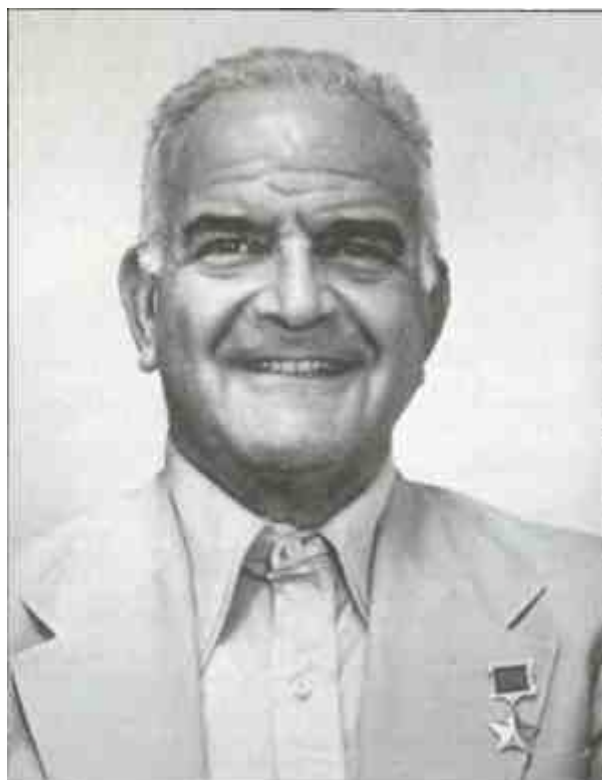
Убийцу Л. Д. Троцкого звали Хайме Рамон Меркадер дель Рио Эрнандес. Он родился в 1914 году в Барселоне в хорошо обеспеченной семье. Его мать звали Каридад Меркадер (в девичестве — дель Рио). Она была испанской коммунисткой, «ультрасталинисткой» (ее прадед в свое время был испанским послом в России). После развода с мужем Пабло Меркадером в 1925 году она с пятью детьми некоторое время жила в Париже. Во время Гражданской войны в Испании Каридад Меркадер воевала на стороне республиканцев. По свидетельствам участников войны, она пользовалась большим уважением в партизанском подполье, была даже тяжело ранена в живот.

Под влиянием матери Рамон Меркадер рано включился в революционное движение. Он неоднократно подвергался арестам, был членом компартии. С июля 1936 года он участвовал в Гражданской войне в Испании, в звании лейтенанта был комиссаром на Арагонском фронте.

В 1937 году (по другим данным, в 1938 г.) смуглолицая «креолка» Каридад Меркадер была завербована советским резидентом в Барселоне Леонидом Эйтингоном [\[41\]](#). Вместе с ней был завербован и Рамон.

Леонид Эйтингон был направлен в Испанию для организации ликвидации Л. Д. Троцкого. Операция получили кодовое название «Утка». Завербованная Каридад Меркадер получила в этой операции оперативный псевдоним «Мать», а ее сын, выбранный на роль надежного исполнителя, — оперативный псевдоним «Раймонд».

Когда республиканцы проиграли войну в Испании, Рамон Меркадер и его мать приехали в СССР. В Москве Рамон Меркадер прошел хорошую подготовку в одной из спецшкол НКВД.

Рамон Меркадер

Генерал П. А. Судоплатов в своей книге сообщает:

«Рамон Меркадер сам вызвался выполнить задание, используя знания, полученные им в ходе партизанской войны в Испании. Во время этой войны он научился не только стрелять, но и освоил технику рукопашного боя».

Как видим, Рамон Меркадер был готов убить «демона революции» любым способом, а его мать, взволнованная и одновременно гордая его ролью в предстоящей операции, дала сыну свое «благословение».

Из Москвы Рамон Меркадер был направлен в Париж, где познакомился с секретаршей Л. Д. Троцкого — американкой Сильвией Агелофф. Эта девушка из-за своей вполне заурядной внешности никогда не пользовалась успехом у мужчин. Меркадер тут же пленил ее. Из Парижа молодые люди перебрались в Мексику, и там Рамон быстро втерся в доверие к Л. Д. Троцкому, безраздельно доверявшему своей сотруднице и симпатизировавшему молодым зарубежным коммунистам. Испанец часто приносил ему свои статьи, написанные, конечно же, специально для этого в Москве.

Слово «утка» в кодовом названии операции, естественно, употреблялось в значении «дезинформации», целью которой являлась компрометация Л. Д. Троцкого. В случае задержания Рамона Меркадера полицией после выполнения задания планировалось информировать следствие о том, что мотивом преступления было увлечение Л. Д. Троцкого молодой Сильвией Агелофф, за которой «ухаживал» агент «Раймонд».

На протяжении нескольких недель, когда Рамон Меркадер посещал дом Л. Д. Троцкого, он не вызывал у того подозрений. Это тем более удивительно, что вскоре после нападения группы Сикейроса Л. Д. Троцкий сказал мексиканскому журналисту Эдуарду Варгасу: «Я буду убит либо одним из тех, кто находится здесь, либо одним из тех, кто имеет доступ в этот дом. Потому, что Сталин не может оставить меня в живых».

Когда Л. Д. Троцкий проникся полным доверием к Рамону Меркадеру, тот завернул в плащ ледоруб (в НКВД ему настоятельно рекомендовали не полагаться на темноту и огнестрельное оружие) и появился в доме под предлогом того, что ему надо посоветоваться с хозяином по поводу важной статьи. В тот роковой день «Джексон», несмотря на жару, пришел в шляпе и с плащом через руку, под которым уместились и ледоруб, и пистолет крупного калибра. У Л. Д. Троцкого не было ни единого шанса.

* * *

Вид «Джексона» был очень необычным, а цвет лица — серо-зеленым. Встретившая его Наталья Ивановна Седова спросила:

Кабинет Л.Д. Троцкого

— Почему вы в шляпе и с плащом? Погода ведь такая солнечная.

— Да, но вы знаете, это не надолго, может пойти дождь, — ответил «Джексон».

Затем он направился к Л. Д. Троцкому. Наталья Ивановна еще раз спросила:

— А ваша статья готова?

— Да, готова.

Как обычно, Л. Д. Троцкий, обменявшись несколькими словами с «Джексоном», пригласил его в свой кабинет. Через несколько минут Рамон Меркадер нанес ледорубом по его затылку страшный удар, который, как он полагал, немедленно убьет Льва Давидовича. Ледоруб вошел в череп на семь

сантиметров. Однако Л. Д. Троцкий не умер. Он пронзительно закричал, повернулся, напал на убийцу и успел схватиться за ледоруб. Несмотря на повторный удар, Л. Д. Троцкий нашел в себе силы выбраться из кабинета в гостиную. На крики прибежали охранники и схватили «Джексона».

Вспоминая об этих минутах, Н. И. Седова потом рассказывала:

«Я услышала ужасный, потрясающий крик. Не отдавая себе отчета, чей это крик, я бросилась на него. Между столовой и балконом, на пороге, у косяка двери, опираясь на него... стоял Лев Давидович... с окровавленным лицом и ярко выделяющейся голубизной глаз без очков и с опущенными руками... Я обняла его... Мы отошли на несколько шагов, и Л.Д. с моей помощью опустился на пол, на дорожку.

— Наташа, я тебя люблю... — он сказал это так неожиданно, так значительно, почти строго, что я, без сил от внутреннего содрогания, склонилась к нему...

— Знаешь, там, — он глазами указал на дверь своей комнаты, — я почувствовал... понял, что он хочет сделать... он хотел меня... еще раз... но я ему не дал, — говорил спокойно, тихо, прерывающимся голосом».

Ю. В. Емельянов в своей книге «Троцкий. Мифы и личность» пишет:

«По первоначальному сценарию покушения его роль была вспомогательной. Меркадер должен был лишь подробно описать дом Троцкого и типичный распорядок дня в доме. Однако после провала первого покушения на Троцкого агенты НКВД приказали Меркадеру осуществить убийство».

Когда «Джексона» схватили, охранники принялись жестоко избивать его. В этот момент покушавшийся — в первый и последний раз — потерял контроль над собой, однако он не забыл о том, что ни в коем случае не должен говорить по-испански. Он кричал на французском языке:

— Они заставили меня сделать это... Они держат в тюрьме мою мать. Они собираются убить ее... Пожалуйста, убейте меня! Я хочу умереть!

Его жертва еще успела сказать:

— Его убивать нельзя... Надо заставить его говорить... Узнайте, кто его послал...

Охрана попыталась выполнить приказ Л. Д. Троцкого до прибытия полиции, но, несмотря на жестокие побои, Рамон Меркадер молчал. Тем временем прибыли врачи, пытавшиеся спасти истекающего кровью Л. Д. Троцкого.

Тот еще успел прошептать:

— Я чувствую... Это конец... На этот раз они преуспели...

Могила Л.Д. Троцкого и Н.И. Сеговой

Он был помещен в госпиталь. Там он впал в бессознательное состояние, у него отнялись конечности. На следующий день, 21 августа 1940 года, в 7 часов 25 минут вечера по местному времени, Л. Д. Троцкий скончался.

* * *

Во время покушения Рамона Меркадера его мать вместе с Леонидом Эйтинггоном находилась в машине неподалеку от дома Л. Д. Троцкого, чтобы сразу же после убийства увезти «Джексона» по заранее разработанному маршруту — в США, оттуда пароходом во Владивосток, а затем — в Москву. Когда стало ясно, что Рамон Меркадер схвачен, Эйтингон и Каридад немедленно скрылись, а затем перебрались на Кубу. Спустя некоторое время они уже были в США, где совместно с нью-йоркской резидентурой НКВД провели «большую организационную работу по облегчению участи» Рамона Меркадера.

Незадолго до нападения Гитлера на СССР Леонид Эйтингон и Каридад Меркадер прибыли в Москву. За несколько дней до начала войны они вместе с генералом П. А. Судоплатовым были приглашены в Кремль, где «всесоюзный староста» М. И. Калинин вручил им ордена Ленина.

В первые годы войны Каридад Меркадер проживала в Уфе. В 1944 году она сумела добиться разрешения переехать во Францию, в Париж, откуда она всего два раза приезжала в гости к сыновьям, оставшимся в Москве. Умерла она в 1975 году.

Судьба Рамона Меркадера сложилась сложно, но в целом достаточно благоприятно. Его первым адвокатом стала кубинка Офелия Домингес, известный юрист, выступавшая «под легендой» дальней родственницы обвиняемого. Л. П. Берия объявил генералу П. А. Судоплатову о решении не жалеть никаких денег для защиты секретного агента. Адвокаты должны были доказать, что убийство не имеет никакого отношения к деятельности НКВД.

По словам брата убийцы Л. Д. Троцкого Луиса Меркадера, во время пребывания Рамона в тюрьме на

него было израсходовано около пяти миллионов долларов. Эти средства шли не только на оплату лучших адвокатов, но и на всемерное облегчение условий тюремного заключения (Меркадер, например, «снимал» в тюрьме роскошный «отдельный номер» со всеми удобствами, включая даже страшную по тем временам новинку — телевизор), а также на содержание агентов в Мехико, которые осуществляли с арестованным бесперебойную связь. Эти агенты через посредников были связаны с резидентурой в Нью-Йорке. Такая цепочка связи успешно действовала вплоть до конца 1943 года, когда после восстановления дипломатических отношений между СССР и Мексикой там стали действовать резиденты советской внешней разведки, которым были переданы каналы связи с Рамоном Меркадером.

В конечном итоге мексиканский суд в мае 1944 года вынес окончательный приговор: двадцать лет тюремного заключения. Такова была высшая мера наказания в этой стране.

Надо сказать, что на протяжении нескольких лет мексиканские власти прилагали настойчивые усилия для выявления подлинного имени Меркадера. Полиция установила, что убийца не является ни бельгийцем, ни французом, ни канадцем. Выйти же на «испанский след» мешало то обстоятельство, что заключенный упорно заявлял, что не знает испанского языка, и ни разу ничем не обнаружил это свое знание.

Лишь когда в Мексику было доставлено из Испании полицейское досье Рамона Меркадера, его дальнейшее запырительство стало бессмысленным. Перед лицом неопровержимых улик он признал свое настоящее имя и свое происхождение. Однако вплоть до освобождения он отказывался признать, что убил Л. Д. Троцкого по приказу из Москвы, всячески подчеркивая исключительно личные мотивы убийства (согласно «легенде», он хотел жениться на Сильвии Агелофф, секретарше Л. Д. Троцкого, но тот якобы запретил этот брак).

Свой тюремный срок в мексиканской тюрьме Рамон Меркадер отбыл полностью, «от звонка до звонка». Незадолго до выхода из тюрьмы ему был вручен чехословацкий паспорт. 6 мая 1960 года он был выпущен на свободу и в тот же день вылетел в Гавану. 7 мая он уже находился на борту теплохода, направлявшегося из Гаваны в Москву. Еще через две недели он был в Москве, где ему выдали советские документы на имя Рамона Ивановича Лопеса.

Председатель КГБ А. Н. Шелепин направил Н. С. Хрущеву докладную записку с предложениями о награждении Рамона Меркадера, предоставлении ему советского гражданства и решении вопросов его материального обеспечения. В этой записке было сказано:

«В силу своей безграничной преданности делу коммунизма и Советскому Союзу в период следствия и судебного разбирательства, а также на протяжении почти 20-летнего пребывания в тюрьме в условиях не прекращавшейся против него кампании угроз и провокаций, проявил смелость, стойкость и высокую идейность, присущие настоящему коммунисту, и сохранил в тайне свою связь с органами государственной безопасности Советского Союза».

На основе этой записки 31 мая 1960 года был подписан секретный указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором говорилось:

«За выполнение специального задания и проявленные при этом героизм и мужество присвоить тов. Лопесу Рамону Ивановичу звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали „Золотая Звезда“».

Герою Советского Союза Рамону Меркадеру дали специальную генеральскую пенсию от КГБ, должность сотрудника Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, четырехкомнатную квартиру в Москве и подмосковную государственную дачу.

Тем не менее обласканный советскими властями Рамон Меркадер временами проявлял

строптивость. Например, когда он только приехал в СССР, он первым делом спросил, где может найти Леонида Эйтингона, и был изумлен, узнав, что его наставник и непосредственный руководитель находится в тюрьме. В течение 60-х годов Меркадер неоднократно обращался в ЦК и КГБ с просьбами об освобождении Эйтингона[42] и Судоплатова[43]. Он сумел дойти даже до «серого кардинала» советского строя М. А. Суслова, который заявил ему:

— Мы решили для себя судьбу этих людей раз и навсегда. Не суйте нос не в свои дела.

В начале 70-х годов Меркадер (а ныне Рамон Иванович Лопес) заявил, что тяжело переносит российский климат. Узнав об этом, «кубинские друзья» пригласили его в свою страну, предложив ему работать в качестве консультанта по вопросам трудового воспитания в системе МВД. В этой стране он и скончался 18 ноября 1978 года. Следуя его воле, урна с его прахом была захоронена на Кунцевском кладбище в Москве.

Ракель Мендоса, вдова Рамона Меркадера, в Москве долгое время работала диктором в испанской редакции Московского радио.

* * *

Л. Д. Троцкий был похоронен во дворе собственного дома. Его тело было кремировано. Лаконичный памятник с серпом и молотом создал мексиканский архитектор и живописец Хуан О'Горман. Всего за одни сутки. Урна с прахом находится сзади памятника. Рядом расположена и урна с прахом Н. И. Седовой. На углу улицы Вены и поныне каждый август собираются троцкисты, чтобы помянуть своего вождя. С годами их не становится меньше...

В 2005 году было сообщено, что в Мексике нашли знаменитый ледоруб со следами крови Л. Д. Троцкого. По сообщению газеты «The Guardian», Анна Алисия Салас — дочь бывшего сотрудника мексиканской секретной службы — заявила, что этот ледоруб находится у нее. По ее словам, ее отец — капитан полиции Альфредо Салас — в свое время украл ледоруб, потому что хотел сохранить его для истории.

Музей Л.Д. Троцкого в Мексике

Внук Л. Д. Троцкого Всеволод Платонович Волков, который до сих пор проживает в Мексике, заявил, что готов предоставить свою кровь для проведения анализов на ДНК, но при единственном условии — госпожа Салас должна передать ледоруб в музей, расположенный в доме, где убили Л. Д. Троцкого. На это Анна Алисия Салас ответила: «Я полагаю, что такая исторически важная вещь чего-то стоит, не правда ли?» И она предложила внуку Л. Д. Троцкого купить у нее оружие, которым убили его деда. При этом сумма предполагаемой сделки не была оглашена.

* * *

Первой женой Л. Д. Троцкого была Александра Львовна Соколовская, родившаяся в 1872 году и погибшая во время «ежовщины» предположительно в 1938 году (она жила в Ленинграде, работала завучем и была арестована в 1935 г., после чего ее отправили в Колымский трудовой лагерь).

Революционерка А. Л. Соколовская была женой Л. Д. Троцкого в 1899–1902 годах, находясь вместе с ним в тюрьме и в сибирской ссылке. У них было две дочери — Зинаида (родилась в 1901 г.) и Нина (родилась в 1902 г.).

Дочерей А. Л. Соколовской и Л. Д. Троцкого воспитывали Давид Леонтьевич и Анна Львовна Бронштейны, родители Л. Д. Троцкого.

Нина в 1928 году умерла от туберкулеза. До этого, выйдя замуж за инженера М. С. Невельсона, она успела родить двух детей — сына Льва (в 1921 г.) и дочь Волину (в 1925 г.). М. С. Невельсона не стало в 1937 году, а судьба Льва и Волины неизвестна (возможно, они попали в детдом, где им поменяли имена и фамилии).

Старшая дочь Л. Д. Троцкого Зинаида после революции вышла замуж за З. Б. Моглина, но быстро развелась с ним. Позже она вышла замуж за Платона Ивановича Волкова, члена ЦК профсоюза работников просвещения, но тот в 1928 году был арестован во время очередной «чистки» и сослан. Из ссылки он сумел вернуться, однако в 1934 году был снова задержан, и дальнейшая его судьба неизвестна (по всей вероятности, он был расстрелян).

В 1930 году Зинаида получила разрешение на выезд из СССР. Некоторое время она жила вместе с сыном у отца в Турции, затем, оставив сына отцу, лечилась от психического расстройства в Берлине. В 1932 году вместе с отцом она была лишена советского гражданства. 5 января 1933 года, находясь в глубокой депрессии, она покончила жизнь самоубийством, открыв газовый кран.

От первого брака Зинаида имела дочь Александру (1926–1989), в замужестве Александру Захаровну Бахвалову, которая провела несколько лет в тюрьмах, была освобождена и реабилитирована в 1956 году.

Во втором браке у Зинаиды родился сын Всеволод Платонович Волков (Сева). Он появился на свет 7 марта 1926 года. Произошло это в Ялте, куда его мать по рекомендации врачей приехала рожать из Москвы. Потом вместе с матерью он уехал за границу и некоторое время жил в Турции — у бабушки на острове Принкипо. Здесь его «вторая бабушка» (так Сева называл Н. И. Седову) учила его читать и писать. Потом, как мы уже знаем, Зинаида Львовна отправилась в Берлин, а сына оставила бабушке и «второй бабушке» (кстати сказать, незадолго до смерти матери в 1933 г. Сева приезжал к ней в Берлин).

После того как мать покончила жизнь самоубийством, Севу увезли в Вену, где он прожил два года. За это время он почти совсем забыл русский язык. Затем его забрал в Париж его дядя Лев Львович Седов. В его семье принято было говорить только по-французски.

После смерти Л. Л. Седова в 1938 году некоторое время Сева продолжал жить в доме вдовы своего дяди. К этому времени Л. Д. Троцкий уже жил в Мехико, столице единственного государства, которое согласилось принять его.

В августе 1939 года 13-летний Сева Волков тоже переехал в Мексику, которая после стольких лет постоянного бегства стала его настоящей родиной.

Позже Всеволод Платонович Волков вспоминал:

«Встретили меня с большой радостью. Они жили в доме с садом, который арендовали у итальянского мексиканца Антонио Турати. Поселили меня в комнате, которая примыкала к спальне бабушки. Вместе с нами жили человек пять молодых американцев — троцкистов, которые на добровольной основе, не получая за это ни цента, охраняли дом и помогали моему деду в работе. Также с нами жили секретарь Троцкого, француз Жан ван Эйженоорт, который работал с ним еще в Турции, и немец Отто Шульцер...

Обычно бабушка вставал очень рано. В 6.00–6.30 утра он уже был на ногах. Ранним утром он любил выйти во двор и покормить кроликов и кур. По его просьбе во дворе дома были построены курятник и крольчатник. Любовь к сельскому труду, наверное, у него осталась с детства, ведь его отец был мелким землевладельцем на Украине. Кстати, это нам помогало экономически, у бабушки никогда не было достаточно средств, в основном мы жили на деньги, которые нам жертвовали сторонники Троцкого в коммунистической партии США.

Завтракали мы быстро. У нас был большой стол. Все, включая охрану и помощников Троцкого, садились вокруг этого стола. Бабушка был непривередлив в еде и ел все, что ему подавали. Пищу готовила обычно бабушка, которой помогали две мексиканки — Кармен Пальма и Пелен.

Затем он шел в свой кабинет и работал там все утро: читал письма, газеты, диктовал. Потом наступало время обеда. Обед у нас был простой, без изысков. После обеда он немного отдыхал, спал. И потом еще

работал в своем кабинете до ужина. Вечером начинались дискуссии и беседы на политические темы. Это чем-то походило на домашний университет...

Если дедушка устраивал себе выходной, то мы обычно выезжали за город, на природу, в район Пачуки. Он любил собирать кактусы, и у него была неплохая коллекция. Ему нравилась природа, он был заядлым охотником и рыбаком, но на это у него было мало времени».

Живя в Мексике, внук Л. Д. Троцкого стал известным химиком. Он взял себе имя Эстебан Волков-Бронштейн. В марте 2009 года ему исполнилось 83 года. Он прекрасно говорит по-испански, и от брака с Пальмирой Фернандес у него родилось четыре дочери.

Старшая дочь — Вероника Волков-Фернандес — стала известным мексиканским поэтом и искусствоведем.

Нора Долорес Волков-Фернандес закончила Национальный автономный университет Мексики, переехала в США и стала там известным психиатром, профессором, директором Национального института наркомании. Ее специальностью стало изучение влияния наркотиков на мозг человека.

Патрисия Волков-Фернандес, родившаяся в один день с Норой, стала мексиканским врачом, автором научных исследований в области СПИДа.

Наталия Волков-Фернандес стала экономистом, заместителем директора Мексиканского Национального института статистики, географии и информатики.

Второй женой Л. Д. Троцкого была Наталья Ивановна Седова, дочь богатого купца, родившаяся в 1882 году. С ней он познакомился в конце 1902 года, уже находясь в Париже (там Н. И. Седова изучала в Сорбонне курс истории искусств и работала в составе группы «Искра», которой руководил В. И. Ленин).

Н. И. Седова умерла в 1962 году, живя в Мексике, а потом в Париже на доходы от издания книг Л. Д. Троцкого. От гражданского брака с ним у нее было два сына — Лев (родился в 1906 г.) и Сергей (родился в 1908 г.).

Как мы уже говорили, Лев Львович Седов — активный участник троцкистского движения — умер (или был убит) в Париже в 1938 году. В 1925 году он женился на Анне Самойловне Рябухиной, родившейся в 1899 году (ее расстреляли в январе 1938 г.). От этого брака у них родился сын Лёвушка (его судьба после 1937 г. неизвестна).

Младший брат Льва Седова Сергей, родившийся в пригороде Вены и впервые увидевший Россию только в девятилетнем возрасте, в отличие от брата и сводных сестер, не интересовался политикой. Он занимался спортом и едва не стал профессиональным цирковым акробатом. Однако любовь к технике пересилила, и он начал работать доцентом в Московском техническом университете. 4 марта 1936 года он был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. Ему дали пять лет лагерей, но потом заменили концлагерь ссылкой на тот же срок. Так Сергей Седов оказался в Красноярске. Там он был расстрелян 29 октября 1937 года (его обвинили во вредительстве и в том, что он умышленно пытался отравить рабочих «Красмаша» газом, а реабилитировали в 1988 г.). Сергей был женат дважды, и от второго брака с Генриеттой Михайловной Рубинштейн (1911–1987), отправившейся вместе с ним в Красноярск, у него в 1936 году родилась дочь Юлия. Г. М. Рубинштейн сама была приговорена к десяти годам отбывания срока на Колыме, а ее родителей выслали на север Новосибирской области, и внучку они забрали с собой. Там она закончила школу, а потом уехала в Москву, поступила в институт и выучилась на химика. После этого Юлия вышла замуж, сменила фамилию на Аксель и эмигрировала в США, а затем в Израиль. Ее сын Давид родился в 1961 году уже в Израиле.

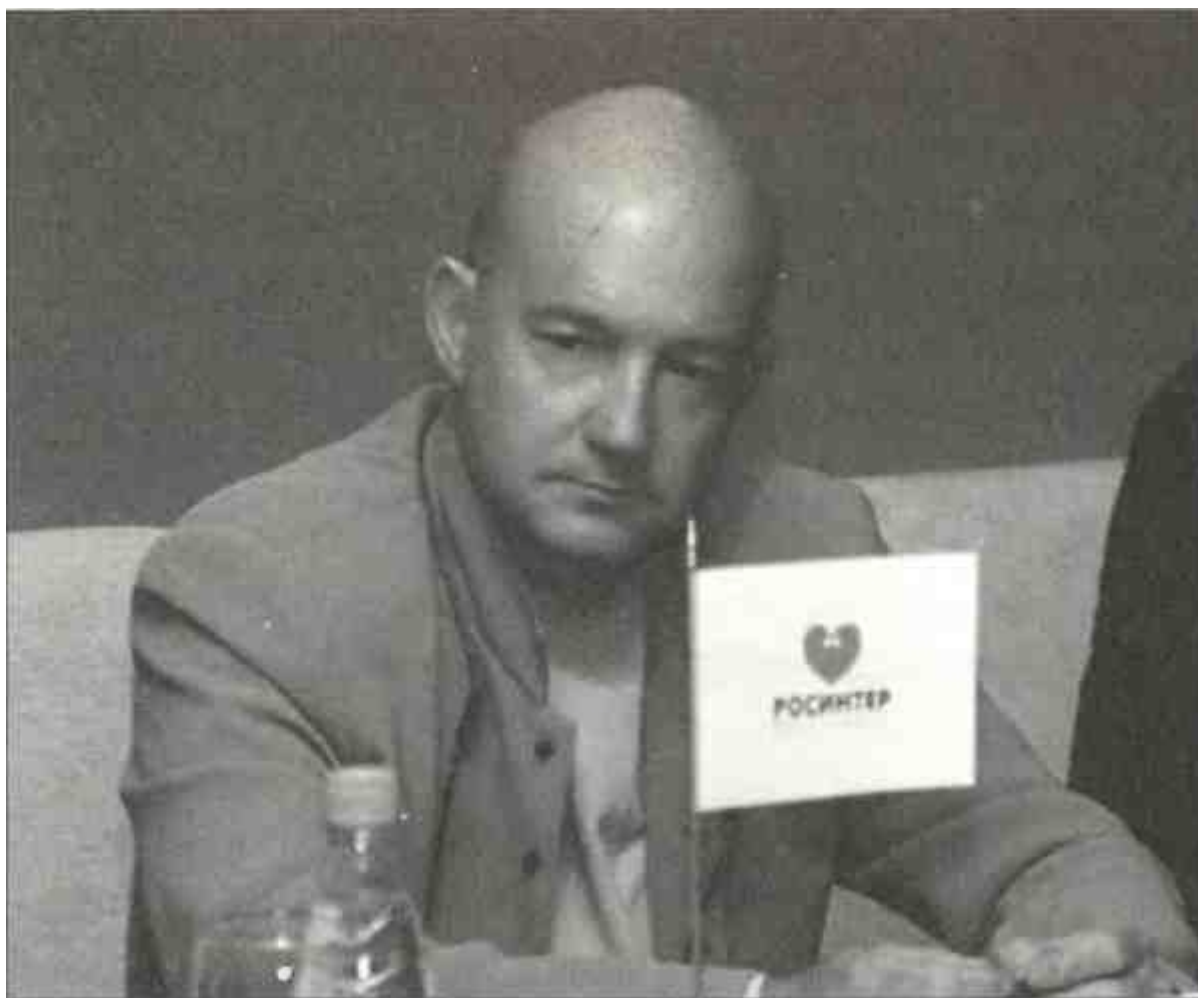
Глава двенадцатая

РОСТИСЛАВ ОРДОВСКИЙ-ТАНАЕВСКИЙ БЛАНКО ИЗ КАРАКАСА — КРУПНЕЙШИЙ РЕСТОРАТОР РОССИИ

Николай Александрович Ордовский-Танаевский (1863–1950), прадед по отцовской линии Ростислава Вадимовича Ордовского-Танаевского Бланко, всю жизнь состоял на государственной службе и Февральскую революцию встретил на посту губернатора Тобольска. В 1918 году он был арестован ЧК по так называемому офицерскому списку, сидел в Петропавловской крепости в Петрограде. В газетах даже была опубликована его фамилия в перечне казненных в ответ на убийство председателя Петроградского ЧК М. С. Урицкого. Но он совершенно случайно остался жив, просто его перевезли в Кронштадт. В конце 1918 года Николаю Александровичу удалось бежать от большевиков через Эстонию в Германию. Там, в Гамбурге, он принял сан, затем монашеский постриг с именем Никодим.

Ростислав Ордовский-Танаевский Бланко рассказывает:

«Мой прадед, Николай Александрович Ордовский-Танаевский, был губернатором Тобольска, самым молодым в царской России. Народ его любил, и, когда произошла революция, ему удалось избежать печальной участи многих белых офицеров. Он добрался до Петербурга, а оттуда очень сложным путем попал в Югославию, где испытал все тяготы эмиграции. Как и многие другие офицеры, он не смог нарушить клятву верности императору и предпочел изгнание. Все это его так потрясло, что он решил посвятить жизнь служению Богу и стал монахом».

Ростислав Ордовский-Танаевский Бланко

Примерно в 1930 году Н. А. Ордовский-Танаевский переехал в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, где служил в различных городах и поселках. В 1945 году он снова переехал в Германию и долгое время жил там в лагерях для перемещенных лиц. Скончался он в Баварии 20 сентября 1950 года.

Н. А. Ордовский-Танаевский был женат (с 1885 г.) на Елизавете Павловне (урожденной Петровой) (1864–1942). Она умерла в эмиграции в сербском городе Велика Кикинда. От этого брака осталось шесть детей.

Старший сын, Александр Николаевич Ордовский-Танаевский (1885–1942), окончил восточный факультет Санкт-Петербургского университета. Он умер в блокаду, и его потомки до сих пор живут в России.

Дочь Зоя умерла в Ревеле в 1890 году, а сын Борис — в том же городе в 1895 году.

Елизавета Николаевна Ордовская-Танаевская (1894–1961) эмигрировала в Швейцарию, где и живут теперь ее потомки.

Всеволод Николаевич Ордовский-Танаевский, родившийся в 1900 году в Ревеле, в 1938 году был арестован и расстрелян (его реабилитировали посмертно в 1989 г.).

Николай Николаевич Ордовский-Танаевский родился в Ревеле 14 июня 1897 года. Он прошел боевым офицером всю Первую мировую войну, затем — всю Гражданскую. При отступлении остатков Белой армии в Румынию на руках его жены, Ольги Адамовны (урожденной Превыш-Квинто), замерз их первенец.

Поскитавшись по Европе, Николай Николаевич скончался в Германии 10 марта 1981 года. Ольга Адамовна пропала без вести в 1945 году.

Их сын, Вадим Николаевич Ордовский-Танаевский, родился в сербском городе Земуне 10 ноября 1924 года. Это было время, когда оставшихся на Родине Ордовских-Танаевских воспитывали в любви к ней и в ненависти ко всем, кто живет «на проклятом Западе». Для пущей верности им всем «отрезали» часть фамилии, сделав из них просто Ордовских. Но жизнь продолжалась по обе стороны «железного занавеса», хотя члены этой многочисленной семьи почти шестьдесят лет (с 30-х по конец 80-х гг.) практически ничего не знали друг о друге.

Семью Ордовских-Танаевских, в самом деле, разбросало по всему миру. Например, Дмитрий Александрович Ордовский-Танаевский (1854–1880), старший брат Николая Александровича, воевал в Сербии, а после ранения поступил в Николаевскую военно-инженерную академию. Он был изобретателем орнитоптера (самолета с машущим крылом) и скоропостижно скончался в 26-летнем возрасте. Его потомство по линии сына Владимира живет в России. А вот его младший сын Константин Дмитриевич Ордовский-Танаевский (1880–1939), участник Русско-японской войны, в том числе знаменитого прорыва крейсера «Аскольд», вместе с женой и детьми эмигрировал в Сербию. Он умер 21 октября 1939 года в Белграде, а его потомство обосновалось в США.

Иван Александрович Ордовский-Танаевский (1868–1951), младший брат Николая Александровича, был принят в труппу Императорского Мариинского театра. Одновременно он закончил Военно-медицинскую академию, стал флотским врачом, участвовал в защите Порт-Артура, а позже, вместе с женой и тремя детьми, эмигрировал во Францию.

В Сербии Вадим Николаевич Ордовский-Танаевский начал учиться на стоматолога, но главным делом своей жизни он считал издание русских книг. Одновременно с этим он издавал журнал на русском языке «Явь».

Однажды, приехав по издательским делам в Париж, Вадим Николаевич случайно попал в полицейскую облаву. Он был русским и лицом без гражданства, а посему французы, не долго думая, сдали его в советское посольство. После этого его военным самолетом доставили в советскую оккупационную зону в Германии, где им активно занялся СМЕРШ — военная контрразведка. После мучительных допросов Вадима Николаевича решили расстрелять, но ему удалось спастись: в тюрьму прибыл какой-то большой начальник, акцию отложили до утра, а ночью Вадим Николаевич умудрился бежать.

После этого, как и многим другим русским эмигрантам, 23-летнему В. Н. Ордовскому-Танаевскому стало очевидно, что продолжать жить в Европе опасно для жизни.

Ростислав Ордовский-Танаевский Бланко вспоминает:

«Мой папа родился уже в Югославии. В Югославии тогда было много белоэмигрантов. Когда началась Вторая мировая война, у них появилась надежда, что немцы помогут освободить Россию от большевиков. Но возрождение России в планы Германии не входило — у немцев были свои цели. А в конце войны, когда союзники заняли Югославию, эмигрантов из России стали выдавать Сталину. Очень многие были расстреляны, попали в концлагеря. И тогда русские стали искать возможность уехать подальше, например, в Латинскую Америку, — Европа стала небезопасна. Папа подал документы на получение визы сразу во все посольства, и первое разрешение, которое он получил, было в Венесуэлу. Страна тогда переживала кризис и очень нуждалась в образованных людях. Отец же закончил стоматологический факультет университета».

Приехав в Венесуэлу в 1948 году, В. Н. Ордовский-Танаевский все начал с нуля, ибо у него в кармане были лишь деньги, которые он успел заработать, леча зубы пассажиров парохода, переплывавшего Атлантику. В Венесуэле Вадим Николаевич стал работать зубным врачом. Потом он обзавелся семьей,

женившись на испанке Геновеве Бланко, которая в двадцатилетнем возрасте приехала в Венесуэлу с шестью братьями и сестрами. В то время, после гражданской войны, в Испании была разруха, и многие испанцы уезжали в бывшие испанские колонии в поисках лучшей жизни. Кстати сказать, именно благодаря предпринимательским способностям Геновевы молодая семья вскоре открыла свое дело в области торговли и производства мебели, создав компанию «Cadenas Comerciales» — один из крупнейших торговых домов в Венесуэле.

По словам Ростислава Ордовского-Танаевского Бланко, ему очень повезло с родителями. Он характеризует их следующим образом:

«Мама — очень темпераментная, эмоциональная. Отец был воспитан в духе русского офицерства — человек дисциплинированный, с понятиями о чести и долге. Они дополняли друг друга, и от каждого из них я получил все лучшее, что было в русском и испанском национальных характерах».

Русская колония в Венесуэле в то время была небольшая, но достаточно активная. На свои деньги русские построили несколько православных церквей, при них открыли приходские школы. Как мы уже говорили, в создании первого православного храма в Венесуэле (храма Знамения Божьей Матери в Валенсии) деятельное участие принял Вадим Николаевич Ордовский-Танаевский. А еще он создал и долгие годы возглавлял венесуэльское отделение ОРЮР (Организации Российских Юных Разведчиков). Это была правопреемница первого русского скаутского отряда, основанного в Павловске в апреле 1909 года Олегом Ивановичем Пантюховым; в ней дети русских, родившиеся вдали от Родины, постигали душу России, ее историю, веру, литературу и искусство.

* * *

30 ноября 1958 года в семье Вадима Николаевича появился на свет сын — Ростислав Вадимович Ордовский-Танаевский Бланко. Родился он в Каракасе, его мать была испанкой, но его начали воспитывать в русском духе.

С самого раннего детства Ростислава обучала гувернантка, тоже русская, которая учила его грамматике и литературе. В Каракасе он окончил десятилетнюю церковно-приходскую русскую школу. В Британской школе Святого Георгия, где учились дети англичан, он овладел английским языком. Затем его перевели в немецкую школу «Гумбольд Шуле» (там он учился до восьмого класса). В 13-летнем возрасте он был принят в высший кадетский корпус Венесуэлы «Марискаль де Аякучо» (Mariscal de Ayacucho), который он окончил с самыми высокими оценками.

После окончания кадетского корпуса перед Ростиславом встал очень непростой выбор. Его приняли в Морскую академию — самое элитное военное учебное заведение в Венесуэле. Юношу очень привлекала военная карьера, но, в конце концов, он выбрал гражданский путь, поступив в университет.

В 1981 году Ростислав окончил университет имени Симона Боливара — один из лучших венесуэльских университетов — по специальности инженер-химик. К этому времени его бизнес-карьера уже насчитывала четыре полноценных года: неугомонный сын эмигрантов совмещал учебу с распространением и продажей сначала книг, а затем новейшей электроники фирмы «Pioneer».

Об этом периоде своей жизни он рассказывает так:

«У родителей был крупный по тем временам торговый центр, и я с двенадцати лет участвовал в семейном деле. Еще учась в кадетском корпусе, я провел мою первую сделку: договорился с издательством о покупке партии учебников по оптовой цене, которые продал по себестоимости одноклассникам. Коммерческой выгоды эта сделка не принесла, но я получил огромное удовольствие от

того, что у меня все так здорово получилось».

В эти годы начали проявляться высочайшая работоспособность и удивительная контактность, доставшиеся Ростиславу от матери-испанки. По всей видимости, он уже тогда ощутил, что хочет все на свете попробовать сам.

После окончания университета имени Симона Боливара Ростислав стал читать курс по химическому инжинирингу в Политехническом колледже Министерства обороны и в университете «Метрополитен». Одновременно с этим он со всей «испанской» страстью окунулся в предпринимательство. Прежде всего, он продолжил заниматься электроникой. Помимо этого, вместе с четырьмя партнерами-венесуэльцами он создал самую большую в стране видеостудию, которая покупала права на иностранные фильмы, делала субтитры, тиражировала фильмы и продавала их. Получалось где-то 3600 копий в день, и это позволяло удерживать 20-процентную долю рынка. В результате студия стала официальным представителем кинокомпании Уолта Диснея в Венесуэле.

В 1981 году Ростислав основал первую собственную компанию. Он назвал ее «Ростик Интернэшнл» (Rostik International), прекрасно помня, что в детстве все его звали Ростик. С помощью этой компании он расширил импорт электроники и дистрибьюторскую деятельность, включая розничную продажу, став в результате одним из важнейших южноамериканских клиентов таких известных фирм-производителей, как «Panasonic», «Moulinex», «Kodak» и др. Кроме того, вместе со своим двоюродным братом он начал заниматься распространением на венесуэльском рынке американского медицинского оборудования. Так приобретался опыт работы на международном уровне. В это время ему было всего 23 года.

* * *

А в 1984 году Ростиславу вдруг позвонил советский коммерческий атташе в Венесуэле В. В. Легоньков. Как потом выяснилось, ему рассказали, что в Каракасе живет один венесуэлец, который прекрасно говорит по-русски и занимается распространением кино- и видеопродукции. В результате Ростислав получил официальное приглашение поехать в СССР, где он должен был стать гостем Ташкентского Международного фестиваля азиатского, африканского и латиноамериканского кино.

Для СССР в те времена этот фестиваль был важнейшей политической акцией. Приглашение было очень почетным, но для поездки необходимо было ответить самому себе на один весьма непростой вопрос: а не будет ли у выходца из семьи эмигрантов проблем при его появлении в «империи КГБ»? Отец, Вадим Николаевич, прекрасно помнил свой «Париж», а прадед, Николай Александрович Ордовский-Танаевский, красочно описал свое «знакомство» со славными чекистами в 1918 году. И все же семья, в конце концов, решила, что Ростик должен поехать. Согласно официальным документам, он родился в Венесуэле, был гражданином Венесуэлы, и это должно было послужить ему гарантией безопасности. И он отправился в эту поездку прежде всего для того, чтобы увидеть далекую страну, о которой ему столько рассказывали, с тайной надеждой разыскать там кого-нибудь из родственников.

Ростислав Ордовский-Танаевский Бланко вспоминает:

«Конечно, это была полная неожиданность. Я позвонил папе, и папа — мне все-таки очень повезло с родителями — сказал, что я, конечно же, должен ехать. Ты гражданин Венесуэлы, сказал он, тебе нечего бояться. Может быть, тебе удастся разыскать кого-то из наших. И показал мне советскую газету со статьей, подписанную фамилией Ордовский-Танаевский. А тут еще известный венесуэльский офтальмолог, тоже русского происхождения, Жорж Ган, узнав, что я еду в СССР, попросил передать приглашение от министерства здравоохранения Венесуэлы: „Там есть профессор Федоров, хорошо бы его найти и пригласить к нам на конференцию офтальмологов. И я поехал“».

В самом деле, за несколько дней до отъезда в Россию друг детства, тоже русского происхождения, Георгий Анатольевич Ганн (доктор Жорж, как называли его в Каракасе) — молодой венесуэльский офтальмолог — попросил Ростика разыскать в Москве известного русского профессора Святослава Николаевича Федорова и пригласить приехать в Венесуэлу. При этом он передал ему официальное приглашение венесуэльского Министерства здравоохранения на имя С. Н. Федорова на участие в ежегодном конгрессе офтальмологов в Венесуэле. С этим приглашением в чемодане Ростислав прилетел в Испанию, там пересел на самолет «Аэрофлота», и с этого начался его «советский опыт».

* * *

В Ташкенте Ростислав просмотрел более пятидесяти фильмов, но так и не смог найти ни одного, который обладал бы, по его мнению, коммерческим потенциалом в Латинской Америке. В конце концов, он остановил свой выбор на мультфильме, который и выпустил в прокат в Венесуэле в 1985 году.

На обратном пути он остановился в Москве, где предпринял попытку встретиться с С. Н. Федоровым. Для этого он обратился в Министерство здравоохранения. Но, увы, безуспешно: ему каждый раз отвечали, что профессор очень занят или нездоров. До самого последнего дня своего пребывания в СССР Ростислав так и не мог связаться с С. Н. Федоровым. И тогда он сам нашел адрес Института микрохирургии глаза, взял такси и отправился туда. В результате он увиделся со Святославом Николаевичем и передал ему приглашение.

Находясь в Москве, Ростислав Ордовский-Танаевский Бланко много гулял по городу. Наивный иностранец, он все время искал место, где можно было бы быстро перекусить. Но ему везде попадались одни лишь объявления на закрытых дверях: «Санитарный день», «Санитарный час» или «Мест нет» при пустом зале... А еще он никак не мог купить фотопленку «Kodak», которой привык пользоваться дома. Ее не было даже в валютной «Березке»...

Таким образом, правнук губернатора Тобольска в свой первый приезд в Россию «постигал советские реалии».

В конечном итоге ему пришлось довольствоваться пленкой производства ГДР, однако уже в Венесуэле выяснилось, что проявить ее невозможно, так как это «прошлый век». Пропали бесценные кадры, сделанные в России, фотографии родственников, которых ему удалось-таки разыскать...

* * *

В ноябре 1984 года Ростислав Ордовский-Танаевский Бланко принял в Каракасе С. Н. Федорова.

Сам он потом вспоминал об этом:

«В Венесуэлу приехал по приглашению Министерства образования Святослав Федоров. Я организовал встречу — его даже президент встречал — и конференцию на высшем уровне. Это было очень здорово: я, мальчишка, сумел организовать приезд величайшего офтальмолога! Я взял все расходы по организации конференции на себя, и впоследствии это принесло мне хорошие плоды. Я отправил 27 врачей учиться к Федорову в Москву и к тому же продал им необходимое оборудование — на \$2000–3000 каждому».

Так начиналась деятельность Ростислава в России. Далее он организовал два фестиваля венесуэльских фильмов в СССР и два фестиваля советских фильмов в Венесуэле. Ему удалось это сделать, так как это были уже «перестроечные» времена, и в 1987 году ему первому разрешили практически без цензуры отбирать фильмы. Он привез в Венесуэлу целую делегацию из СССР, в составе которой был и его русский кузен Михаил Львович Ордовский, режиссер «Ленфильма», автор фильмов «Случайные

пассажиры», «Каждый десятый», «Сказание о храбром Хочбаре» и др. Первый фестиваль имел оглушительный успех.

Потом в течение нескольких лет Ростислав пытался стать импресарио и организовывал турне русских классических ансамблей по Латинской Америке. Наиболее крупным событием стал двухмесячный тур Большого детского хора и балета Гостелерадио СССР под управлением В. С. Попова.

Для латиноамериканцев он организовал несколько туристических маршрутов по СССР, сам освоил профессию гида. Всю эту деятельность нельзя считать неудачной, но результаты никак не устраивали амбициозного Ростислава. Он прекрасно понимал, что настоящих условий для полноценного бизнеса еще нет, что надо ждать... Однако его натура требовала действий, и он продолжал искать новые возможности. За четыре года он побывал в СССР десять раз.

Постепенно Ростислав начал распродавать свой бизнес в Венесуэле и концентрироваться на проектах в СССР. Он верил, что с приходом к власти М. С. Горбачева будут появляться все новые и новые возможности для бизнеса, и эта вера не обманула его. Он работал как сумасшедший...

* * *

В 1985 году он начал общаться с Давидом Эпельбаумом, которому принадлежала самая большая в Венесуэле сеть ресторанов быстрого питания «Tropi Burger». Ростислав предложил ему начать совместные проекты по открытию таких же ресторанов в СССР. Одновременно с этим он обсуждал с компанией «Eastman Kodak Co» возможность совместных попыток завоевания советского фоторынка.

И вот в 1987 году «Kodak» предложил Ростиславу организовать и взять на себя руководство шестью проектами розничной торговли фотопродукцией в европейской части СССР: в Прибалтике, в Ленинграде, в Московском регионе, на Украине и в Белоруссии. Все это должно было осуществляться в рамках крупного советско-американского проекта, договор о котором был подписан М. С. Горбачевым и Рональдом Рейганом.

В январе 1988 года Ростислав зарегистрировал свое первое совместное фотопредприятие «Эстоника» в Таллине. Затем последовали аналогичные проекты в Ленинграде, в Киеве, в Тбилиси и в Ереване. Американцы инвестировали деньги в открытие магазинов, поставляли оборудование. Однако Ростислава гораздо больше интересовал проект по созданию в СССР сети ресторанов быстрого обслуживания. Он всем своим нутром чувствовал, что это — именно то, что нужно. О сорвавшемся тогда проекте с Давидом Эпельбаумом он сожалеет по сей день:

«Мне удалось договориться с „Tropi Burger“ об открытии ресторанов „Burger King“ в Москве. К сожалению, они потом отказались — очень много рисков, неконвертируемый рубль... Только поэтому „Макдональдс“ сегодня — лидер этого рынка в России. Если бы „Burger King“ тогда все-таки решился, могло бы сложиться иначе».

Главной проблемой оказались вопросы снабжения. Было от чего впасть в отчаяние... В 1989 году Ростислав получил предложение об использовании для открытия ресторана половины фойе гостиницы «Москва». Площадь предложенного места составляла 130 квадратных метров — размеры не идеальны, но зато это был самый центр Москвы.

Для реализации этого проекта Ростислав нашел в Венесуэле еще одного «безумца» (именно так его самого в то время называли и дома, и в Москве). Это был Фелисиндо Мартинес, очень хороший ресторатор, который поверил ему, построил ресторан, разобрал его, запаковал в контейнеры и отправил в СССР. Ресторан был назван «El Rincon Espanol» (Испанский уголок), и он мгновенно завоевал успех.

* * *

Это было в июле 1990 года. А в сентябре 1989 года Ростислав женился на Татьяне Латыниной, дочери Ларисы Семеновны Латыниной, одной из самых знаменитых в мире гимнасток, 9-кратной чемпионки Олимпийских игр, многократной чемпионки мира, Европы и СССР.

Татьяна гимнасткой не стала, зато она окончила школу при ансамбле Игоря Моисеева и была принята в знаменитый хореографический ансамбль «Березка», с которым за пятнадцать лет объездила весь мир. На гастролях в Венесуэле она и познакомилась со своим будущим мужем. Говорят, что Лариса Семеновна была в шоке, и молодые расписались тайком, а мама потом не разговаривала с дочерью два месяца.

Женитьба привнесла в жизнь Ростислава Ордовского-Танаевского Бланко стабильность, дала ему «дом» в Москве и сыновей Константина и Вадима. Последний, кстати, родился в 1994 году и был назван в честь деда, Вадима Николаевича Ордовского-Танаевского, который скончался 26 ноября 1990 года.

* * *

В 1991 году Ростислав зарегистрировал российскую компанию «Росинтер», которая стала развивать на территории России и стран СНГ фото- и ресторанный бизнес.

В том же году после переговоров, длившихся целый год, был подписан договор аренды и построен ресторан швейцарской кухни «Ле Шале».

В 1992 году Ростислав начал планировать создание своих первых ресторанов быстрого обслуживания. Первым проектом был «Комби'с» (рестораны быстрого обслуживания), вторым — «Ростик'с» (рестораны, где подают жареных цыплят). Ресторанный бизнес и фотобизнес стали развиваться параллельно.

В это же время началось развитие двух других концепций: семейных ресторанов «Патио пицца» и «Американский бар и гриль», а чуть позже — ресторанов японской кухни «Планета суши».

Об этом периоде своей жизни Ростислав Ордовский-Танаевский Бланко рассказывает:

«В 1992-м мы открыли ресторан „Ле Шале“. Результат был потрясающий! Успех, толпа народа. Я понял, что надо продолжать. Мы открыли третий ресторан — это была „Патио пицца“ на Волхонке, напротив Пушкинского музея. Грандиозный успех!

А потом появился „Ростик'с“ — первый был открыт в ГУМе в 1993 году. Тогда же мы открыли „Санта Фе“ — это был самый масштабный наш проект. Невиданный по тем временам бюджет — \$5 млн. К 1998 году у нас было около 40 ресторанов — не только в Москве, но в Омске, Томске. Открывать рестораны в регионах нам было проще, чем другим: у нас там уже были представительства „Kodak“, были связи и надежные партнеры».

В настоящее время Ростислав Ордовский-Танаевский Бланко — это предприниматель, создавший за четверть века успешный сетевой бизнес — заведения фаст-фуда и семейные рестораны. Его опыт уникален — других рестораторов такого масштаба в России нет.

Для справки: корпорация «Ростик Групп» существует на российском рынке с 1990 года и включает в себя ОАО «Росинтер Ресторантс Холдинг» (сети демократичных ресторанов «Ростик'с», «Мока Локка», «IL Патио», «Friday's», «Американский бар и гриль», «Планета суши», «1–2–3 кафе», «Бенихана», «Сибирская корона», а также рестораны «Café des Artistes», «Санта Фе» и другие), компании «Фокус» (фотоуслуги), «Карлсон Туризм» (туристический бизнес), «Россервис» (производство полуфабрикатов, хлебобулочных и кондитерских изделий), а также группу компаний по управлению недвижимостью.

Общая выручка ОАО «Росинтер Ресторантс Холдинг» за девять месяцев 2008 года составила \$254,7 млн, валовая прибыль — \$61,7 млн. По состоянию на конец сентября 2008 года компания управляла 296 ресторанами в 32 городах России, СНГ и Центральной Европы, включая страны Балтии.

Приложение

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

(КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ)

Агапеев Владимир Петрович (1876–1957)

Генерал-лейтенант Генштаба. Военный представитель Вооруженных сил Юга России при союзном командовании в Константинополе. В эмиграции проживал в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, активно участвовал в работе 4-го отдела РОВСа. В 1941 году вступил в Русский охранный корпус. В 1942 году выехал в Австрию. После войны жил в Чили и Аргентине.

Антони Вольдемар Генрихович (1886–1974)

Родился в Гуляйполе. Переехав в 1902 году в Екатеринослав, включился в политическую борьбу. С 1904 года — анархист-коммунист. Организатор и вдохновитель гуляйпольской группы «Союз бедных хлеборобов». Спасаясь от преследований, в 1909 году эмигрировал в Аргентину. Позже переехал в Уругвай, где продолжал революционную деятельность. В 1962 году вернулся на родину, жил в Никополе, где и умер в возрасте 88 лет.

Антонов Юрий Александрович (1896–1970)

Окончил Морской корпус в 1916 году. Служил офицером на линкоре «Три Святителя». Участник Первой мировой войны. После революции воевал на юге России — во ВСЮР и Русской армии. Находился на кораблях интернированного в Бизерте (Тунис) белого черноморского флота. Был участником антифашистского сопротивления в годы Второй мировой войны. В эмиграции проживал в Аргентине. Умер и был похоронен в Буэнос-Айресе.

Байкалов-Латышев Сергей Николаевич (1906–1983)

Художник. Родился в Маньчжурии. В 1914 году вместе с семьей переехал в Киев. Там стал кадетом Сводного Киево-Одесского корпуса. В 1920 году оказался в эмиграции в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. Во время Второй мировой войны вступил во 2-ю Конную казачью дивизию, был награжден двумя орденами. После войны, опасаясь преследований, уехал в Чили. Перед приходом к власти в Чили Сальвадора Альенде покинул страну и переселился в Испанию, где продолжил заниматься искусством, пока тяжелая болезнь не заставила его перебраться в дом престарелых во французском Сан-Рафаэле. Там он и умер 9 апреля 1983 года от рака желудка.

Богданович Павел Николаевич (1883–1973)

Полковник Генштаба. Участник Первой мировой войны. Попал в плен, находился в лагерях для военнопленных, впоследствии смог бежать в Голландию. В 1922 году был приглашен на службу в военную миссию при русском посольстве в Париже. Исполнял обязанности штаб-офицера для поручений при главноуполномоченном Главнокомандующего русской армии в Париже. В 1925 году приступил к организации Национальной Организации Русских Разведчиков (НОРР), возглавлял ее до начала Второй мировой войны. Состоял членом Союза преображенцев и Объединения лейб-гренадерского Эриванского

полка. В годы оккупации немцами Парижа был главным редактором пронемецкого еженедельника «Парижский вестник». После Второй мировой войны уехал в Аргентину. Похоронен на кладбище в Пиларе, вблизи от Буэнос-Айреса.

Боссе Федор Эмильевич (1861–1938)

Контр-адмирал. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1916 году вышел в отставку. После революции эмигрировал во Францию. Оттуда перебрался в Латинскую Америку. Умер в Лиме (Перу).

Булавин Николай Федорович (1897–1951)

Художник. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В 1920 году эмигрировал. Окончил Пражскую академию художеств. Во время Второй мировой войны снова оказался в казачьих частях, воевавших против СССР. Умер 18 января 1951 года в Каракасе (Венесуэла).

Бутлеров Юрий Михайлович (1889–1961)

Из дворян, внук известного ученого-химика. Окончил Московскую сельскохозяйственную академию. Поручик лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, Георгиевский кавалер. Воевал в Добровольческой армии. Был ранен. В 1920 году был эвакуирован из Новороссийска в Крым, а оттуда — в Константинополь. С 1932 года жил во Франции, затем — в Парагвае. Был командиром полка в парагвайской армии: майором, подполковником, затем полковником. Умер 3 апреля 1962 года в Асунсьоне.

Гаврилов Константин Иванович (1909–1982)

Окончил русскую гимназию в Таллине, в Праге окончил естественно-исторический факультет Карлова университета, также несколько семестров учился на медицинском факультете. Ученик профессора Ф. Н. Досужкова. В 1938 году совершил кругосветное путешествие на аргентинском военном корабле и переехал в Аргентину, где жили его родители. Профессор Тукуманского университета, почетный академик Академии естествознания при Аргентинской академии наук.

Гедда Константин Николаевич (1891–1977)

Художник. Последние почти тридцать лет своей жизни провел в Аргентине. Много и плодотворно работал. В 1953 году устроил персональную выставку в одной из престижных художественных галерей Буэнос-Айреса. Занимался иллюстрированием книг.

Дмитренко Николай Макарович (1900–1961)

Родился в станице Старо-Минской. В 1920 году эмигрировал в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. В 1939 году в результате злостной провокации политических противников был арестован белградской полицией, а потом изгнан в Польшу. Во время Второй мировой войны выехал на работу в Германию, а оттуда, в 1947 году, эмигрировал в Аргентину. Много лет был атаманом «Казачьего Союза». Умер от раковой опухоли в легком в июле 1961 года.

Зимовский Николай Федорович (1890–19...)

Окончил мореходное училище. Служил мичманом военного тральщика. Участник Гражданской войны, в белых войсках Северного фронта находился при штабе Главнокомандующего, с октября 1919 года по февраль 1920 года — в штабе флотилии Северного Ледовитого океана. В 1920 году был эвакуирован в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. Оттуда перебрался в Парагвай. С 1936 года был майором артиллерии в парагвайской армии, служил в арсенале и на флоте. Дослужился до чина генерал-майора.

Изразцов Константин Гаврилович (1865–1953)

Отец Константин

Родился в селе Задорье Кашинского уезда Тверской губернии в семье священника. После окончания Тверской духовной семинарии был направлен в Санкт-Петербургскую Духовную академию, которую успешно окончил и был удостоен степени кандидата богословия. После недолгой преподавательской работы по ходатайству МИДа был определен псаломщиком в церковь при русской миссии в Гааге. В 1891 году стал священником, настоятелем русской православной общины в Буэнос-Айресе. В 90-х годах открыл церковно-приходскую школу, организовал бесплатную читальню, культурно-просветительский кружок для русских рабочих и любительский хор. Был основателем Свято-Троицкого храма в Буэнос-Айресе. До 1917 года одновременно со священническим служением занимал должность секретаря дипломатического отдела российской миссии в Аргентине. После революции остался в эмиграции. Был создателем «Общества взаимопомощи» для русских эмигрантов. Построил 16 церквей в Аргентине, Бразилии, Чили, Парагвае и Уругвае. Жил в Буэнос-Айресе. Был протопресвитером и администратором русских православных церквей в Латинской Америке. Содействовал организации вызовов в Латинскую Америку перемещенным лицам по линии американского Красного Креста. Скончался в Буэнос-Айресе, был похоронен около Свято-Троицкого храма.

Каратеев Михаил Дмитриевич (1904–1978)

Писатель, работавший в жанрах «романизированной истории» и документальной прозы. По материнской линии — потомок В. А. Жуковского. Окончил Петровско-полтавский кадетский корпус. В 1920 году эвакуировался в Константинополь, затем перебрался в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. Окончил Крымский кадетский корпус, в который в Сербии вошел Полтавский кадетский корпус. В Болгарии окончил Сергиевское артиллерийское училище с производством в подпоручики конной артиллерии. В 1924 году учился в Белградском университете. Высшее образование получил в Бельгии. Доктор химических наук. В Латинскую Америку попал с первыми группами русских переселенцев из Европы. Жил в Уругвае, занимаясь литературной работой. Много публиковался в «Новом русском слове». Известен своими историческими романами из серии «Русь и Орда», а также романами из жизни русских эмигрантов на Балканах и в Парагвае. Умер в Монтевидео 24 октября 1978 года.

Карпов Николай Васильевич (189...-1959)

Генерал-майор Генштаба. Участник Первой мировой войны и Гражданской войны. В эмиграции жил в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. После Второй мировой войны переехал в Аргентину. Умер в Буэнос-Айресе.

Керн Сергей Николаевич

Подпоручик. Воевал в рядах Добровольческой армии в составе 1-го Офицерского (Марковского) полка. В 1918 году был ранен. После разгрома Белой армии был эвакуирован из Крыма в Галлиполи. Был участником боев с коммунистами в 1923 году в Болгарии. Осенью 1925 года перебрался во Францию. С 1936 года жил в Парагвае. Служил в парагвайской армии. Дослужился до чина полковника Генштаба.

Кремер Иза Яковлевна (1890–1956)

Певца (лирическое сопрано). В 1912–1914 годах занималась пением в Милане. С 1914 года выступала в Одессе на оперной сцене и в оперетте. В 1919 году эмигрировала, концертировала во многих странах мира. Была автором и исполнительницей песен в стиле «шансон» — жеманных, романтических и весьма популярных у широкого слушателя. Последние годы жизни провела в Аргентине.

Крюков Борис Иванович (1895–1967)

Художник. Учился и работал на Украине. Из оккупированного фашистами Киева попал сначала во Львов, затем в Краков, оттуда — в Австрию. После переезда в Аргентину неоднократно устраивал персональные выставки в престижных художественных галереях, экспонировался на выставках в США и

Канаде. Создавал иконы и мозаики для украинских храмов различных конфессий за рубежом, работал иллюстратором книг.

Леш Леонид Леонидович (1890–1940)

Окончил Одесский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. Был полковником 3-й гренадерской артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. Участник Гражданской войны на юге России. После разгрома Белой армии был эвакуирован из Крыма в Галлиполи. Осенью 1925 года в составе Марковского артдивизиона оказался в Болгарии. В 1929 году перебрался в Парагвай. Служил в парагвайской армии, с 1936 года был командиром полка.

Мартос Антон Викентьевич (1904–1983)

Отец Афанасий

Родился в крестьянской семье. Окончил гимназию в Несвиже. В 1926–1930 годах учился на православно-богословском факультете Варшавского университета. Получил степень магистра богословия. В 1927 году был пострижен в монашество с именем Афанасия. В 1928 году был рукоположен во иеродиакона, а в 1929 году — во иеромонаха. Служил близ Варшавы, был настоятелем Петропавловской церкви в Воломине. С 1934 года служил воспитателем и инспектором в интернате для студентов богословского факультета Варшавского университета. В 1939 году стал доктором богословия. Был возведен в сан архимандрита. В 1942 году был избран в Синод Белорусской церкви, в составе которого возглавил Учебный комитет. В мае 1944 года участвовал в Соборе белорусских епископов. В 1946 году перешел в юрисдикцию РПЦЗ и в мае того же года в Мюнхене созвал Собор белорусских и украинских епископов, эмигрировавших из России. Работал в Гамбурге. Потом был назначен епископом Мельбурнским, викарием Австралийской епархии. В 1956 году был переведен на Аргентино-Парагвайскую кафедру, управлявшую приходами на территории Аргентины, Парагвая и Уругвая. В 1957–1958 годах по его инициативе был сооружен Воскресенский кафедральный собор Аргентинской епархии РПЦЗ. В конце 1957 года был возведен в сан архиепископа. В 1969 году был переведен в Австралийскую и Новозеландскую епархию, а в сентябре 1971 года вернулся на Аргентинскую кафедру. Скончался 3 ноября 1983 года в Буэнос-Айресе от сердечного приступа.

Мережковский Владимир Данилович (1897–1975)

В 1916 году окончил реальное училище в Георгиевске (Терская область), потом — Политехнический институт в Риге. В 1926 году эмигрировал в Бразилию. Служил в Главной электрической компании в Сан-Паулу. Был членом Епархиального совета, близким сотрудником Феодосия, архиепископа Сан-Паульского и всея Бразилии. Был редактором православно-монархического журнала «Владимирский Вестник» и автором многочисленных статей в других журналах и газетах.

Милеант Александр Васильевич (1938–2005)

Епископ Александр

Родился в Одессе. В 1944 году был вывезен родителями из СССР. С 1948 года жил в Аргентине, где закончил университет. Учился богословию у архиепископа Аргентинского Афанасия. В 1963–1967 годах учился в Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле (США). В 1966 году был рукоположен в дьякона, в 1967 году — в священники. Служил на Покровском приходе в Лос-Анджелесе. В 1979 году окончил Калифорнийский университет со степенью магистра. Был возведен в сан архимандрита. С 1998 года — епископ Буэнос-Айресский и всея Аргентины. Скончался 12 сентября 2005 года.

Негоднов Амос Карпович (1885–1965)

Генерал-майор, эмигрант. Окончил Нижегородский кадетский корпус и Оренбургское казачье

военное училище. Участник Первой мировой войны, Георгиевский кавалер. В 1917 году был командиром 2-го Волгского полка Терского казачьего войска. В 1919 году — командир отдельной Терской конной бригады. После эвакуации из Крыма и пребывания на острове Лемнос переехал в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. Позднее перебрался во Францию. После Второй мировой войны уехал в Аргентину. Умер в Буэнос-Айресе.

Павличенко Иван Диомидович (1889–1961)

Генерал-майор. Участник Первой мировой войны. Служил в Запорожском полку. В начале 1918 года был назначен на должность командира конного казачьего полка. В июне 1918 года перешел с полком на сторону белых. Командовал дивизией в Кавказской армии генерала П. Н. Врангеля, Кубанской армии ВСЮР, Русской армии. Эвакуировался на остров Лемнос. В эмиграции жил в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, потом в Перу и Бразилии. Умер в Сан-Паулу.

Перелешин Валерий Францевич (1913–1992)

Поэт, переводчик, критик. После Октябрьской революции эмигрировал в Китай, где закончил юридический факультет Русского университета в Харбине. С 1939 года жил в Пекине, преподавал в начальной школе при Российской духовной миссии. В 1943 году переехал в Шанхай, где взял советское гражданство и начал сотрудничать с ТАСС. В 1950 году переехал в США, откуда был выслан американским правительством за коммунистическую пропаганду. В 1952 году уехал в Бразилию, в Рио-де-Жанейро. В Бразилии написал мемуары и нескольких книг стихов.

Попов Григорий Иванович (18...-1957)

Генерал-майор. Окончил Виленское военное училище. Был участником Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Эмигрировал в Китай, где проживал в Харбине. Работал на КВЖД. После Второй мировой войны переехал в Бразилию. Умер в Сан-Паулу.

Попов Константин Васильевич (1897–1952)

Художник-декоратор. Потомок донских казаков. Учился живописи в Московской школе живописи, ваяния и зодчества, был учеником К. А. Коровина. В 1920 году покинул Россию. Попав в Болгарию, поступил в Академию художеств и через два года получил от нее командировку в Рим. Три года занятий живописью в Италии и пятнадцать лет в Париже сформировали из него прекрасного театрального художника и живописца. Активно работал в театрах «Атенео» и «Колон», выполнял стенные декоративные росписи, много занимался станковой живописью — писал пейзажи, портреты, натюрморты. В 1936 году получил приглашение на крупную работу в Аргентине. Здесь он выполнял роспись стен и потолка в театре «Бабилония» (общая площадь 5000 кв. м), а также создал панно во «Дворце танца». С 1936 по 1952 год имел около сорока персональных выставок в Буэнос-Айресе и в других городах Аргентины. Участвовал он в работе различных художественных салонов, а также в культурной жизни местной русской колонии, в том числе в работе Пушкинского комитета.

Пронин Василий Михайлович (1882–1965)

Полковник Генштаба. Окончил Чугуевское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В годы Гражданской войны был главным редактором официального органа Правительства Юга России журнала «Военный голос». В эмиграции проживал в Белграде. Служил начальником канцелярии Державной комиссии МИД. Был одним из основателей белградского Общества ревнителей военных знаний. С 1930 по 1940 год являлся издателем и главным редактором газеты «Русский голос». Преподавал на Высших военно-научных курсах генерала Н. Н. Головина. В конце Второй мировой войны выехал в Германию, где несколько лет провел в лагерях беженцев. В 1950 году переехал в Бразилию. Умер в Сан-Паулу.

Ретивов Митрофан Иванович (1869–1961)

Известный медик, директор медицинского отделения Харьковского страхового общества. Основатель санатория для больных туберкулезом на юге России и на Кавказе. В годы Гражданской войны был главным врачом одного из крупнейших госпиталей в Харькове. После войны он эмигрировал в Латинскую Америку, работал врачом в Красном Кресте в Парагвае во время войны этой страны с Боливией. Скончался 16 марта 1961 года в Аргентине.

Ростов (Кульчицкий) Дмитрий Николаевич (1898–1985)

Артист балета, педагог. Эмигрировал после Октябрьской революции. Учился танцу в Риме и в Лондоне. С 1924 года выступал в различных русских балетных труппах. В 1943–1948 годах жил в Перу, руководил балетной школой и труппой в Лиме. Затем переехал в Великобританию, занимался преподавательской работой. Умер в Лондоне.

Савельев Николай Петрович (1870–1962)

Генерал-майор Генштаба. Окончил Виленское пехотное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны. В 1917 году был генерал-майором Генштаба, начальником штаба 49-го армейского корпуса. Участник Гражданской войны. В Вооруженных силах Юга России служил в отделе военных сообщений. В 1920 году эмигрировал. Жил в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, служил в Белграде в Генеральном штабе. Во время Второй мировой войны переехал в Германию, а затем в Венесуэлу. Умер в Каракасе.

Салазкин Сергей Сергеевич (18...-1933)

В 1914 году окончил Елисаветградское кавалерийское училище. Служил офицером в Текинском конном полку. Участник Гражданской войны, ротмистр. В эмиграции находился в Чехословакии. Окончил Пражский политехнический институт, стал лесным инженером. В 1928 году переехал в Парагвай. Служил в парагвайской армии, дослужился до чина подполковника, был командиром полка. Убит 30 октября 1933 года в боях под Нанавой.

Самойлович Павел Иванович (1884–1968)

Отец Феодосий

Родился в семье сельского священника в селе Мокраны Кобринского уезда Гродненской губернии. Окончил Жировицкое духовное училище и Духовную семинарию в Вильно. После этого поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1912 году он принял монашество с именем Феодосий. После окончания Духовной академии с ученой степенью кандидата богословия был назначен помощником смотрителя Томского духовного училища, а затем переведен на такую же должность в Обоянское духовное училище Курской епархии, где его и застала Первая мировая война. В 1918 году служил в Севастополе в сане архимандрита и наместника древнего Херсонесского монастыря. В 1920 году эмигрировал в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. В 1930 году был избран на архиерейскую кафедру в Детройте (США). В том же году был рукоположен в сан епископа. В октябре 1934 года постановлением Архиерейского синода была учреждена Бразильская православная епархия, и он был назначен туда правящим епископом с титулом епископа Сан-Паульского и всея Бразилии. После Второй мировой войны был возведен в сан архиепископа.

Сахаров Вадим Николаевич (1887–19...)

Был произведен в офицеры из юнкеров флота. Участник Гражданской войны на юге России. В 1920 году был эвакуирован из Новороссийска. К лету 1921 года находился в Константинополе. Потом перебрался в Парагвай. В 1934–1937 годах жил в Асунсьоне, служил во флоте, был преподавателем

телеграфного дела. Затем переехал в Бразилию. Был там членом Общества бывших русских морских офицеров в Америке.

Сахновский Николай Иванович

Политический мыслитель и общественный деятель. В 1948 году прибыл через Парагвай в Аргентину. В 60–70-е годы был одним из руководителей монархической организации Российский Имперский Союз-Орден (РИС-О) в Аргентине. Издатель русской монархической газеты «Русское слово».

Сербин Юрий Владимирович (1888–1964)

Полковник Генштаба. Участник Первой мировой войны. После окончания Николаевской военной академии занимал должность старшего адъютанта в штабе 5-й Кавказской казачьей дивизии. В 1-м Кубанском походе он состоял начальником штаба при генерале В. Л. Покровском. Во 2-м Кубанском походе он был начальником штаба 1-й Кубанской казачьей бригады генерала В. Л. Покровского, а с осени 1917 года — начальником штаба дивизии, развернутой на основе этой бригады. В 1920 году в боях в Крыму он был сильно контужен. После поражения Белой армии перебрался на греческий остров Лемнос, а потом переехал в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, где проживал в городе Сараево и служил в местном отделении военного ведомства. После Второй мировой войны переехал в Аргентину, где стал постоянным сотрудником журнала «Часовой», в котором им был размещен ряд статей военно-исторического характера. Умер в марте 1963 года в Буэнос-Айресе.

Смирнова Елена Александровна (1888–1934)

Артистка балета, педагог. Родилась в Санкт-Петербурге, окончила Петербургское театральное училище. В 1906–1920 годах работала в Мариинском театре. Участница первого русского сезона в Париже. С 1920 года находилась в эмиграции. С 1922 по 1926 год работала в Русском романтическом театре в Берлине. С 1928 года жила в Аргентине. Занималась педагогической деятельностью. Умерла в Буэнос-Айресе.

Соколов Анатолий Александрович (1891–1971)

Художник. Окончил Николаевский кадетский корпус и поступил в Тверское кавалерийское училище. После Первой мировой войны поступил в Гатчинскую авиационную школу. В 1915 году стал летчиком-инструктором в той же школе. Окончил Академию художеств. В 1932 году был арестован, как сын царского офицера. Девять месяцев провел в заключении, ожидая решения суда. Был осужден к десяти годам рабского труда в ГУЛАГе. В 1937 году был выпущен на свободу без права жить в родном Ленинграде. Поселился в Симферополе. Жил рисованием картин, стал одним из руководителей Союза художников Крыма. В 1942 году, боясь за свою семью, перебрался в Румынию, а оттуда — в Швейцарию. В 1950 году эмигрировал в Аргентину, где стал знаменитым художником, обладателем золотой медали и диплома Министерства культуры этой страны. Его картины экспонировались во многих аргентинских городах, а также в Чили, Боливии и Парагвае. Умер в мае 1971 года в Сан-Франциско (Калифорния).

Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953)

Учился в Гродненской гимназии. Потом переехал в Петроград, где поступил на юридический факультет университета. Во время корниловского мятежа 1917 года находился при атамане А. И. Дутове. С приходом большевиков к власти бежал из Петрограда на Украину. До 1926 года находился в Одессе, работая в системе профсоюзов. В 1932 году предпринял решение о побеге из СССР. Первая попытка была предпринята в 1932 году, через Карелию, но она завершилась неудачно. Во время второй попытки был арестован. Лишь в августе 1934 года сумел бежать в Финляндию. Там ему удалось достать визу в Болгарию. Весной 1938 года переехал в Германию. После Второй мировой войны попал в английскую оккупационную зону, где жил до 1948 года. Оттуда переехал в Аргентину, где поселился в Дель Висо, тогда почти

безлюдном поселке в окрестностях Буэнос-Айреса. В 1950 году был выслан из Аргентины правительством президента Перона. Последние годы жизни провел в Уругвае.

Сулацкий Иван Федорович (1889–1979)

Полковник. Воспитывался в Донском Императора Александра III кадетском корпусе, по окончании которого, в 1906 году, поступил в Константиновское артиллерийское училище. Участник Первой мировой войны. После революции был откомандирован в штаб Донского атамана. Участвовал во взятии Новочеркасска в 1918 году. В апреле 1920 года был командирован Донским атаманом в Белград. Вернулся из этой командировки перед самой эвакуацией Крыма. После разгрома Белой армии был эвакуирован в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. Там поступил в университет — на технический факультет, геодезическое отделение. После окончания университета находился на государственной службе. После переезда в Аргентину работал по своей специальности в разных частных фирмах до самого выхода на пенсию. Умер 6 февраля 1979 года в Буэнос Айресе.

Таубе Федор Николаевич (1883–1962)

Барон. Окончил Николаевский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Полковник Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка. С октября 1918 года находился в Добровольческой армии. Был несколько раз ранен. После эвакуации Крыма эмигрировал. В 1928 году служил в Бельгийском Конго, затем в США. Потом перебрался в Бразилию. Умер в Сан-Паулу.

Туманов Язон Константинович (1883–1955)

Князь. Окончил Морской корпус. Капитан 1-го ранга. В конце 1918 года был начальником Волжско-Каспийской флотилии при Астраханской армии. Воевал в составе ВСЮР и Русской армии. В 1933 году оказался в Парагвае. С 1936 года был капитаном парагвайского флота. Был членом Исторической комиссии Общества бывших русских морских офицеров в Америке, председателем Парагвайской группы РОВС. Умер в Асунсьоне.

Турчанинов Василий Александрович (...-1985)

Выпускник Крымского кадетского корпуса. В эмиграции жил в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. Окончил там военное училище, служил офицером в саперных войсках. При первом же призыве вступил в русские добровольческие отряды, боровшиеся против советских партизан. Был тяжело ранен. По выздоровлении вступил в казачью дивизию, позднее 15-й кавалерийский корпус генерала фон Панвица, где был повторно ранен, в силу чего избежал казачьей трагедии — выдачи казаков Советскому Союзу. Вместе с женой уехал в Венесуэлу. Используя свои технические знания, начал работать строителем, участвуя или руководя постройкой многочисленных зданий в Каракасе и Валенсии. Был одним из основателей кадетского объединения в Венесуэле. Умер в Валенсии.

Удовенко Владимир Петрович (1940)

Митрополит Платон

Родился в поселке Успенка Ворошиловградской области. С 1958 года учился в Киевской духовной семинарии, потом служил в Советской армии. В 1969 году окончил Ленинградскую духовную академию и стал кандидатом богословия. В 1971 году был пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона, затем — во иеромонаха. В 1972 году был возведен в сан архимандрита и направлен на священнослужение в Аргентинскую епархию; с декабря 1973 года — епископ Аргентинский и Южноамериканский. В 1977 году был возведен в сан архиепископа и назначен Патриаршим экзархом в Центральной и Южной Америке. С 1980 по 1993 год служил в России, а 1 ноября 1993 года вновь оказался на Аргентинской и Южноамериканской кафедре. В 2004 году он был возведен в сан митрополита.

Улагай Кучук Касполетович (1892–1953)

Полковник адыгейского рода. После Екатеринодарского реального училища некоторое время был студентом Варшавского политехнического института, но вскоре перешел в Елизаветградское кавалерийское училище. Участник Первой мировой войны. В 1918–1920 годах командовал Черкесским полком и участвовал в десанте казачьих частей из Крыма на Кубань. В 1920 году эмигрировал в Болгарию, откуда переехал в Албанию и занимал там высокое положение при правительстве Ахмеда Зогу. После Второй мировой войны уехал в Чили, где служил в Военно-Географическом институте. Незадолго до смерти был избран атаманом Общеказачьей станицы в Чили.

Фердинандов Николай Алексеевич (1886–1925)

Художник-декоратор, живописец и архитектор. Уроженец Москвы, занимался сначала в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, затем — в Высшем художественном училище Академии художеств Санкт-Петербурга. В 1910–1913 годах путешествовал по Египту, Греции, Италии и Франции. В 1913 году на Международной художественной выставке в Риме был удостоен Золотой медали. В 1919 году эмигрировал в Венесуэлу. Поселившись в Каракасе, начал активно участвовать в художественной жизни этой страны, в деятельности местного Общества изящных искусств. Вокруг него объединилась группа живописцев, преимущественно пейзажистов, в том числе выдающийся венесуэльский мастер Армандо Реверон. В 1920–1922 годах неоднократно экспонировал на проходивших в Венесуэле выставках свои работы. В 1923–1924 годах жил на острове Кюрасао, где и умер 7 марта 1925 года от туберкулеза.

Фетисов (1908–1998)

Отец Серафим

Прибыл в Перу из Европы в начале 50-х годов. Для него был арендован дом в Лиме, в котором устроили иконостас. По инициативе князя А. Н. Чагадаева начался сбор средств для покупки земли и строительства храма. Храм был построен в 1954 году и освящен 16 октября 1955 года. В 1958 году в результате конфликта с Архиерейским синодом РПЦЗ отец Серафим обратился к архиепископу Иоанну (Шаховскому) с просьбой о принятии его прихода в юрисдикцию Американской православной церкви. Приход был принят в АПЦ и находился там до 90-х годов.

Филиппович Василий Константинович (1904–1971)

Архиепископ Леонтий

Учился в Екатеринославском духовном училище и в Киево-Софийском духовном училище. В 1927 году принял монашеский постриг, потом был приходским священником в Покровской церкви в Киеве. В 1932 году был обвинен в антисоветской агитации, арестован и посажен в Лукьяновскую тюрьму. Затем его отправили на принудительные работы в Житомирскую область. Свободу получил лишь с приходом немецких войск в Житомир. После этого находился на оккупированных территориях, был епископом Бердичевским, потом — Житомирским. По окончании войны уехал за границу: в Польшу, потом в Австрию. С 1946 года возглавлял Парагвайскую кафедру РПЦЗ, а в 1953 году был назначен епископом в новообразованную Чилийско-Перуанскую епархию. В 1957 году построил Свято-Троицкий храм в Лиме (Перу). При нем в Чили была основана женская монашеская община. Уже будучи архиепископом Сантьягским и Чилийским, в 1967 году был переведен в Сан-Паулу, а оттуда — в Аргентину, где в то время находилась самая многочисленная в Латинской Америке русская колония. С 1969 года — архиепископ Буэнос-Айресский, Аргентинский и Парагвайский. В его юрисдикции находились приходы РПЦЗ, расположенные в Аргентине, Парагвае, Уругвае, Чили и Перу.

Фишер Яков (1896–1979)

Композитор, скрипач, дирижер. В 1917 году окончил Петроградскую консерваторию. С 1923 года жил в эмиграции в Аргентине. Входил в «Группу музыкального обновления». Писал сочинения на сюжеты русской классической литературы, был автором нескольких балетов.

Чиркин Георгий Михайлович (...-1960)

Штабс-капитан. Во ВСЮР и Русской армии комендант штаба в Марковской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи. В эмиграции в Парагвае, к 1936 г. капитан в парагвайской армии, затем в Аргентине. Умер 14 августа 1960 г. в Буэнос-Айресе.

Шмитов Игорь Николаевич (1922–1982)

Художник. Получив художественное образование в Загребе, Вене и Мюнхене, приехал в Буэнос-Айрес уже сложившимся художником, участником ряда европейских выставок. Известен главным образом как иконописец. Успешно работал как театральный художник-декоратор, пейзажист и иллюстратор.

Шоллар Людмила Федоровна (1888–1978)

Балерина, педагог. Родилась в Санкт-Петербурге. Окончила Петербургское театральное училище. В 1906–1921 годах была балериной Мариинского театра. В 1909–1914 годах — участница русских сезонов в Париже. Участница Первой мировой войны, была сестрой милосердия на фронте. Была дважды ранена, награждена двумя Георгиевскими медалями. С 1921 года находилась в эмиграции во Франции. С 1921 по 1925 год — солистка Русского балета Дягилева. С 1925 по 1935 год жила в Аргентине, выступала в театре «Колон» (Буэнос-Айрес) и в труппе Иды Рубинштейн. В 1935 году переехала в США, где организовала собственную балетную школу.

Эрзя (Нефедов) Степан Дмитриевич (1876–1959)

Художник, скульптор, которого называли «русским Роденом». Окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества. С 1906 по 1914 год жил и работал в Италии и Франции, с 1920 по 1926 год — преимущественно на Кавказе. В 1926 году выехал с выставкой во Францию. Из этой поездки назад в Россию не вернулся. С 1927 по 1950 год жил и работал в Аргентине. Там его выставки следовали одна за другой. Аргентинское правительство не раз отмечало его всевозможными премиями. Ему даже предложили аргентинское гражданство, но он отказался. В 1950 году принял твердое решение вернуться в СССР. Умер в Москве 24 ноября 1959 года.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

На русском языке:

- Байкалов-Латышев С. Н.* Как я стал художником // Кадетская перекличка. № 23. 1979.
- Баранова М. Н.* Степан Дмитриевич Эрзя (Нефедов). Саранск, 1981.
- Борман А. А. А. В.* Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Вашингтон, 1964.
- Вербицкая Ирина.* Неизвестные страницы из жизни Николая Краснова // Наша страна. Буэнос-Айрес, Аргентина. № 2812. 2007.
- Волкогонов Д. А.* Троцкий: Политический портрет (в 2-х книгах). Москва, 1992.
- Гибель Царского Петрограда. Февральская революция глазами градоначальника А. П. Балка // Русское прошлое. Книга 1. Санкт-Петербург, 1991.
- Гладышева Наталья.* Уголок России в Парагвае // Спецназ России. № 11 (74) — 02 (77). 2002–2003.
- Глинка Я. В.* Одиннадцать лет в Государственной Думе (1906–1917). Дневник и воспоминания. Москва, 2001.
- Гончаренко О. Г.* Между звездой и свастикой. Судьбы белогвардейцев. Москва, 2005.
- Денисов Н. В.* Житие казака Генералова // Подъем. № 10. 2007.
- Друголенский Я. Н.* Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга (1703–1917). Санкт-Петербург, 2001.
- Дойчер Исаак.* Троцкий в изгнании (перевод с английского). Москва, 1991.
- Донцов И. В.* Николай Гущаленко — Белый индеец // Кадетская перекличка. № 36. 1984.
- Емельянов Ю. В.* Троцкий. Мифы и личность. Москва, 2003.
- Залесский К. А.* Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. Москва, 2000.
- Залесский К. А.* Кто был кто в Первой мировой войне. Биографический энциклопедический словарь. Москва, 2003.
- Зенькович Н. А.* Самые секретные родственники (энциклопедия биографий). Москва, 2005.
- Кармен А. Р.* Русский дом в Асунсьоне // Вокруг Света. № 1 (2628). 1993.
- Кармен А. Р.* «Русос бланкос» в стране гуарани // Русская цивилизация (www.rustrana.ru)
- Киндрась Екатерина.* Венесуэльское солнце украинского гения // Зеркало недели. № 14 (643). 14–20.04.2007.
- Клавинг В. В.* Гражданская война в России: Белые армии. Москва, 2003.
- Козякин Н. В.* Светлой памяти Сергея Байкалова-Латышева // Кадетская перекличка № 33. 1983.
- Колпакиди А. И.* Ликвидаторы КГБ. Москва, 2009.
- Константинов Д. В.* Записки военного священника. Канада, 1980 (militera.lib.ru/memo/russia/konstantinov)
- Косик В. И.* Русская Югославия: фрагменты истории (1919–1944) // Славяноведение. № 4. 1992.

Кублицкая М. А. Русский генерал в Парагвае. Генерал-майор Русской Императорской Армии Николай Францевич Эрн // Кадетская переключка. Нью-Йорк. № 77. 2006.

Любавина Екатерина. Химик-ресторатор // Деньги. № 38 (543). 26.09.2005.

Мартынов Б. Ф. Русский Парагвай: Повесть о генерале Беляеве, людях и событиях прошлого века. Москва, 2006.

Масловский Е. В. Мировая война на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. Стратегический очерк. Париж, 1933.

Нечаева Т. Ю. Адаптация русских эмигрантов в Латинской Америке // Латинская Америка. № 12. 1996.

Никандров Нил. Иван Солоневич: народный монархист. Москва, 2007.

Николаев Ю. Улица команданте Беляева // Парламентская газета. № 205 (2055). 07.12.2006.

Ордовский-Танаевский Н. А. Воспоминания. Москва, 1993.

Парчевский К. К. В Парагвай и Аргентину. Париж, 1937.

Политические деятели России (1917). Биографический словарь. Москва, 1993.

Псарев А. В. Архиепископ Леонтий Чилийский (1904–1971). Материалы к жизнеописанию архипастыря гонимой Церкви Русской (catacomb.org.ua)

Роговин В. З. Партия расстрелянных. Москва, 1997.

Российский М. А. Русское зарубежье на Кубе. Москва, 2002.

Ростислав Вадимович Ордовский-Танаевский Бланко (www.peoples.ru)

Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России.

Материалы к истории Белого движения. Москва, 2002.

Сикейрос Давид Альфаро. Меня называли лихим полковником. Воспоминания (перевод с испанского). Москва, 1986.

Смыслов О. С. «Пятая колонна» Гитлера. От Кутепова до Власова. Москва, 2004.

Судоплатов ПЛ. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. Москва, 1997.

Судоплатов ПЛ. Разведка и Кремль. Москва, 1996.

Ходак Ирина. Волшебник из Ворожбы // Зеркало недели. № 43 (468). 8–14.11.2003.

Хольмстон Б. А. Война и политика. Партизанское движение. Нью-Йорк, 1957.

Хольмстон-Смысловский Б. А. Личные воспоминания о генерале Власове // Суворовец. № 30 (45) — 38 (53). Август — октябрь. 1949.

Хоффман Йоахим. История власовской армии. Париж, 1990.

Чуев С. Г. Проклятые солдаты. Предатели на стороне III рейха. Москва, 2004.

Шварц А. В. (генерал-лейтенант фон Шварц). Рассказы о жизни за границей (xxl3.ru/kadeti/shwarts.htm)

Шейнбаум Л. С. Русские в Аргентине // Латинская Америка. № 5. 1993.

Шкляревская М. Художник, женщина, личность. Фрида Кало, рожденная космосом // Русский базар. № 14 (624). 3–9.04.2008.

Шталь А. В. Малые войны 1920–1930-х годов. Москва, 2003.

На иностранных языках:

Broué Pierre. Trotsky. Paris, 1988.

Corona Marco. Frida Kahlo, une biographie surréelle. Paris, 2001.

De avila Fernando Bastos. Immigration in Latin America. Washington, 1964.

Encina Gisela Silva. Miguel Krassnoff, prisionero por servir a Chile. Editorial Maye, 2007.

Entrevista a Miguel Krassnoff en El Mercurio 06 de julio de 2003.

Gorboff Marina. La Russie fantôme. L'émigration russe de 1920 à 1950. Paris, 1995.

Hansen Joseph. Avec Trotsky jusqu'au dernier moment // L'Assassinat de Léon Trotsky. Paris, 2000.

Laïdi Zaki & Cayrac-Blanchard Françoise. L'URSS vue du Tiers monde. Paris, 1984.

Nicolas Ferdinandov. «El Ruso». Compilacion y notas de Konstantin N. Zapozhnikov. Caracas, 1988.

Sedova-Trockaja Natalija Ivanovna. Comment s'est arrivé // L'Assassinat de Léon Trotsky. Paris, 1946.

Serge Victor (écrit en collaboration avec Natalia Sedova, la veuve de Trotsky). Vie et mort de Léon Trotsky. Paris, 1951.

Van heijenoort Jean. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacan. Harvard University Press, 1978.

Zapozhnikov Konstantin. Nicolas Ferdinandov. El Hombre del Pais de las Nieves Azules. Caracas, 1986.

Нечаев Сергей

Москва, май — июль 2009 года

Комментарии

¹ Псаломщик — низший служитель в православной церкви, светское лицо, помогающее священнику в совершении церковных служб и обрядов (чтение из богослужебных книг, пение на клиросе и др.).

² Диакон — лицо, проходящее церковное служение на первой, низшей степени священства.

³ Протопресвитер — высшее звание для лица белого духовенства (в православной церкви духовенство делится на черное — монашество — и белое — священники, дьяконы). После 1917 года это звание присваивается «в исключительных случаях, за особые церковные заслуги».

⁴ В настоящее время фирма «S. Mamontov y Asociados» предоставляет услуги по оформлению выезда на постоянное место жительства в Аргентину. В компанию входят потомки знаменитого купеческого рода Мамонтовых (в частности, Сергей Саввич Мамонтов — аргентинец, по образованию экономист), некоторые из них живут в Аргентине.

⁵ В июне 1927 года в Сан-Паулу прибыл русский священник Михаил Кляровский — выпускник Псковской духовной семинарии. Первая церковь Святого Николая Чудотворца, открытая благодаря отцу Михаилу, размещалась в салоне частного дома в Сан-Паулу, где на собранные пожертвования был устроен иконостас и приобретено все необходимое для совершения богослужения. В 1931 году отца Михаила, переехавшего в Парагвай, сменил иеромонах Михей Ордынцев. Он стал одновременно и настоятелем Свято-Троицкого храма, построенного в Вила-Алпина.

⁶ Бразильская православная епархия была учреждена в октябре 1934 года. Ее главой с титулом епископа Сан-Паульского и Всей Бразилии был назначен отец Феодосий (Самойлович), эмигрировавший из России в 1920 году и служивший до этого в Детройте. Он прибыл в Бразилию 5 января 1935 года. В 1939 году Бразильская епархия РПЦЗ получила юридическое оформление, после чего был организован Епархиальный Совет. После Второй мировой войны отец Феодосий был возведен в сан архиепископа.

⁷ 4 сентября 1943 года митрополиты Сергей (Страгородский), Алексей (Симанский) и Николай (Ярушевич) были приглашены в Кремль для встречи с И. В. Сталиным. Состоялась беседа, в которой приняли участие нарком по иностранным делам В. М. Молотов и полковник госбезопасности Г. Г. Карпов. В результате этой встречи было получено разрешение на созыв Архиерейского собора, избрание на нем Патриарха. Архиерейский собор состоялся 8 сентября. В нем участвовали 19 архиереев, некоторые из которых были освобождены из мест заключения незадолго до Собора. Патриархом Московским и всея Руси был избран митрополит Сергей. Он скончался от кровоизлияния в мозг 15 мая 1944 года, после чего его место занял митрополит Алексей (Симанский), пробывший Патриархом до 1970 года.

⁸ В 1948 году П. П. Шостаковский подал в советское консульство заявление о возвращении (с женой, с дочерью и внуками). После войны многие эмигранты хотели вернуться в Россию — их мучило чувство вины за то, что они ничем не смогли помочь своей родине. Им повезло: заявление пролежало в ящике стола советского консула в Буэнос-Айресе пять лет, то есть до смерти И. В. Сталина. И только в 1955 году семье П. П. Шостаковского было разрешено вернуться в СССР — только не в Москву и не в Ленинград. Советская власть отправила всех в Минск.

⁹ Клирик (чтец) — низший чин, относящийся к церковнослужителям, не возведенный в степень священства, читающий во время общественного богослужения тексты Священного Писания и молитвы.

¹⁰ Сахновский Николай Иванович — русский политический мыслитель и общественный деятель. В 1948 году прибыл через Парагвай в Аргентину. В 60–70-е гг. был одним из руководителей монархической организации Российский Имперский Союз-Орден (РИС-О) в Аргентине. Издатель русской монархической

газеты «Русское слово», которая перестала выходить в 1979 году по причине его болезни, а также финансовых затруднений.

¹¹ Епархия — административно-территориальная единица Церкви во главе с архиереем (епископом).

¹² Экзарх — архиепископ, управляющий церквями отдельной области.

¹³ Хевсуры — этнографическая группа грузин, коренное население горной области Хевсурети — на южных склонах Большого Кавказа. Антропологически хевсуры выше среднего роста, с голубыми глазами и светлорусыми волосами.

¹⁴ Каудильо (*исп. caudillo*) — предводитель.

¹⁵ Действительный статский советник — гражданский чин 4-го класса, соответствовавший должности директора департамента, губернатора и градоначальника. Титуловался «Ваше Превосходительство».

¹⁶ Российский Имперский Союз-Орден (РИС-О, RIU-0) — монархическая организация, созданная русскими эмигрантами в 1929 году в Париже и существующая до настоящего времени.

¹⁷ Капповский путч (Kapp-Putsch) — мятеж, предпринятый консервативными силами в 1920 году против правительства Веймарской республики.

¹⁸ Ганс Кундт умер 30 августа 1939 года в Лугано (Швейцария), не дожив одного дня до начала Второй мировой войны.

¹⁹ Беляев Николай Тимофеевич (1878–1955) — выпускник Санкт-Петербургской Михайловской артиллерийской академии. Участник Первой мировой войны. В 1915 году был командирован в Англию для работы по обеспечению поставок вооружения и материалов для русской армии. После Октябрьской революции в Россию не вернулся и остался в Англии. В 1934 году переехал в Париж.

²⁰ Гонорис кауза (*лат. honoris causa*) — почетный (буквально «почета ради»).

²¹ Это училище под названием Санкт-Петербургская школа образования инженерных кондукторов было основано в 1804 году. В 1855 году училище было названо Николаевским, а офицерское отделение училища было преобразовано в самостоятельную Николаевскую инженерную академию. Училище стало готовить только младших офицеров инженерных войск (по окончании трехлетнего курса выпускники получали звание инженерного прапорщика, с 1884 года — инженерного подпоручика).

²² ОКХ (*Oberkommando des Heeres*) — главнокомандование сухопутных сил вермахта с 1939 по 1945 г.

²³ Перемещенное лицо (калька с англоязычного термина «Displaced Person»; DP — произносится «Ди-Пи») — лицо, внешними обстоятельствами, такими как война или стихийное бедствие, вынужденное покинуть место постоянного проживания.

²⁴ Хустисиалистский (от испанского *Justicia* — справедливость) режим — социальный эксперимент аргентинского президента Хуана Доминго Перона в послевоенный период.

²⁵ Краснов Семен Николаевич (1893–1947) — один из руководителей антибольшевистского казачьего движения, генерал-майор вермахта. Образование получил в Николаевском кавалерийском училище, откуда был выпущен в лейб-гвардии Казачий полк. Был участником Первой мировой войны. В 1918 году вступил в Донскую армию. В августе-ноябре 1920 года служил начальником конвоя П. Н. Врангеля. Был эвакуирован из Крыма в Турцию. В 1921 году переехал в Белград, а в августе 1924 года — в Париж. Приветствовал нападение Германии на СССР, сотрудничал с немецким командованием. В 1942 году был командирован на Дон, где участвовал в формировании вспомогательных донских частей. В 1943 году был назначен начальником военного отделения казачьего отдела Имперского министерства восточных оккупированных территорий (МВОТ). С мая 1944 года был начальником штаба Главного управления

казачьих войск МВОТ, а потом — начальником штаба Главного управления казачьих войск при Восточном министерстве Германии. Получил три немецких ордена и был произведен в генерал-майоры. В 1945 году вместе с Казачьим станом сдался британским войскам, был передан представителям советского командования в Юденбурге, а потом арестован контрразведкой СМЕРШ. С. Н. Краснов был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни и казнен в следственной тюрьме НКВД 16 января 1947 года.

²⁶ На самом деле история эта выглядела следующим образом. В конце XIX века в Полтаве старый дом Губернского земства стал тесен. В конце 1902 года утвердили представленный земским архитектором Александром Ширшовым проект дома в стиле французского ренессанса. Вскоре тот поссорился со своим начальством и ушел со службы. Тогда из Киева пригласили модного в те времена академика архитектуры Владимира Николаева. Весной 1903 года проект Ширшова с декорацией переднего фасада Николаева земцы показали авторитетному художнику Сергею Васильковскому. Тому проект не понравился. Между тем рабочие уже разобрали старый земский дом, вырыли котлован под фундамент и достроили стены до подоконников первого этажа. В результате строительство приостановили. Был объявлен новый конкурс, на который 30-летний В. Г. Кричевский прислал свой проект «в южнорусском стиле». Кроме него, рассматривалось еще семь проектов. В результате голосования 8 голосов были за проект Кричевского и только 2 против него. Земский дом в Полтаве освятили 14 октября 1908 года. «Дом как гром!» — воскликнул тогда Сергей Васильковский, принимавший участие в его отделке.

²⁷ Его правнучка — Бланка Мирослава Линде — родилась в Венесуэле в 1976 году и живет в США.

²⁸ Это две последние строки из стихотворения «Воспоминание» (1827) Василия Андреевича Жуковского.

²⁹ Наиболее известна знаменитая роспись Диего Риверы в правительственной резиденции — Национальном дворце, где в полутора десятках грандиозных композиций он представил историю Мексики вплоть до светлого утопического будущего.

³⁰ Диего Ривера скончался 25 ноября 1957 года в Мехико. Великий художник скончался на 71-м году жизни, лишь на три года пережив Фриду Кало.

³¹ Фрида Кало в 40-е годы участвовала в нескольких крупных выставках. В то же время у нее обострились проблемы со здоровьем. Лекарства и наркотики, которые должны были уменьшить физические страдания, помогали мало, и Фрида умерла 13 июля 1954 года.

³² В настоящее время этот знаменитый «Голубой дом» находится на углу улиц Лондрес и Альенде.

³³ Григулевич Иосиф Ромуальдович (1913–1988) — сотрудник органов госбезопасности, ученый, писатель, переводчик. Член-корреспондент АН СССР. С 1937 года работал по линии НКВД в Южной Америке. В 1957–1960 годах — заместитель заведующего отделом в Госкомитете по культурным связям с зарубежными странами при Совмине СССР. Автор ряда работ по истории стран Латинской Америки и католической церкви.

³⁴ Мария де Лас Эрас (1909–1988) — испанка, родившаяся в Марокко, специальный агент (псевдоним «Патрия»), которого НКВД сумел внедрить в секретариат Л. Д. Троцкого еще во время его пребывания в Норвегии. Судьба ее легендарна. Во время Второй мировой войны ее забросили на парашюте в тыл к немцам, где она сражалась в партизанском отряде. После войны она активно работала в агентурной сети КГБ в Латинской Америке, выполняла обязанности радиста. В СССР она возвратилась только в 70-х годах в звании полковника.

³⁵ Эйтингон Наум Исаакович (1899–1981) — генерал-майор госбезопасности, в 30-е годы выполнял наиболее ответственные поручения НКВД за границей, был организатором террористических актов. После

падения Л. П. Берии в августе 1953 года был арестован и приговорен к двенадцати годам тюремного заключения. В 1964 году был освобожден, работал старшим редактором в издательстве «Иностранная литература».

³⁶ А. П. Василевский (1903–1979) — сотрудник ОГПУ-НКВД, полковник, писатель, переводчик. Участвовал в национально-революционной войне испанского народа в 1936–1939 годах и в Великой Отечественной войне. Автор ряда документальных повестей, а также многих рассказов и очерков.

³⁷ Всеволод Платонович Волков (Сева) — сын старшей дочери Л. Д. Троцкого Зинаиды, родившийся в 1926 году. Впоследствии мексиканский химик Эстебан Волков Бронштейн.

³⁸ В СССР, в 1966 году, Давиду Альфаро Сикейросу была присуждена Международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

³⁹ Леонид Александрович Эйтингтон (он же Эйтингон, он же Эйдингтон, он же Наум Исаакович Эйтингон, он же Грозовский, он же Леонов, он же Наумов, он же товарищ Пабло) был офицером НКВД, завербовавшим Каридад Меркадер, мать Рамона Меркадера. Именно он занимался обучением матери и сына всем премудростям «науки» шпионажа. В 1936–1938 годах он был заместителем резидента в Испании.

⁴⁰ В Мексике у Рамона Меркадера был поддельный канадский паспорт на имя Фрэнка Джексона, который ему выдали советские спецслужбы. В это же самое время НКВД открыл в Нью-Йорке подставную фирму, которой якобы руководил этот молодой «предприниматель».

⁴¹ Любопытна такая деталь. Как утверждали позже некоторые историки, Леонид Эйтингон якобы находился в интимных отношениях с Каридад Меркадер. Более того, этот советский офицер и потом, после 1940 года, чаще, чем того требовала оперативная необходимость, посещал одну из московских квартир, где жила мать ликвидатора Л. Д. Троцкого. Эта «вольность» якобы была поставлена генералу Эйтингону в вину, когда военный трибунал в 1954 году выносил «пособнику Берии» приговор: двенадцать лет лишения свободы. На свободу он был выпущен лишь в 1964 году. А вот весьма осведомленный генерал НКВД П. А. Судоплатов всегда утверждал, что слухи о близости Леонида Эйтингона и Каридад Меркадер — не более чем «вздорные измышления».

⁴² Ставший в 1945 году генерал-майором Л. А. Эйтингон в 1951 году был отстранен от работы по обвинению в принадлежности к сионистской организации в МГБ. Сталин распорядился Эйтингона отстранить, но дальнейших указаний не дал. МГБ, не имея точных распоряжений, не рискнуло оставить его на свободе. Эйтингона поместили на специальную подмосковную дачу, где он жил в полном довольстве, но в строгой изоляции — никаких посетителей, без газет и радио. Он был освобожден в 1953 году, но в конце 1957 года его вновь арестовали, судили и приговорили к двенадцати годам заключения. В чем конкретно обвинили — неизвестно. Скорее всего, его осудили как сторонника Л. П. Берии. А. А. Эйтингон отбыл в заключении семь лет и вернулся в Москву в 1964 году.

⁴³ Генерал П. А. Судоплатов — начальник особого разведывательно-диверсионного отдела при наркоме внутренних дел СССР (его заместителем был Л. А. Эйтингон) — в 1953 году был арестован как «пособник Берии» и до 1958 года находился под следствием. Виновным он себя не признал и в сентябре 1958 года был осужден на пятнадцать лет лишения свободы. Он отбывал наказание во Владимирской тюрьме, где перенес три инфаркта, ослеп на один глаз и получил инвалидность. Его освободили лишь в 1968 году.